МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ

1918 г.

Книга 1-я.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

КЪ СВѢДѢНІЮ гг. АВТОРОВЪ.

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть написаны четко, на одной сторонѣ листа. На рукописи должны быть обозначены фамилія, адресъ автора и условія оплаты. При переводахъ необходимо прилагать оригиналъ. Авторы и переводчики, благоволятъ оставлять у себя копіи своихъ произведеній, такъ какъ отвѣтственности за сохранность рукописей редакція ни въ какомъ случаѣ на себя не принимаетъ.

СОДЕРЖАНІЕ

МАСКАРАДЪ. Забытый разсказъ изъ жизни Пушкина. Съ предисловіемъ *Н. О. Лернера* 5

ТРИ БРИЛЛІАНТА. Разсказъ *В. Вудроу* (съ 3 рис.) 29

ИГРА. Разсказъ *Е. Терстона* (съ 2 рис.). 47

МЕРТВЫЙ ШТИЛЬ. Трагедія молчаливаго капитана. Разсказъ *Ричарда Хаміета* (съ 3 рис.). 81

КТО ОНЪ? Разсказъ *Мерджори Бауэнъ* (съ рис.). 113

ЗАДАЧИ. Подъ ред. *Цыфиркина*. 127

Пятая Государственная тип., Птгр., Стремянная, 12

ЗАБЫТЫЙ РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ПУШКИНА

МАСКАРАДЪ

Съ предисловіемъ Н. О. ЛЕРНЕРА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПУШКИНЪ, жизнь котораго представляетъ собой такой богатый историческій и поэтическій матеріалъ, былъ выводимъ въ беллетристическомъ изображеніи рѣдко и въ общемъ довольно неудачно. Одна изъ лучшихъ подобныхъ попытокъ, при томъ самая ранняя, появилась много лѣтъ назадъ, черезъ два года послѣ смерти поэта. Это — разсказъ «Маскарадъ», напечатанный въ «Библіотекѣ для чтенія» 1839 г. Въ свое время на него обратилъ вниманіе Бѣлинскій.

«Маскарадъ» — говорилъ критикъ («Московск. Наблюдатель» 1839 г.)— «бойко и рѣзво написанный разсказъ, легкій очеркъ большого свѣта. Въ немъ играетъ важную роль какой-то поэтъ Н—нъ, по имени Александръ Сергѣевичъ, который, когда его маска называетъ Алеко и намекаетъ о Кавказѣ и Бессарабіи, принимаетъ это за намекъ на свои сочиненія... Но это еще ничего... Странно, что этотъ Н—нъ, пріѣхавъ съ маскарада домой, «скинулъ фракъ, придвинулъ свѣчу, опустилъ перо въ чернильницу, потеръ рукой по лбу, зѣвнулъ, написалъ шестую строку «Бородинской Годовщины» и легъ спать». Это что-то похожее—какъ бы сказать? — на плоскость, слишкомъ неумѣстную и для многихъ оскорбительную»...

По всѣмъ указаннымъ Бѣлинскимъ признакамъ слишкомъ ясно, что герой «Маскарада»—Пушкинъ. Упоминаніе о «Бородинской годовщинѣ», этой высоко-патріотической пьесѣ, которую Пушкинъ писалъ будто бы зѣвая, дѣйствительно плоскость, обидная для памяти поэта.

Разсказъ подписанъ именемъ «Невѣринъ», безъ всякихъ иниціаловъ,— очевидно, псевдонимомъ. Кто подъ нимъ скрывался, намъ не удалось доискаться.

Въ «Литературной лѣтописи» «Библіотеки для чтенія», т. XXXIII, отд. VI, стр. 51, по поводу романовъ Невѣрина, объ авторѣ говорится, какъ о молодомъ человѣкѣ, и прибавлено: «мы принимаемъ эту фамилію за псевдонимъ». Тамъ же, т. XXXIV, отд. VI, стр. 4—5, помѣщена рецензія на романъ Н. Невѣрина «Мужъ-эгоистъ» (Спб. 1839), въ которой похвалено остроуміе автора. Но по разсказу, вѣроятно, прошлась безцеремонная рука О. И. Сенковскаго, редактора «Библіотеки для чтенія».

Объ этомъ можно догадываться не только по неприличному намеку насчетъ «Бородинской Годовщины», который вполнѣ въ духѣ безпардоннаго и бездушнаго Сенковскаго, къ тому же, въ качествѣ поляка, уязвленнаго «Бородинской Годовщиной», но и по отрывку изъ «оффиціальнаго донесе-

нія турецкаго посла», приводимому въ началѣ разсказа. Сенковскій, какъ извѣстно, любилъ и хорошо зналъ Востокъ и охотно, и часто о немъ писалъ. О Пушкинѣ Сенковскій всегда хранилъ память. «Мы слышали отъ него десятки любопытныхъ разсказовъ про частную жизнь Пушкина»,— передавалъ А. В. Дружининъ (некрологъ въ «Библ. для чтенія» 1858 г.).

Давно забытый, но «бойко и рѣзво написанный» разсказъ «Невѣрина» интересенъ тѣмъ, что въ немъ выступаетъ Пушкинъ въ качествѣ свѣтскаго человѣка и остроумнаго двигателя хитро задуманной маскарадной интриги. Былъ ли въ жизни Пушкина переданный «Невѣринымъ» эпизодъ, это опредѣлить невозможно, но Пушкина авторъ несомнѣнно зналъ и сумѣлъ въ немъ показать находчиваго, увѣреннаго, остроумнаго гражданина большого свѣта.

Если разсказъ «Невѣрина» и не вѣренъ, то, во всякомъ случаѣ, говоря словами итальянской поговорки, хорошо выдуманъ. Пушкинъ ловкимъ перомъ нарисованъ среди той блестящей обстановки, которую такъ любилъ поэтъ, и о которой онъ говорилъ въ «Онѣгинѣ»:

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:
Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма...
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость.

Н. Лернеръ.

МАСКАРАДЪ.

Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ
. . . . . .
Всѣ чувства поражаетъ вдругъ.

Пушкинъ.

Било одиннадцать часовъ. Первая комната Энгельгардтова дома пестрѣла разноцвѣтными костюмами. Вдругъ дверь въ прихожую отворилась. Вошла дама въ черной маскѣ. Одинъ изъ мужчинъ насмѣшливо спросилъ:

— Beau masque, ты пріѣхала одна?

— Какъ можно, — отвѣчала маска и оглянулась:—Старикъ мой тащится за мною. Вотъ онъ.

Въ эту минуту, ничего не подозрѣвая, вошелъ въ прихожую какой-то почтенный генералъ. Бывшіе тамъ мужчины встрѣтили его громкимъ смѣхомъ, окружили и разсказали причину своей веселости. Генералъ просилъ показать затѣйницу: ея ужъ не было.

Между тѣмъ въ залѣ уже начиналось движеніе; насталъ законный часъ непринужденной веселости. Маскарадъ одушевился; всѣ старались любезничать; всѣ шутили и позволяли шутить съ собой.

Маскарадъ, какъ извѣстно, свѣтъ на изнанку. Мужчины скромничаютъ и порой даже краснѣютъ. Женщины бѣгаютъ за мужчинами, шепчутъ имъ любовныя признанія, назначаютъ свиданія, упрекаютъ въ вѣтренности. Сходство между свѣтомъ и маскарадомъ является только въ томъ, что мужчины, и здѣсь и тамъ, плѣняясь сладкими словами, остаются въ дуракахъ.

Одна маска, подцѣпивъ грознаго воина, котораго никогда не встрѣчали въ дамскомъ обществѣ, таскала его изъ одной комнаты въ другую, кружила по залѣ, и до того расшевелила его воображеніе, что грозный воинъ посматривалъ на нее съ любопытствомъ и даже улыбнулся прежде, чѣмъ передалъ ее другому кавалеру. Другая морочила философа. И философъ пустился догонять разсказчицу, которая открывала ему самыя тайныя его помышленія и вовсе не философскіе замыслы.

Нѣкто, извѣстный своимъ равнодушіемъ къ женскому полу, стоялъ одинокъ и смотрѣлъ насмѣшливо на эти женскія сатурналии.

Ученый оріенталистъ разсказывалъ столпившимся около него молодымъ слушателямъ, какимъ образомъ Ресми-эфенди, посолъ турецкаго султана къ Фридриху Великому, описываетъ наши маскарады въ оффиціальномъ донесеніи, напечатанномъ въ Константинополѣ: «Кромѣ плясокъ и сидячихъ собраній, есть у нихъ одинъ родъ ходячаго собранія, называемаго редутъ или маскарадъ. Мужчины и женщины, налѣпивъ себѣ на лицо странныя рожи, нѣчто въ родѣ носовъ изъ тѣста, употребляемыхъ нашими паяцами, и закутавшись въ покрывала изъ чернаго и краснаго левантина, сперва посидятъ немного, а потомъ вдругъ всѣ встаютъ и начинаютъ въ страшномъ безпорядкѣ кружить по залѣ. Тогда каждый, по росту и тѣлодвиженіямъ, старается узнать ту барыню (бону), къ которой клонится его сердце. Такъ какъ бѣдствіе ревности неизвѣстно мужьямъ тѣхъ странъ и при томъ дѣло происходитъ какъ будто за занавѣсомъ, то, отыскавъ другъ друга, они схватываются подъ руки и преспокойно уходятъ туда, гдѣ ихъ душамъ угодно». Всѣ слушатели признали, что посолъ турецкаго султана былъ хорошій наблюдатель нравовъ.

— Чего же ты боишься?

— Мнѣ сказали, говорятъ...

— Что же говорятъ...

— Говорятъ, что у тебя завалъ въ сердцѣ.

Маска убѣжала; обиженный намекомъ красавецъ спѣшилъ узнать ее.

Нѣкоторые изъ сонливыхъ, сдвинутые съ своихъ подножій веселымъ разгуломъ маскарада, теряясь въ этой путаницѣ чиновъ и умовъ, пожимали плечами, увѣряя, что маскарадъ въ Петербургѣ—анахронизмъ.

Прочіе, посмѣтливѣе, вникая въ духъ времени, пользовались случаемъ, схватывали на лету сердца, блуждающія безъ цѣли, и были довольны собою.

У дверей залы, при входѣ въ буфетъ, на высшей эстрадѣ, сидѣла неподвижно черная маска. Только по

сверкающимъ глазамъ можно было угадать, что она слѣдила кипучее движеніе бала и наблюдала за проходящими. Кто-то за дверьми сказалъ:

— Здравствуй, Н—нъ.

Маска встала.

Н—нъ разговаривалъ съ однимъ школьнымъ товарищемъ и бранилъ маскарадъ. Для удовольствія бранить, онъ бывалъ на всѣхъ маскарадахъ, пріѣзжалъ одинъ изъ первыхъ, уѣзжалъ одинъ изъ послѣднихъ; нерѣдко тамъ ужиналъ и, послѣ каждаго маскарада, писалъ безсмертные стихи въ альбомъ смертныхъ красавицъ.

— Алеко!—сказала маска, слѣдуя за нимъ и грозя пальцемъ.

Н—нъ остановился, окинулъ маску проницательнымъ взоромъ, покачалъ недовѣрчиво головою, взялъ товарища подъ руку и, поклонившись, довольно сухо сказалъ маскѣ:

— Я, кажется, тебя не знаю.

— Неблагодарный!—произнесла маска дрожащимъ голосомъ.—А я тебя такъ давно знаю!.. такъ давно люблю!

— Вѣрю. Только врядъ ли мы когда встрѣчались?

— Напротивъ. Мы рѣдко когда разстаемся.

— Въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ же мы видимся?

— Вездѣ, гдѣ ты бываешь!

— Напримѣръ?

— Я слѣдила за тобой на Кавказѣ, провожала тебя въ Бессарабію, была...

— О! понимаю; ты говоришь о моихъ сочиненіяхъ ..... Многія красавицы дарятъ меня такими свиданіями; но отъ нихъ мнѣ мало проку. Прощай. Въ другой разъ перемѣняй голосъ, ежели хочешь обманывать.

Маска содрогнулась.

— Вотъ скучная маска! — сказалъ Н—нъ, отходя къ своимъ товарищамъ.—У ней даже нѣтъ маскарадной сноровки. Вздумала прельщать моими сочиненіями!.. Пойдемъ, князь; быть можетъ, встрѣтимъ что-нибудь поинтереснѣе.

— Постойте, Алеко,—сказала маска, не отступая отъ него.

— Какая неотвязчивая!—произнесъ Н—нъ, однакожъ оборотился.

— Я имѣю къ вамъ препорученіе, важное дѣло,—продолжала маска, понизивъ голосъ.

— Маскарадное?—спросилъ Н—нъ, хитро улыбаясь.

Маска лукаво кивнула головой.

— Это дѣло другое. Изволь, я слушаю.

Съ этимъ словомъ, опустивъ руку товарища, Н—нъ пошелъ съ маской.

— Вы поэтъ?

Дурное начало, подумалъ Н—нъ, сожалѣя, что дался въ обманъ.

— Вы человѣкъ съ душой?

— Ты хочешь сказать, съ душой для хорошенькихъ масокъ? О, съ большой душой!

— Александръ! Здѣсь идетъ дѣло не о маскарадной интригѣ, а о жизни и смерти.

— Право! — сказалъ Н—нъ, удивляясь столь неожиданному обороту.— Ты итальянка что ли, что на маскарадѣ угрожаешь кинжаломъ?

— Molto ha da Cuore il fuoco nel mio cuore,—отвѣчала маска, къ большому удивленію Н—на.

— Ты, кажется, mia bella, перепорхнула съ южнаго карнавала на нашу сѣверную масленицу?

— Да. Я здѣсь чужая, не знаю вашихъ обычаевъ, нравовъ... Я прошу вашей помощи!

— Въ чемъ?

— Я имѣю важное дѣло къ человѣку, котораго совсѣмъ не знаю, никогда не видала, и въ рукахъ котораго моя судьба.

— Кто этотъ человѣкъ?

— Его зовутъ Дальскимъ.

— Дальскимъ? Ты невпопадъ избрала меня въ посредники. Дальскій меня не терпитъ; навѣрное тебя подучили, чтобы привести меня въ столкновеніе съ этимъ человѣкомъ.

— Я васъ не понимаю.

— Зачѣмъ же ты выбрала именно меня? Всѣ знаютъ, что онъ, если бы могъ, съ удовольствіемъ вырвалъ бы у меня языкъ...

— Я выбрала тебя потому, что твой языкъ долженъ быть отголоскомъ твоего сердца.

— Не всегда. О, не всегда!.. Кто ты?

— Не спрашивай!

— Но какъ же мнѣ тебѣ услужить, когда я не знаю, ни кто ты, ни чего ты хочешь?

— Выслушайте меня.

Маска начала разсказъ. Н—нъ слушалъ съ выраженіемъ сердечнаго участія. Другія маски, проходя мимо, привязывались къ нему, но онъ отвѣчалъ сухо и коротко; видно было, что разсказъ маски увлекъ совершенно его вниманіе.

— Однакожъ, — сказалъ Н — нъ, когда незнакомка перестала говорить, — я боюсь, чтобы не утонуть намъ съ тобой въ такомъ отважномъ предпріятіи.

— Не бойтесь за себя, Александръ; ни въ какомъ случаѣ я васъ не выдамъ, даже не назову, а меня никто не можетъ порицать за мою смѣлость. Въ моемъ положеніи она простительна.

— Что же мнѣ будетъ за мое участіе?

— Слеза благодарности, которая жжетъ меня подъ маской...

— Я ее принимаю,—сказалъ, улыбаясь, благородный поэтъ, — такъ и быть; пустимся плыть противъ теченія, и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Съ этими словами Н—нъ пошелъ съ незнакомкой вслѣдъ за толпою.

Пройдя раза два взадъ и впередъ по залу, Н—нъ прижалъ локтемъ руку своей маски и шепнулъ ей:

— Вотъ онъ!..

Маска хотѣла броситься къ проходившему мимо ихъ мужчинѣ, высокому, худощавому, важной и гордой осанки, съ глубокими морщинами, съ безстрастнымъ взоромъ.

— Осторожно, — сказалъ Н — нъ, удерживая маску, — прежде надобно тебѣ познакомиться съ новымъ для тебя міромъ, чтобы умѣть подѣйствовать на воображеніе дѣлового чело-

вѣка. Дальскій и въ маскарадѣ столько же остороженъ, какъ и у себя въ кабинетѣ. За тысячу верстъ онъ чуетъ просителя, и, не подавая ни малѣйшаго вида, умѣетъ отстранить его. Онъ такъ учтивъ, такъ привѣтливъ, такъ ласковъ, что душа рвется къ нему; а тутъ, глядь, и когти, которые не на шутку васъ задѣнутъ. Этотъ холодный человѣкъ имѣетъ, однакожъ, одну слабую сторону: онъ таетъ отъ лучей черныхъ глазъ княгини Б***. Княгиня вдова, женщина свѣтская, тонкая, умная и не совсѣмъ молодая; но гордая! Ужасно гордая!.. Сундуки ея набиты процессами. Потеря этихъ процессовъ лишила бы ее той роскоши, безъ которой она не можетъ жить. Дальскій пользуется большимъ вліяніемъ у людей, отъ которыхъ теперь зависитъ судьба ея. Но, чѣмъ болѣе онъ напрашивается на благосклонное вниманіе княгини, тѣмъ далѣе она держитъ его отъ себя. Этою уловкой она раздражаетъ самолюбіе Дальскаго и каждою ласковою улыбкой покупаетъ у него ходатайство по новому процессу. Вѣроятно, послѣ резолюціи послѣдняго, княгиня, изъ благодарности, промѣняетъ свою княжескую мантію на графскую корону графа Т***. Этотъ графъ... Посмѣйся хорошенько насчетъ графа Т***; пророчь ему неудачу; назови его близорукимъ, и Дальскій будетъ слушать тебя, развѣся уши... Вотъ тебѣ канва; ты можешь выводить по ней любые узоры; успѣхъ или промахъ, дѣло въ твоихъ рукахъ.

— Вашъ очеркъ меня пугаетъ...

— Не теряй бодрости! Какъ ни уменъ и смѣтливъ Дальскій, самолюбіе и тонкая лесть помогутъ тебѣ сбить его съ толку. Но мнѣ ли учить тебя, какъ обмануть мужчину? Ты женщина: это твое ремесло.

— Благодарю, васъ, Алеко. Вы меня ободряете!

— Еще одно слово,—сказалъ Н—нъ,— не говори на маскарадѣ никому «вы». Это противно закону. Для того и маска, чтобы уравнять сословія.

— Постараюсь держаться вашего... твоего правила...

Замѣтивъ робость и замѣшательство незнакомки и чувствуя подъ тафтой неровное біеніе сердца, Н—нъ старался ободрить ее, успокоить и дать ей время собраться съ силами. Онъ указалъ ей на нѣкоторыхъ посѣтителей, изложилъ ихъ послужной списокъ, сношенія и отношенія, и прибавилъ: «Знакомство съ этими лицами можетъ пригодиться тебѣ при случаѣ». Пока Н—нъ рѣзкою своей кистью писалъ ей портреты нѣкоторыхъ проходящихъ, маска тяжело вздыхала.

— Ты бы должна скорѣй смѣяться надъ моей пестрою картиной, — сказалъ поэтъ съ нетерпѣніемъ,—боюсь, ты все перепутаешь.

— Не безпокойся. Придетъ пора, я буду смѣяться и шутить; увидишь.

— Посмотримъ,—сказалъ Н—нъ,— но пора къ дѣлу, время уходитъ. Смѣлѣй начинай, Дальскій приближается... Что же ты, оробѣла? Интригуй же меня!

Маска невнятно что-то пробормотала и потихоньку перекрестилась.

Н—нъ захохоталъ.

Толпа задерживала Дальскаго въ дверяхъ китайской комнаты.

— Бѣдный, какъ его прижали!— сказала маска пискливымъ голосомъ.— Ты не уйдешь отсюда.

Дальскій оборотился.

— Ты думаешь, beau masque, что мнѣ нельзя уйти? Почему?

— Ты ожидаешь, ищешь кого-то...

— Кого же?

— Одну особу, которую ты преслѣдуешь на всѣхъ балахъ, на всѣхъ гуляньяхъ.

— Я никого не преслѣдую.

— Отговорки! Я не разъ видѣла, какъ ты, задумчиво въ разсѣянности, слѣдилъ за нею.

— Гдѣ же мы встрѣчаемся съ тобой?

Маска замялась.

Н—нъ подхватилъ:

— Она увѣряла меня, что видитъ васъ очень часто у Д—выхъ.

— Ты со мною разговаривала?

— О, нѣтъ! Тогда все твое вниманіе было обращено на другую.

— Такъ ты за мною присматриваешь?

— И очень!

— Для чего жъ?

— Чтобы лучше изучить тебя! Хотя ты очень скрытенъ, очень остороженъ, боишься, чтобы не проникли твоихъ замысловъ, однако, я ихъ угадала.

— Почему?

— Ты ненавидишь графа Т***.

Эти слова были сказаны Дальскому на ухо. Онъ изумился.

— Вы знаете, кто эта маска? — спросилъ онъ Н—на.

— Нѣтъ возможности узнать; она то пищитъ, то картавитъ, то шепелявитъ... Она все знаетъ, вездѣ была, наговорила мнѣ такихъ вещей... сущая колдунья. Не угодно ли вамъ самимъ попытаться узнать, кто она; можетъ быть, вамъ удастся лучше моего.

— Охотно! — сказалъ Дальскій. — Если маскѣ угодно подать мнѣ руку...

— О! я знаю, зачѣмъ ты хочешь со мною говорить.

— Зачѣмъ?

— Чтобы разспросить насчетъ ея.

— Плутовка! Кто же это она, которая, по твоему мнѣнію, тревожитъ мое сердце?

— Алина!

— Алина? Ммъ! Нѣтъ! Ты не отгадала... Что же эта Алина думаетъ про меня?

— Про тебя?.. Что ты въ нее влюбленъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. И она вѣритъ въ мою любовь?

— Какъ каждая женщина.

— Такъ ты думаешь, что я могу...

— О, да, ты можешь!

— А мой соперникъ?.. Онъ мнѣ опасенъ?

— Тебѣ? Развѣ тебѣ, такъ же, какъ и ему, нужны очки, чтобъ ясно видѣть?

Дальскій окинулъ маску испытующимъ взглядомъ; онъ былъ въ недоумѣніи, догадывался и боялся ошибиться. Онъ подзывалъ нѣкоторыхъ знакомыхъ; маска каждаго называла; съ иными шутила; другихъ дразнила.

— А этого ты знаешь?—спросилъ Дальскій подводя ее къ графу Т***.

Маска дернула Дальскаго за руку, отворотилась, и, удаляясь отъ графа, сказала Дальскому голосомъ упрека:

— Какая неосторожность!

Дальскій остановился.

— Твое имя! Прошу тебя, скажи, кто ты!

— Угадай!

— Не смѣю. Но ты такъ мила, такъ снисходительна, что вѣрно не откажешь мнѣ въ счастіи увидѣть тебя безъ маски.

— Изволь.

— Мѣсто!

— Михайловскій театръ.

— День?

— Будущая среда.

— Знакъ?

— Во время антракта я уроню въ партеръ афишку.

— А я могу ли тебѣ ее вручить?

— Если ты меня узнаешь, почему же нѣтъ!..

— Постараюсь! Куда же ты? Поговори еще со мною. . я еще не успѣлъ ничего сказать.

— Поздно.

— Позволь мнѣ проводить тебя до кареты.

— О, нѣтъ! Это противно законамъ маскарада.

— Я остаюсь. Гдѣ же твой кавалеръ?

— Вотъ онъ,—сказала маска, показывая на Н—на, который въ отдаленіи стоялъ всторожѣ.

— Ваша маска восхитительна, — сказалъ Дальскій, откланиваясь и передавая ее Н—ну.

— Я увѣренъ, что ничего любезнѣе вы здѣсь не встрѣчали... Ну, что?— спросилъ Н—нъ нетерпѣливо у маски, пройдя нѣсколько шаговъ въ молчаніи и осматриваясь.

— Александръ Сергѣевичъ, не оставьте меня! Докончите начатое!

— Что вамъ еще надобно?

— Въ среду уговорите княгиню быть въ Михайловскомъ театрѣ, поѣзжайте къ ней въ ложу... и въ антрактѣ сбросьте афишку въ партеръ... я буду все видѣть. Вы обѣщаете?

— Извольте,—сказалъ Н—нъ, смѣясь отъ чистаго сердца. — Но и вы будете въ театрѣ?

— Только не для васъ; вы меня не увидите; ожидайте меня здѣсь у дверей на будущемъ маскарадѣ, и вы все узнаете. Прощайте...

Съ этими словами маска проворно скрылась.

Дальскій предавался самымъ сладкимъ мечтаніямъ; онъ припоминалъ маленькую ручку незнакомки, ея узенькую ножку, ея пахучія бѣлыя перчатки, прозрачный черный чулокъ, благородную осанку, башмакъ, домино, любезность. Чѣмъ болѣе углублялся онъ

въ самолюбивыя догадки, тѣмъ веселѣе посматривалъ на любопытныхъ, которые, во время его продолжительнаго разговора съ заманчивою маской, болѣе или менѣе слѣдили за нимъ. На вопросы, кто была эта маска, онъ всячески намекалъ на княгиню, хвалилъ умъ и тонкое обращеніе своей маски, и это самое было зародышемъ слуха, который разнесся по всему городу, будто скоро сбудется неслыханная новость, несбыточное дѣло, и что это дѣло тонкій Дальскій устроилъ въ маскарадѣ. Н—нъ уѣхалъ одинъ изъ послѣднихъ съ этого маскарада. Онъ былъ необыкновенно веселъ, ужиналъ; возвратясь домой, онъ скинулъ фракъ, придвинулъ свѣчу, опустилъ перо въ чернильницу, потеръ рукой по лбу, зѣвнулъ, написалъ шестую строку «Бородинской Годовщины», и легъ спать.

«Театръ ужъ полонъ. Ложи блещутъ,
Партеръ и креслы, все кипитъ!
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И взвившись занавѣсъ шумитъ...

«Онѣгинъ» Пушкина.

Два дня спустя, въ Михайловскомъ театрѣ давали «L'Ecole des vieillards». Громкія рукоплесканія награждали любимицу-актрису. Когда занавѣсъ опустился послѣ перваго акта, множество лорнетовъ устремлялось на ложу бельэтажа, гдѣ сидѣла очень нарядная дама. Ея нѣкогда знаменитая красота, благородный складъ лица, разительная бѣлизна, не прикрытая ложнымъ румянцемъ, обращали на себя вниманіе наблюдателей. Сбросивъ бархатную шаль, она живописно оперлась рукою на перила ложи и разсѣянно окидывала взоромъ кресла. Ложа княгини то пустѣла, то наполнялась дипломатами и военными. Наконецъ, вошли графъ Т*** и Н—нъ.

— Откуда такъ поздно?

— Я проспалъ, — сказалъ Н—нъ, уступая графу мѣсто позади княгини и придвигая себѣ стулъ сбоку.

Н—нъ много болталъ, княгиня много смѣялась, графъ много хмурился.

— Перестаньте, Н—нъ, смотрите всѣ лорнеты обращены на насъ.

— Имъ сюда и дорога.

Княгиня ласково улыбнулась.

— Поневолѣ станешь смѣяться, слушая ваши шалости.

— Смотрите, пожалуйста, княгиня, какъ Дальскій осторожно пробирается между креслами. Я боюсь, что эта старая башня развалится отъ перваго толчка.

— Тише, Н—нъ; вы сегодня нестерпимо веселы.

— Виноватъ ли я, что вы сегодня нестерпимо милы! Это говорю не я, а глаза Дальскаго. Взгляните, какъ жалобно просятся они къ вамъ въ ложу? Бѣдный, онъ боится предательскаго лорнета; онъ не смѣетъ направить его въ вашу сторону. Дайте оболъ Велисарію... поклонитесь ему.

— Что съ вами!.. Онъ и то мнѣ надоѣлъ.

— Онъ остановился. Бѣдняжка не смѣетъ! Сжальтесь надъ нимъ, кня-

гиня, не то отъ огорченія онъ потераетъ послѣдніе волосы.

— Н—нъ, я васъ сейчасъ прогоню!

— Въ такомъ случаѣ лучше самому убраться.

Н—нъ привсталъ, снялъ футляръ лорнета княгини съ перилъ, чтобъ положить его на стулъ, и афишка, закружившись въ воздухѣ, упала къ ногамъ Дальскаго, который стоялъ подъ ложей. Дальскій взглянулъ наверхъ и былъ встрѣченъ за спасеніе афишки привѣтливою улыбкой княгини. Глаза его сверкали радостно; нѣтъ болѣе сомнѣнія... это была она! Быстро взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ и постучался въ дверь ложи.

— Рѣдкій случай, — сказалъ онъ, подавая афишку,—оказать вамъ услугу, и я поспѣшилъ воспользоваться имъ, чтобы...

— Благодарю, — сказала княгиня, смѣясь и принимая афишу.

Въ это время снова началось представленіе; княгиня обратилась къ сценѣ. Дальскій вышелъ изъ ложи. При послѣднихъ словахъ пьесы—

«Et ton ami Bonnard ne se mariera pas!»

княгиня съ шумомъ оставила ложу и въ сѣняхъ, прислонясь къ периламъ лѣстницы, ожидала кареты.

— Вы изволили быть вчера въ маскарадѣ?—спросилъ Дальскій, подходя къ княгинѣ.

— Была,—отвѣчала она, поглядывая на дверь.

Нѣсколько человѣкъ молодыхъ щеголей окружили ее и Дальскаго. Къ нимъ присоединился и Н—нъ.

— Какъ вамъ нравится сегодняшняя пьеса?

— Хороша.

— Вы много интриговали?

— Не скажу.

— Нравятся вамъ маскарады?

— Не очень. Они рѣдко мнѣ удаются.

— Вы находите?

— Посмотрите, княгиня, какая красавица!

— Гдѣ?

— Вы будете на будущемъ маскарадѣ?

— Если Дворъ будетъ, то и я поѣду.

— Карета австрійскаго посланника!

— Какъ долго не подаютъ моей кареты!

— И будете опять скрываться, какъ на первомъ маскарадѣ?

— Я никогда не скрывалась отъ тѣхъ, кто хочетъ меня узнать.

— Нельзя ли и меня посвятить въ эту тайну?

— Охотно; вы можете узнать меня по голубой ленточкѣ на рукѣ.

— Но вы перемѣняете голосъ?

— Непремѣнно! Иначе не стоило бы одѣвать маски.

— Какъ же вы это дѣлаете?

— Ваша карета, княгиня,—сказалъ, подходя, графъ Т***.

Княгиня поклонилась въ обѣ стороны и исчезла.

Дальскій торжествовалъ. Самодовольнымъ видомъ окинулъ онъ стоящихъ. Невидный собою мужчина, находившійся вблизи, поймалъ его взглядъ и поклонился почтительно и низко. Дальскій небрежно кивнулъ ему головой и отворотился.

— Кто это?—спросилъ его Н—нъ.

— Несносный С—нъ.

— А, знаю. Безсмѣнный кандидатъ на всѣ вакантныя мѣста.

— И которыхъ не видать ему, какъ своихъ ушей.

— Кто это съ нимъ стоитъ? Жена его?

— Не знаю, — отвѣчалъ Дальскій, опуская носъ въ бобровый воротникъ.

— Она чудно хороша!

— Вы находите? — спросилъ Дальскій разсѣянно.

— Я рѣдко встрѣчалъ такую красавицу.

— Берегитесь, насъ могутъ подслушать! Пора интригъ и маскарадовъ еще не кончилась.

— Это до меня не касается,—отвѣчалъ Н—нъ.

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!»

Насталъ предпослѣдній день масленицы, послѣдній вечеръ свиданій, объясненій, признаній, надеждъ. Пробило одиннадцать. Маскарадъ былъ въ полномъ дѣйствіи. Гости толпились во всѣхъ комнатахъ; вездѣ тѣснота, давка, шумъ. Всѣ кружились, толкались, переговаривались.

Н—нъ сидѣлъ съ однимъ изъ своихъ друзей въ первой комнатѣ и шутилъ надъ проходящими.

— Полно сидѣть здѣсь, пойдемъ!— сказалъ его пріятель.

— Нѣтъ, я усталъ; вчера до трехъ часовъ зѣвалъ я у княгини Х***.

— Ну, такъ я пойду одинъ.

— Съ Богомъ.

Въ это время вошло нѣсколько масокъ. Одна изъ нихъ быстро подошла къ Н—ну и сѣла возлѣ него.

— Не теряй времени.

— А, это ты?

— Отыщи княгиню.

— Ты мной довольна?

— Очень. Отвяжи у нея ленточку на рукѣ.

— Да ты меня измучишь!

— Гдѣ Дальскій?

— Вотъ онъ, стоитъ и считаетъ звѣзды.

— Вотъ и княгиня. Бога ради, дай мнѣ руку и пойдемъ.

Они пошли во вторую комнату. Двѣ маски, живо разговаривая, стояли въ углубленіи окна. Не спуская глазъ съ этихъ масокъ, стоялъ Дальскій у стѣны. Поровнявшись съ нимъ, Н—нъ громко сказалъ своей дамѣ:

— Худо сыграно. Я васъ узналъ! Ваша ленточка... Вы забыли снять ее.

Дальскій обернулся.

— Какъ это скучно!—сказала маска, закрывая свою ленточку платкомъ.

— Поздняя предосторожность! — сказала Н—нъ.

Маска удвоила свои шаги. Дальскій побѣжалъ за ними.

— Куда вы это такъ бѣжите?

— Дальскій за нами.

— Ну, такъ что же?

— Я тебя узналъ!—сказалъ Дальскій, загораживая имъ дорогу.

— Чего ты отъ меня хочешь?— спросила маска самымъ визгливымъ голосомъ.

— На два слова только.

— Я тебя не знаю.

Маска хотѣла уйти.

— Ты притворяешься.

— Ничуть; я тебя первый разъ вижу.

— Къ чему эта шутка? Ты та самая маска, которая обворожила меня на прошломъ балѣ.

— Ты думаешь?

— Ты была вчера въ театрѣ?

— Далѣе.

— Ты уронила афишу.

— Не думала,—сказала маска, опуская руку Н—на и отходя въ сторону.— Ты принимаешь меня за другую.

— Я беру тебя за ту, которую боготворю, которой взглядъ для меня жизнь и смерть... Постой, выслушай...

— Здѣсь не мѣсто.

— Теперь или никогда! Рѣши, рѣши мою участь! Скажи да или нѣтъ. Твои дѣла...

— Кстати о дѣлахъ. Я имѣю къ тебѣ просьбу.

— Могу ли я въ чемъ-либо отказать такой любезной маскѣ.

— Но помни, что слово, данное въ маскарадѣ, свято!

— Приказывай.

— Ты сдѣлаешь?

— Непремѣнно. Если только дѣло возможное, такъ оно сдѣлано; а если невозможное... то оно сдѣлается.

— Я принимаю участіе въ одномъ человѣкѣ, котораго судьба въ твоихъ рукахъ.

— Кто онъ, и чѣмъ могу доказать тебѣ мою преданность?

— Доставь С—ну мѣсто, которое онъ ищетъ.

— С—ну? Ты развѣ знаешь С—на?

— Жена его подруга моего дѣтства; мы вмѣстѣ учились.

— Я этого не зналъ.

— И вѣрно потому былъ къ нему часто несправедливъ?

— Ты думаешь?

— Да!

— Но я никогда у тебя не встрѣчалъ его?

— Обстоятельства. Ты знаешь, въ какомъ несчастномъ положеніи онъ находится.

— Онъ самъ виноватъ. Вы его не знаете, княгиня! Онъ мнѣ врагъ. Онъ много сдѣлалъ мнѣ зла, и я имѣлъ полное право отмстить ему тѣмъ, что онъ для меня готовилъ.

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Я этого желаю; я васъ объ этомъ прошу.

— Но... это невозможно.

— Такъ прощайте, мой обожатель.

— Постойте! Вы сердитесь?

— Ваша преданность очень, очень разсудительна.

— Но вы не знаете, чего просите.

— Довольно, что я прошу, и что моя просьба отвергнута; теперь я никому не повѣрю.

— Извините; я вамъ сказалъ, что если дѣло невозможное, то оно сдѣлается... А ежели я исполню ваше желаніе, то повѣрите, что я готовъ для васъ жертвовать всѣмъ, даже своимъ благомъ?

— Повѣрю.

— И не станете болѣе убѣгать меня?

— Не стану.

— И я найду въ васъ ту же благосклонность безъ маски, какъ и въ маскѣ.

— Обѣщаю.

— А онъ?

— Онъ? Такіе люди необходимы для разъѣздовъ изъ театра.

Дальскій засмѣялся.

— Такъ я могу обрадовать мою пріятельницу счастливою вѣстью?

— Можете.

— Бѣдная Александрина, какъ она будетъ рада! Чѣмъ мнѣ доказать теперь мою признательность?

— Подарите мнѣ эту ленточку.

— Съ удовольствіемъ; черезъ нее я узнала доброту вашего сердца.

— А для меня она будетъ залогомъ моего счастья и доказательствомъ вашей благосклонности.

— Когда же увижу въ газетахъ доказательство, что вы дорожите моимъ одобреніемъ? Надѣюсь, на второй недѣлѣ поста. Я васъ жду. Теперь оставьте меня; за нами наблюдаютъ.

И точно, графъ Т***, казалось, не спускалъ глазъ съ дамы, съ которою говорилъ Дальскій. Дальскій поспѣшилъ къ графу.

— Веселю ли вамъ графъ?

— Напротивъ, я скучаю. Преглупая выдумка эти маскарады.

— Не говорите этого, — отвѣчалъ Дальскій.—Суетливое, пестрое сборище имѣетъ большія преимущества передъ форменнымъ баломъ. Нельзя себѣ представить, сколько тутъ созрѣваетъ важныхъ событій, счастливыхъ послѣдстій!..

— Неужто вы и въ маскарадѣ находите дѣловую цѣль?

— Большую, важную! Маскарадъ вѣрный источникъ правды; маска лучшій проводникъ горькой истины, или тайнаго чувства, которыя не смѣютъ или боятся показаться на глаза. Признанія, мнѣнія, просьбы, обвиненія, все можно смѣло высказать подъ маской...

— Съ кѣмъ вы разговаривали?

— Не знаю... Маскарадъ обнаруживаетъ всѣ тайныя отношенія людей, сближаетъ состоянія, доставляетъ неуловимый нигдѣ случай къ объясненіямъ...

— Вы долго разговаривали съ вашей маской?

— Не очень... Приводитъ въ ясность самыя скрытыя мнѣнія людей о людяхъ...

— Вы скрываете. Это была княгиня!

— Не думаю... Объясняетъ много непонятнаго для насъ въ обыкновенныхъ сношеніяхъ лицъ...

— Но гдѣ же цѣль дѣловая? До сихъ поръ я вижу только интригу.

— А просьба? А участіе, принимаемое нѣкоторыми лицами въ дѣлахъ другихъ лицъ?., Наблюдатель можетъ почерпнуть въ маскарадѣ весьма важныя свѣдѣнія для пользы отечества...

— Желаю вамъ отъ души успѣха и хорошихъ свѣдѣній для пользы отечества, — сказалъ графъ, отходя, и скрылся въ толпѣ.

Между тѣмъ Н—нъ подошелъ къ маскѣ, которая обратила было вниманіе осторожнаго Дальскаго.

— Княгиня, это вы?

— Да, да, я. Пожалуйте, не интригуйте меня; дайте руку и проводите меня скорѣе до подъѣзда.

— Зачѣмъ же вы пріѣхали на маскарадъ?

— Такъ. Всѣ ѣдутъ.

— Съ кѣмъ вы это разговаривали?

— На что вамъ?

— Ага, видите, у васъ есть секреты?

— Можетъ быть.

— Что это у васъ за ленточка?

— Отводъ отъ докучливыхъ людей.

— Подарите мнѣ ее.

— На что она вамъ?

— Для вдохновенія.

— Возьмите. Великому поэту ни въ чемъ не должно отказывать. Кстати, когда будете вы читать мнѣ вашу новую поэму?

— Когда прикажете.

— Хотите ли, на второй недѣлѣ поста. Я на первой говѣю.

— Слушаю.

Они спускались по лѣстницѣ, на которой стояли многіе въ ожиданіи своихъ экипажей, кто въ маскѣ, кто безъ маски, кто смѣясь, кто зѣвая. Жандармъ прокричалъ: «Карета княгини В***».

Дальскій оглянулся, бросилъ жадный взглядъ на руку княгини; сердце его забилось, глаза заблистали; онъ поклонился.

— Довольны ли вы маскарадомъ?— спросила она, порхнувъ мимо его.

— Чрезвычайно! — отвѣчалъ Дальскій.

Княгиня была уже далеко.

Le masque tombe, l'homme reste.

Прошла и первая недѣля поста.

Въ гостиной княгини В*** сидѣло нѣсколько мужчинъ, поглядывая съ нетерпѣніемъ то на дверь въ столовую, то на часы на каминѣ. Наконецъ, звонокъ въ прихожей прозвенѣлъ. Явился. Н—нъ. Всѣ пошли въ столовую. Послѣ обѣда, въ гостиной княгини остались одни приверженцы поэзіи и сама хозяйка. Н—нъ читалъ имъ, но читалъ вяло, протяжно, безъ одушевленія. Графъ Т*** зѣвалъ. Княгиня вышивала и дарила поэта краснорѣчивымъ молчаніемъ. Доложили: Петръ Ѳеодосьевичъ Дальскій!

— Откажите,—просилъ Н—нъ.

— Нельзя, онъ видѣлъ ваши кареты.

— Онъ такой скучный!

— Еще одинъ процессъ, — сказала княгиня,—и я вамъ его уступаю, messieurs, въ полное распоряженіе.

Дальскій вошелъ. Многіе пробрались къ дверямъ. Н—нъ свернулъ рукопись.

— Я, кажется, помѣшалъ,—сказалъ Дальскій, придвигая стулъ.

— Нисколько,—сказала княгиня.— Что новаго?

— Читали вы сегодняшнюю газету?

— Я никогда не читаю вашей скучной газеты.

— Удостойте хотя разъ,—сказалъ Дальскій, развертывая печатный листъ и подавая его княгинѣ.

— Что же тутъ особеннаго?—сказала княгиня, поворачивая листъ во всѣ стороны.—Пошлыя остроты, скучные отчеты, безсвязныя извѣстія...

— Третья красная строка на первомъ столбцѣ.

— «Назначаются.....»

— Надѣюсь, что вы мной довольны.

— Я?

— Я исполнилъ ваше приказаніе.

— Мое?

— Вашъ protégé получилъ вожделѣнное мѣсто.

— Какой protègè?

— Мужъ Александрины.

— Александрины? Я никакой Александрины не знаю.

— Вы шутите, княгиня! Теперь великій постъ, грѣхъ притворяться!—

сказалъ Дальскій, нѣжно смотря на княгиню.

Княгиня покраснѣла.

— Я васъ не понимаю.

— Вы развѣ забыли ваши слова, княгиня, что маскарадныя обѣщанія святы?

— Какія обѣщанія? Объяснитесь, прошу.

— На послѣднемъ маскарадѣ вы просили о мѣстѣ для господина С—на.

— Что съ вами? Кто этотъ господинъ С—нъ?

— Какъ?—сказалъ графъ Т***.— Вы не знаете господина С—на и просите для него мѣста? Прекрасно, ваше сіятельство! Господинъ С—нъ...

Графъ описалъ поступокъ господина С—на съ Дальскимъ.

— Я не стала бы просить за такого человѣка. Если бы онъ и былъ мнѣ знакомъ, я почла бы безсовѣстнымъ употреблять во зло мое предполагаемое вліяніе.

— Но вы просили изъ уваженія къ его женѣ, которая подруга вашего дѣтства, съ которой вы воспитывались...

— Мосье Дальскій! Да что вы это вздумали морочить меня?

— Но, княгиня, на послѣднемъ маскарадѣ не вы ли сами меня просили?

— На послѣднемъ маскарадѣ?.. Графъ, вы лучше моего знаете, разговаривала ли я съ мосье Дальскимъ?

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ представить неоспоримое доказательство.

— Какое?

— Вашу ленточку.

И Дальскій вынулъ изъ портфеля ленточку.

— Это не моя ленточка! Мою я подарила Н—ну. Такъ ли?

— И вы видите, что я васъ не обманулъ, — сказалъ Н—нъ, указывая на рукопись.

— Что это все значитъ? — вскричалъ Дальскій сердито.—Мосье Н—нъ, вы должны знать, кого вы ко мнѣ подводили?

— Могу ли я ручаться за каждую маску? Я принималъ ее за Виргинію Бурбіе.

— А! ба! она все время со мной говорила по-русски.

— А со мною по-итальянски.

— Chi va piano, non sempre va sano, — сказала княгиня.—Въ другой разъ, мосье Дальскій, не оставляйте вашей осторожности у дверей маскарадной залы.

— Но кто же могъ, княгиня, поддѣлаться такъ искусно подъ вашъ голосъ, ваши пріемы?

— Вѣроятно тотъ, кто имѣлъ въ васъ надобность,—отвѣчала княгиня и съ этими словами уѣхала къ вечернѣ въ домашнюю церковь княгини Ф***.

Въ 1835 году я сидѣлъ съ Н—нымъ въ его кабинетѣ.

— Что, не поѣхать ли намъ сегодня въ маскарадъ? — сказалъ я ему.

— Избави меня, Боже, отъ такой бѣды,—вскричалъ Н—нъ, смѣясь во все горло.

— Давно ли ты сталъ врагомъ маскарадовъ?..

— Да вотъ что со мной случилось въ 18** году.

И онъ разсказалъ мнѣ, что вы прочитали.

— Ну, что же тутъ дурного?

— Какъ что? Я помогъ человѣку, котораго не уважаю.

— Это еще не бѣда,—сказалъ я.— Онъ человѣкъ способный, хоть и интригантъ. Съ тѣхъ поръ онъ могъ исправиться. А, можетъ быть, еще ты обезпечилъ этимъ судьбу достойной женщины и всего семейства, которыя, конечно, невиноваты въ характерѣ господина С—на?

— И то правда, — сказалъ Н—нъ весело и поѣхалъ со мной въ маскарадъ.

— М-ръ Эвери, я скажу вамъ нѣсколько словъ...

ТРИ БРИЛЛІАНТА

Разсказъ УИЛЬСОНА БУДРОУ.

Въ три часа яснаго весенняго дня Вильфридъ Эвери, одинъ изъ самыхъ популярныхъ романистовъ своего времени, усиленно работалъ, сидя за огромнымъ письменнымъ столомъ, который занималъ чуть ли не всю переднюю стѣну его кабинета или «студіи», какъ писатель любилъ называть эту комнату. Большую часть стола покрывали рукописи, брошюры и книги; но суровость этой дѣловой обстановки смягчали стоявшіе справа отъ массивной чернильницы тринадцать бронзовыхъ слониковъ, послѣдовательно уменьшавшагося роста (жертва богинѣ суевѣрія) и букетъ чайныхъ розъ въ хрустальной вазѣ. Работалъ Эвери, не останавливаясь даже, чтобы откинуть отъ глазъ сѣдую прядь волосъ, которая спускалась ему на лобъ; тѣмъ не менѣе, между его бровями намѣтилась морщинка и съ каждой минутой углублялась, а его плечи все чаще и чаще подергивались отъ раздраженія. И немудрено: одна надоѣдливая муха исполняла роль цѣлаго оркестра и мѣшала его мыслямъ развиваться.

Вотъ потому-то онъ оттолкнулъ отъ себя рукопись, бросилъ свой карандашъ на десятаго слона и съ облегченіемъ сказалъ: — Войдите, — въ отвѣтъ на легкій стукъ въ дверь. Въ то же мгновеніе Эвери поднялся съ мѣста, нисколько не раздраженный перерывомъ въ работѣ.

Вошла молодая дѣвушка, и при видѣ ея глаза Вильфрида заблестѣ-

ли. Одѣтая изящно-просто, гостья романиста поражала необыкновенной красотой своего лица и фигуры; даже женщины находили ее въ высшей степени привлекательной.

За пишущей машиной сидѣла миссъ Бертрамъ, недавно начавшая исполнять обязанности секретаря блестящаго писателя; она безшумно поправляла рукопись, зная, что не слѣдуетъ стучать машиной во время его работы. Теперь она повернула къ Эвери свое лицо, нельзя сказать вопросительно, потому что ея черты не носили ровно никакого выраженія. Слѣдуетъ замѣтить, что именно за такую полную безстрастность Вильфридъ и платилъ ей исключительно большое жалованье. Она хорошо исполняла свои обязанности и, по мнѣнію романиста, положительно походила на непроницаемую стѣну. Личности своей она ничѣмъ не проявляла; ея платье никогда не шелестѣло, вообще, она казалась такой же неодушевленной вещью, какъ и ея пишущая машинка.

Теперь Эвери кивнулъ ей головой.

— Да, миссъ Бертрамъ, — сказалъ онъ;—съ часъ или больше вы не понадобитесь мнѣ. Ну, миссъ Миллеръ,—обратился Эвери къ вошедшей дѣвушкѣ, слегка возвышая голосъ, по нелѣпой привычкѣ людей, желающихъ вселить то или другое впечатлѣніе въ умъ посторонняго слушателя. — Какъ идетъ работа по изысканіямъ? Сдѣлали ли вы что-нибудь новое относительно этихъ ассирійскихъ клинообразныхъ надписей?—Онъ посмотрѣлъ на свою секретаршу съ выраженіемъ легкаго опасенія, но она, казалось, не слышала ни одного его слова.

Едва за ней закрылась дверь, Эвери и миссъ Миллеръ перестали выказывать энтузіазмъ относительно клинообразныхъ надписей и принялись обсуждать совершенно другія темы.

Эвадна Миллеръ, несмотря на свое сходство съ нѣжнымъ ландышемъ, принадлежала къ числу самыхъ дѣловитыхъ молодыхъ дѣвушекъ въ городѣ; больше: только она одна, казалось, была способна исполнять странную обязанность, которую сама же и создала.

Ея занятія приходилось окружать полной тайной и ихъ нельзя опредѣлить однимъ словомъ. Дѣло въ томъ, что миссъ Миллеръ взялась поставлять Эвери литературный матеріалъ и схему идей, потому что въ разгарѣ своей славы романистъ неожиданно очутился въ крайне затруднительномъ положеніи.

Въ теченіе пяти-шести лѣтъ онъ жестоко переутомлялся и теперь, подписавъ съ нѣсколькими издателями договоры на доставленіе имъ рукописей, которыя должны были быть готовы къ опредѣленному сроку, съ отчаяніемъ замѣтилъ, что его воображеніе изсякло, что его мозгъ не рождаетъ новыхъ, интересныхъ идей. Случайно онъ встрѣтилъ Эвадну Миллеръ, незадолго до того попавшую въ водоворотъ городской жизни, и узналъ, что ей очень хотѣлось остаться въ Лондонѣ, но что для этого она нуждалась въ заработкѣ. Послѣ очень оригинальной бесѣды съ оригинальной дѣвушкой, Вильфридъ предложилъ ей извѣстное жалованье за то, чтобы она передавала ему свои впечатлѣнія и разсказывала бы обо всемъ, что переживала.

До сихъ поръ Эвадна оправдывала его надежды. Живая, наблюдательная, она ежедневно приносила бѣдному автору матеріалъ. Это занятіе нравилось ей. Неожиданность всегда подстерегала ее за угломъ, а изъ-за тусклой прозы повседневности на нее выглядывалъ романъ, вѣчный романъ.

— Скажите,—сказалъ Эвери, снова садясь въ кресло и опуская голову на руку.—Изъ какого источника вдохновенія пили вы сегодня?

— Я позавтракала въ маленькомъ ресторанѣ,—отвѣтила она, — потомъ побывала въ четырехъ складахъ мебельщиковъ, наконецъ, присутствовала на митингѣ феминистокъ. Множество впечатлѣній!

Романистъ посмотрѣлъ на нее подозрительно, но выраженіе ея откровенныхъ глазъ успокоило его; подозрительность постепенно смѣнилась благодарностью.

— Что можетъ оживлять ваше воображеніе въ такихъ унылыхъ мѣстахъ?—спросилъ онъ.

— Унылыхъ?—съ удивленіемъ повторила она. — Въ ресторанѣ я изучаю типы людей, которые ѣдятъ, чтобы жить, а не живутъ, чтобы ѣсть. Въ магазинахъ... Ну, будь вы женщиной, вы не стали бы спрашивать, что можетъ меня интересовать тамъ; что же касается митинговъ феминистокъ, я хожу на нихъ, чтобы насладиться комическимъ элементомъ.

— Комическимъ элементомъ? Странное вы дитя!

Разговоръ не продолжался. Дѣло въ томъ, что молодой юристъ, Лоуренсъ Меллонъ, задумалъ побывать у знаменитаго писателя. Онъ шелъ изъ своей конторы и вспомнилъ, что ему когда-нибудь надо потолковать съ Эвери по поводу одного денежнаго дѣла, но это намѣреніе, вѣроятно, не выкристаллизировалось бы въ рѣшеніе навѣстить его именно въ этотъ день, если бы на улицѣ Пикадилли онъ не встрѣтилъ миссъ Бертрамъ.

Меллонъ остановился и приподнялъ шляпу.

— Какъ вы поживаете, миссъ Бертрамъ?—весело спросилъ онъ.—Такъ рано освободились? Эвери сидитъ у себя въ кабинетѣ? Да? Значитъ, я могу забѣжать къ нему, не побезпокоивъ его.

— Этого я не знаю, — съ сомнѣніемъ отвѣтила секретарша.—Странная вещь: перешагнувъ порогъ дома Эвери, она переставала быть безличной.—Я отпущена на время. М-ръ Эвери,—говоря, она смотрѣла въ пространство,—совѣщается съ одной молодой дѣвушкой, которая для него дѣлаетъ какія-то изысканія относительно восточныхъ языковъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.—Странная, немного насмѣшливая и недовѣрчивая улыбка на мгновеніе тронула ея губы.

Эта улыбка возбудила любопытство Меллона.

— Очень интересно, — замѣтилъ онъ.

— Это еще интереснѣе, чѣмъ кажется,—начала было миссъ Бертрамъ и замолчала, точно спрашивая себя, можно ли безъ своей обычной осторожности поговорить съ нимъ. Послѣ короткаго раздумья, она посмотрѣла на Лоуренса съ почти умоляющимъ выраженіемъ въ глазахъ и продолжала:

— М-ръ Меллонъ, я увѣрена, вы поймете меня, какъ слѣдуетъ, если я коснусь одного обстоятельства, которое сильно меня тревожитъ. Въ сущности, это не мое дѣло, но...

Меллонъ насторожился.

— Пожалуйста, говорите откровенно, миссъ Бертрамъ,—сказалъ онъ.—Я знаю, вы не стали бы разсуждать о дѣлахъ Эвери, если бы не считали этого необходимымъ.

— Благодарю васъ, м-ръ Меллонъ,—былъ отвѣтъ. — Я сразу скажу все. Одна очень, очень красивая молодая дѣвушка каждый день около трехъ часовъ приходитъ въ кабинетъ м-ра Эвери. Я уже сказала вамъ, зачѣмъ она является, но мнѣ кажется, что для нея восточные языки такая же закрытая книга, какъ и для меня.—Секретарша замѣтила лукавыя искры въ глазахъ Меллона и прибавила:—Если бы дѣло касалось ухаживанія, увѣряю, я не подумала бы безпокоить васъ, не стала бы и сама безпокоиться. Но о флиртѣ между ними и рѣчи быть не можетъ. — Ея брови наморщились.

— Видите ли,—послѣ короткой паузы продолжала она, — у м-ра Эвери бывали... гмъ, какъ бы это выразиться?.. другія дѣла въ этомъ родѣ. Онъ не разъ просилъ меня телефонировать въ цвѣточные магазины и въ кондитерскія для той или другой хорошенькой миссъ... Но вы знаете, какъ онъ смотритъ на свой кабинетъ? Онъ

говоритъ, что никакія постороннія «вѣянія» не должны портить атмосферы его работы. Увѣряю васъ, эта дѣвушка—таинственная особа и является она по какимъ-то таинственнымъ дѣламъ. Я не подслушиваю,—это не въ моемъ характерѣ,—но мнѣ приходится часто входить въ кабинетъ и выходить изъ него, а звуки голосовъ раздаются далеко въ старыхъ домахъ съ неплотно закрывающимися дверями. Благодаря этому я не разъ невольно ловила очень странныя фразы.

Меллонъ весь превратился во вниманіе. Въ его головѣ мелькнуло предположеніе, что миссъ Бертрамъ говоритъ о молодой дѣвушкѣ, которую онъ нерѣдко встрѣчалъ въ самыхъ различныхъ частяхъ города и при самыхъ странныхъ обстоятельствахъ.

— Какія же фразы?—спросилъ Лоуренсъ. Теперь онъ и его спутница повернули на ту улицу, гдѣ стоялъ домъ Эвери, и Меллонъ безсознательно ускорилъ шаги, не спуская глазъ съ отдаленныхъ оконъ кабинета романиста.

— Одинъ разъ я слышала, какъ м-ръ Эвери ее спросилъ: — «а вы не находите этого слишкомъ опаснымъ?» Она отвѣтила: «О, нѣтъ». Другой разъ я отлично разслышала, какъ она сказала: «Пожалуйста, не забывайте, что я ровно ничего не боюсь, хотя, понятно, сознаю необходимость осторожности».

Меллонъ сжалъ губы. Онъ рѣшилъ, что миссъ Бертрамъ говоритъ именно о той дѣвушкѣ, которая внушала ему неопредѣленныя подозрѣнія, и что теперь онъ непремѣнно поймаетъ ее.

Миссъ Бертрамъ чего-то поискала въ своей сумкѣ и вскорѣ вынула оттуда лоскутъ печатной бумаги.

— Нѣсколько дней тому назадъ я вырѣзала это изъ газеты, — сказала она, передавая своему спутнику кусокъ бумаги. — Врядъ ли написанное имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ тому, о чемъ я говорила, но, во всякомъ случаѣ, прочитайте.

И Меллонъ прочиталъ:

«Скотлендъ Ярдъ получилъ телеграмму съ извѣщеніемъ, что одна изъ самыхъ ловкихъ воровокъ континента пріѣхала въ Англію. Слѣдъ ея затерялся въ Лондонѣ. Говорятъ, она или американка, или русская, молода, очень хороша собой, прекрасно гриммируется и великолѣпно разыгрываетъ любыя принятыя ею на себя роли».

— Да-а-а, — протянулъ Меллонъ, передавая миссъ Бертрамъ газетную вырѣзку. — Конечно, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что это извѣстіе имѣетъ отношеніе къ молодой особѣ, о которой шла рѣчь; тѣмъ не менѣе, я прерву конференцію по вопросамъ египтологіи или чего-то тамъ еще. Я слишкомъ уважаю вашъ разумъ, миссъ Бертрамъ, чтобы пренебречь вашими предположеніями. Дѣло стоитъ разсмотрѣть. Хотя, я думаю, мы оба безпокоимся напрасно.

Онъ простился съ секретаршей романиста и быстро зашагалъ къ подъѣзду Эвери. Дойдя до лѣстницы, Лоуренсъ положительно побѣжалъ вверхъ. Дверь въ кабинетъ была пріоткрыта и какъ разъ въ то мгновеніе, когда Меллонъ протянулъ руку, чтобы постучать въ нее, онъ услыхалъ голосъ своего друга; Вильфридъ говорилъ быстро и горячо. Негромкихъ отвѣтовъ дѣвушки Лоуренсъ не могъ разобрать. Меллонъ почувствовалъ себя Шерлокомъ Холмсомъ, выслѣдившимъ удивительно хитрую преступницу, и эта мысль заставила его начать немедленно дѣйствовать. Онъ громко постучался въ дверь и, не дожидаясь приглашенія войти, рѣшительно перешагнулъ черезъ порогъ «студіи».

Эвери замолчалъ, точно подстрѣленный, и свирѣпо посмотрѣлъ на незванаго гостя. Меллонъ не обратилъ на это никакого вниманія.

— Пятый часъ,—сказалъ Лоуренсъ, въ отвѣтъ на ледяной вопросъ въ глазахъ Эвери.—Раньше этого времени я ни за что не вошелъ бы къ вамъ, но вѣдь вы никогда не работаете послѣ четырехъ.

— Я работаю, когда мнѣ вздумается,—рѣзко отвѣтилъ писатель.

Эвадна насмѣшливо улыбнулась Лоуренсу.

— Какъ вы поживаете, м-ръ Меллонъ?—спросила она.

— А вы, миссъ... Миллеръ? Вы оба имѣете такой видъ, точно репетировали сцену изъ какой-то пьесы,—въ свою очередь съ насмѣшкой сказалъ Меллонъ и, послѣ короткаго молчанія, спросилъ:

— Вы не актриса, миссъ Миллеръ?

— Нѣтъ, — со вздохомъ отвѣтила Эвадна. — У меня нѣтъ таланта, и я очень жалѣю объ этомъ.

— Въ наши дни женщины берутся рѣшительно за все,—продолжалъ Меллонъ,—и всегда съ успѣхомъ; право, намъ, мужчинамъ, невозможно равняться съ вами.

— Да, правда, — искреннимъ, простымъ тономъ согласилась съ нимъ Эвадна.

Меллонъ почувствовалъ раздраженіе. Эту странную дѣвушку никогда не смущали его вопросы или намеки, и она тоже никогда не старалась объяснить ему, почему онъ засталъ ее въ томъ или другомъ необычайномъ мѣстѣ.

Въ данную минуту ясное спокойствіе, не измѣнявшее Эваднѣ, нарушило ходъ логическихъ выводовъ новоявленнаго Холмса.

— Боже мой, — вдругъ произнесъ Эвери,—Боже мой!—Онъ поднялъ съ письменнаго стола какія-то бумаги, но смотрѣлъ не на нихъ, а на самый столъ. Его ротъ пріоткрылся; казалось, будто что-то не только изумило, но и сильно взволновало его.

— Что приключилось съ вами?—спросилъ Меллонъ.

— Зачѣмъ я оставилъ ихъ здѣсь,—продолжалъ Вильфридъ и молча указалъ на бриллiантъ, сверкавшій на отполированномъ краѣ стола. Тоже молча романистъ вынулъ изъ бокового кармана своего сюртука замшевый мѣшочекъ и вывернулъ его подкладкой наружу.

— Такъ и есть, — пробормоталъ онъ.—Я зналъ, что не спряталъ ихъ обратно.—Писатель быстро изслѣдовалъ всѣ свои остальные карманы и, покачивая головой, принялся осторожно поднимать со стола книги и бумаги, внимательно разсматривая каждую раньше, чѣмъ опустить ее на полъ.

— Моя вѣчная безпечность!—простоналъ онъ. — Видите ли, — началъ онъ объяснять Меллону,—вчера я купилъ три изумительно подобранныхъ камня, не спряталъ ихъ въ несгораемый шкафъ, а положилъ въ мѣшочекъ. Вы знаете, я всегда нѣсколько дней ношу съ собой новые камни, пріобрѣтенные для моей коллекціи. Я отлично помню, что сегодня утромъ разсматривалъ ихъ въ лупу, но не знаю, положилъ ли я ихъ обратно въ мѣшочекъ или оставилъ на столѣ. Въ мѣшкѣ ихъ нѣтъ; значитъ, они должны быть гдѣ-нибудь здѣсь, — продолжалъ Вильфридъ, вытягивая изъ стола ящики и заглядывая въ нихъ.—Камни должны быть гдѣ-нибудь здѣсь,—повторилъ онъ.

Съ той минуты, какъ Эвери сказалъ о своей потерѣ, лицо Лоуренса приняло суровое выраженіе; оно стало еще суровѣе, когда онъ взялъ со стола перчатки Эвадны и подалъ ихъ молодой дѣвушкѣ.

— Благодарю васъ, — равнодушно сказала миссъ Миллеръ. Она не принимала никакого участія въ поискахъ.

— А вы помните, въ какое время вынули бриллiанты изъ кармана?—спросилъ Вильфрида Меллонъ.

— Когда? — неопредѣленнымъ тономъ повторилъ Эвери, ощупывая пальцами дно верхняго ящика стола, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли въ немъ какой-нибудь щелки.—Когда? Кажется, между одиннадцатью и двѣнадцатью.—Онъ задумчиво прищурился.—Да, да, ближе къ двѣнадцати, чѣмъ къ одиннадцати. Я пришелъ сюда въ это время.

— Кто тогда былъ въ кабинетѣ?—тономъ судебнаго слѣдователя продолжалъ Меллонъ.

— Миссъ Бертрамъ и я.

— А позже вы опять уходили изъ комнаты?

— Да,—былъ отвѣтъ.—Около полудня я вспомнилъ, что у меня нѣтъ папиросъ, и пошелъ черезъ улицу въ табачную лавку; но отсутствовалъ я не больше пяти минутъ.

— И послѣ этого все время оставались въ кабинетѣ?

Эвери кивнулъ головой.

— А кто былъ у васъ въ гостяхъ?

— Только миссъ Миллеръ, которая пришла полчаса тому назадъ. Но послушайте, Меллонъ, ваши вопросы, кажется, основываются на предположеніи, что камни украдены; между тѣмъ это совершенно недопустимо. Вѣроятно, я смелъ ихъ со стола какими-нибудь листами бумаги или локтемъ и, конечно, отыщу ихъ гдѣ-нибудь на полу. Кто могъ ихъ украсть, когда здѣсь были только...—Вильфридъ не договорилъ и ужаснулся тѣхъ словъ, которыя готовы были сорваться съ его губъ.

— Поищите же ихъ хорошенько,—посовѣтовалъ Лоуренсъ. Эвери тотчасъ же послѣдовалъ его совѣту; писатель и Меллонъ принялись шарить по всѣмъ угламъ.

— Ну, — черезъ четверть часа,—сказалъ Меллонъ, опускаясь въ кресло и отирая свой лобъ носовымъ платкомъ; — если только брилліанты не на полу, что послѣ нашихъ поисковъ кажется невѣроятнымъ, отвѣтственность за ихъ исчезновеніе ложится на васъ, Эвери, на миссъ Бертрамъ и на миссъ Миллеръ.—Лоуренсъ глянулъ въ сторону Эвадны, и въ его глазахъ сверкнули странныя искры.—Прежде всего разсмотримъ вопросъ о миссъ Бертрамъ, потому что васъ, Вильфридъ, конечно, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ,—продолжалъ Меллонъ.—Итакъ, на мгновеніе допустимъ, что брилліанты взяла ваша секретарша. Не въ ея пользу говоритъ то обстоятельство, что она ушла, какъ разъ, когда драгоцѣнные камне пропали. Миссъ Бертрамъ могла успѣть передать ихъ сообщнику или бѣжать со своей «добычей», и, мнѣ кажется, мы должны...

Онъ не окончилъ начатой фразы, такъ какъ въ эту минуту миссъ Бертрамъ открыла дверь и вошла въ комнату. Ощутивъ напряженную атмосферу, она остановилась, удивленная, почти испуганная.

— Что случилось? — быстро спросила секретарша.—Что со всѣми вами?

Въ чертахъ Миллона отразилась смѣсь различныхъ чувствъ; казалось, онъ испытывалъ нѣчто въ родѣ профессіональнаго удовлетворенія и вмѣстѣ съ тѣмъ разочарованіе, то и другое вслѣдствіе ея возвращенія. Онъ надѣялся, что исчезновеніе секретарши объяснитъ куда дѣвались камни.

— Миссъ Бертрамъ,—обратился къ ней Меллонъ,—видѣли ли вы сегодня на этомъ столѣ отдѣланные брилліанты м-ра Эвери?

— Да,—спокойнымъ тономъ отвѣтила секретарша; — около полудня я видѣла, какъ м-ръ Эвери разсматривалъ ихъ. Позже, кажется, около половины третьяго, я положила на столъ переписанную рукопись и замѣтила брилліанты справа отъ чернильницы.

— Вы увѣрены, что всѣ три камня были на столѣ въ половинѣ третьяго?

Эвадна слегка поблѣднѣла и подъ пристальнымъ взглядомъ миссъ Бертрамъ невольно опустила вѣки.

— Не вполнѣ увѣрена, что всѣ три,—сказала миссъ Бертрамъ. — Во всякомъ случаѣ, одинъ изъ нихъ лежалъ вотъ здѣсь.—Она прижала палецъ къ тому мѣсту, гдѣ недавно сверкалъ брилліантъ.

— Я думаю,—начала Эвадна, и ея голосъ слегка прервался, — что м-ру Эвери слѣдовало бы пригласить сыщицу и попросить ее обыскать миссъ Бертрамъ и меня. Это было бы справедливо относительно насъ обѣихъ. Въ противномъ случаѣ, мы обѣ останемся подъ подозрѣніемъ.

— Я согласенъ съ вами,—съ видимымъ облегченіемъ сказалъ Меллонъ, стараясь помѣшать Эвери заговорить.

Онъ двинулся къ телефону. — Я сію минуту позвоню въ Скотлендъ Ярдъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—порывисто попробовалъ остановить его Вильфридъ.

— М-ръ Эвери, — снова сказала Эвадна,—ради миссъ Бертрамъ и меня вы не должны оставить это дѣло на половинѣ. По вашей ли безпечности или нѣтъ, но камни исчезли. Если они не найдутся, если вы не употребите всѣхъ усилій, чтобы вернуть ихъ, ваша секретарша и я очутимся въ очень непріятномъ положеніи. Противъ нашихъ именъ вы мысленно всегда будете ставить вопросительный знакъ; м-ръ Меллонъ тоже. — Она говорила съ большимъ волненіемъ.

Рыцарски настроенный Эвери пожалъ плечами; такимъ путемъ онъ безмолвно снялъ съ себя всякую отвѣтственность.

— Хорошо,—согласился Вильфридъ. —Только, пожалуйста, поймите, что я умываю руки въ этомъ дѣлѣ.

«Если она украла ихъ,—подумалъ Меллонъ, снимавшій телефонную трубку,—ей удалось ловко спрятать ихъ гдѣ-нибудь въ комнатѣ или же она ихъ проглотила».

Онъ переговорилъ съ полиціей, и вскорѣ въ кабинетѣ появилась миссисъ Кенъ, извѣстная и опытная сыщица.

Эвадна и миссъ Бертрамъ ушли въ сосѣднюю маленькую комнату, и тамъ агентша ловко и быстро обыскала ихъ, но безъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе, миссисъ Кенъ не выказала разочарованія; она перешла къ слѣдующему фазису своихъ обязанностей —къ полному осмотру кабинета. Сыщица вычистила щеткой ковры, послѣ чего мужчины подняли ихъ и основательно ихъ вытрясли. Всю мебель она внимательно осмотрѣла, особенно же тщательно отнеслась къ пюпитру секретарши; она выдвигала каждый его ящикъ, вынимала каждый листъ бумаги. Подъ выдающимся краемъ крышки пюпитра миссисъ Кенъ увидѣла нѣсколько катышковъ жеваной резинки. Одинъ за другимъ она раз-

давливала ихъ пальцами, точно ожидая найти въ нихъ исчезнувшіе брилліанты; покончивъ съ этимъ дѣломъ, миссисъ Кенъ бросила куски резинки въ корзину для бумаги.

Поиски продолжались. Пересмотрѣвъ рѣшительно все въ комнатѣ, миссисъ сыщица вынула изъ вазы розы, отдѣлила ихъ стебли одинъ отъ другого и вылила изъ вазы воду въ стеклянную тарелку.

— Иногда,—объяснила она,—неотдѣланные брилліанты прячутъ въ воду; —говоря это миссисъ Кенъ погрузила свои пальцы въ тарелку и стала быстро двигать ими.—Нѣтъ, здѣсь ничего нѣтъ.—Она передала вазу Меллону, чтобы тотъ снова налилъ въ нее воды; обращаясь къ Вильфриду, сыщица замѣтила:

— Если вамъ угодно слышать мое мнѣніе, м-ръ Эвери, я скажу, что камни несомнѣнно украдены и вѣроятно переданы сообщнику виновнаго въ кражѣ лица.

— Это невозможно, — возразилъ Эвери.—Если бы было такъ, какъ вы говорите, слѣдовало бы допустить предумышленность. Между тѣмъ, никто не зналъ, что у меня въ карманѣ камни, и ужъ, конечно, ни одна душа не могла и предвидѣть, что я оставлю ихъ утромъ на столѣ, а самъ пойду въ табачный магазинъ.

Миссисъ Кенъ покачала головой.

— Я ничего не могу утверждать,— сказала она;—во всякомъ случаѣ мой долгъ сообщить вамъ, что вы имѣете полное и законное право велѣть арестовать одну изъ этихъ молодыхъ особъ или ихъ обѣихъ.

— Это зачѣмъ? — рѣзко перебилъ ее Эвери. — Вы же сами убѣдились, что камней нѣтъ ни у миссъ Бертрамъ, ни у миссъ Миллеръ. Вы ихъ обыскивали.

Сыщица пожала плечами.

— Одна изъ нихъ могла проглотить брилліанты, — сказала она, — и фотографія Х-лучами показала бы...

Эвери наотрѣзъ отказался прибѣгнуть къ этому средству.

— Я не имѣю ни малѣйшаго желанія,—твердо сказалъ онъ, — заставить пострадать одну изъ этихъ молодыхъ лэди изъ-за моей собственной глупой небрежности. Какъ я уже говорилъ раньше, для меня инцидентъ исчерпанъ.

— М-ръ Эвери, — порывисто заговорила Эвадна. Ея голова была слегка закинута назадъ и лицо выражало рѣшимость, — м-ръ Эвери, я скажу вамъ нѣсколько словъ... когда миссъ Бертрамъ уйдетъ.

Секретарша поднялась съ кресла и сдѣлала шага два къ двери. Меллонъ глубоко вздохнулъ, почти застоналъ; его губы слегка скривились. Романистъ посмотрѣлъ на Эвадну, посмотрѣлъ и на миссъ Бертрамъ. Секретарша потеряла всякую безстрастность. Услыхавъ слова Эвадны: «когда миссъ Бертрамъ уйдетъ», она повернулась съ быстротой змѣи, и въ ея глазахъ вспыхнулъ гнѣвъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній происходила безмолвная дуэль; казалось, миссъ Миллеръ будетъ побѣждена въ этой неравной борьбѣ. Ея лицо побѣлѣло, она дышала съ трудомъ; проползли мучительныя секунды; потомъ Эвадна внезапно успокоилась и съ полуулыбкой пристально посмотрѣла на миссъ Бертрамъ.

Секретарша попыталась снова утвердиться на почвѣ, которую она потеряла, но это не удалось ей.

— Признаніе?—спросила она, стараясь придать своему тону оттѣнокъ насмѣшки, но неудачно; ея дрогнувшій голосъ оборвался.

— Можете выразиться и такъ,— бросила ей въ отвѣтъ Эвадна.

Миссъ Бертрамъ положила руки на спинку стула.

— Въ такомъ случаѣ, я думаю остаться и послушать,—сказала она.

Эвадна снова поблѣднѣла, потомъ вспыхнула, наконецъ, взяла себя въ руки.

— Какъ вамъ угодно,—пожавъ плечами, произнесла она и, равнодушно осматривая комнату, лѣниво ласкала

пальцами розы, снова поставленныя въ вазу. Миссъ Бертрамъ неожиданно измѣнила намѣреніе. Схвативъ свое пальто и зонтикъ, она открыла дверь, закрыла ее за собой и ушла, не сказавъ ни слова и даже не взглянувъ на Эвери и Меллона, которые, изумленные новымъ положеніемъ вещей, совсѣмъ утратили даръ рѣчи.

Эвадна подошла къ двери, прислушалась. До нея долетѣли быстрые шаги, удалявшіеся по лѣстницѣ безъ ковра. Съ легкой усмѣшкой молодая дѣвушка вернулась къ письменному столу Вильфрида.

— М-ръ Эвери, — сказала миссъ Миллеръ, и Меллону показался ея тонъ до неприличія легкомысленнымъ. — Сегодня я ѣду на званый обѣдъ, и мнѣ хочется приколоть къ платью одну-двѣ розы. Можно взять одну изъ этихъ?

— Конечно,—натянутымъ и нетерпѣливымъ тономъ отвѣтилъ романистъ; — если вамъ угодно возьмите весь букетъ.

Лоуренсъ Меллонъ посмотрѣлъ на молодую дѣвушку. Заложивъ руки въ карманы, онъ шагнулъ къ окну, съ откровеннымъ раздраженіемъ подергивая плечами.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—со смѣхомъ отвѣтила миссъ Миллеръ. — Я пропала бы подъ ними. Одной или двухъ совершенно достаточно. Возьму вотъ этотъ бутонъ и этотъ. — Она вынула изъ вазы полураспустившіеся цвѣты и совершенно серьезно прибавила:—М-ръ Эвери, я сейчасъ отдамъ вамъ исчезнувшіе брилліанты.

— Ну! — могъ только произнести писатель. Меллонъ быстро повернулся отъ окна.

— Это шутка? — холодно сказалъ онъ, очевидно находя, что при подобныхъ обстоятельствахъ шутки неумѣстны.

Эвадна молчала, не спуская глазъ съ вынутыхъ ею изъ вазы полураскрытыхъ розъ. Нервно подергивала она ихъ нѣжные лепестки, и скоро они дождемъ посыпались къ ея ногамъ.

— Врядъ ли вы теперь приколете ихъ,—раздражительно замѣтилъ Меллонъ.

— Согласна, — отвѣтила Эвадна. Она обожгла его взглядомъ, продолжая ощипывать бутоны. Вдругъ молодая дѣвушка вскрикнула и протянула розу Эвери. Внутри бутона къ зеленой чашечкѣ былъ прикрѣпленъ маленькій катышекъ жеваной резинки.

— Посмотрите, не здѣсь ли вашъ брилліантъ?—спросила она Вильфрида, и писатель, взволнованный не меньше ея, раздавилъ резинку, въ которой скрывался сверкающій камень.

Эвадна быстро ощипала лепестки другой полураскрытой розы; въ ея сердцевинѣ нашелся второй камень въ такой же оболочкѣ.

— Какъ же, какъ?—въ одинъ голосъ спросили Меллонъ и Эвери.

Совершенно обезсиленная миссъ Миллеръ почти упала въ кресло. Сильное напряженіе двухъ послѣднихъ часовъ сказалось на ней. Меллонъ подалъ ей стаканъ воды; Эвери схватилъ газету и сталъ о в вать ея лицо, какъ вѣеромъ. Она быстро выпрямилась, точно пристыженная своей кратковременной слабостью.

— Сейчасъ все скажу вамъ,—объявила она.—Съ того дня, въ который я впервые увидала новую секретаршу м-ра Эвери, мнѣ стало казаться, что она совсѣмъ не секретарша и только играетъ роль трудящейся дѣвушки... для какихъ-то своихъ скрытыхъ цѣлей. Фактическихъ основаній, которыя позволили бы мнѣ сказать что-либо м-ру Эвери, у меня не было; кромѣ того, м-ръ Эвери былъ доволенъ ея работой. Но сегодня, когда вы, м-ръ Эвери, замѣтили исчезновеніе вашихъ брилліантовъ, я рѣшила, что они у нея. Сперва мнѣ представилось, что она передала ихъ какому-нибудь сообщнику, въ то время когда вы уходили въ табачный магазинъ. Однако, я скоро бросила это предположеніе; дѣйствительно, никто не могъ догадаться, что сегодня утромъ вы принесете съ собой камни или положите ихъ на столъ. Позже, когда миссисъ Кенъ обыскала насъ и не нашла пропажи, я подумала, что, несмотря на осмотръ комнаты, брилліанты все же остались гдѣ-нибудь въ кабинетѣ. Не будь ихъ здѣсь, она ни за что не вернулась бы. Наконецъ, я увидѣла кусочки резинки подъ крышкой ея пюпитра, и у меня явилась новая мысль. По всѣмъ вѣроятіямъ, когда вы уходили изъ комнаты, м-ръ Эвери, она жевала резину, тотчасъ же замѣтила, что вы не взяли брилліантовъ съ собой, и поняла, что ей представляется прекрасный случай украсть ихъ. Она знала, куда вы ушли, и сообразила, что вы вернетесь раньше, чѣмъ она успѣетъ ускользнуть вмѣстѣ съ камнями. Понимала она также, что по возвращеніи вы ежесекундно можете замѣтить исчезновеніе брилліантовъ; что призванная полиція не только осмотритъ комнату, но, можетъ быть, обыщетъ и ее самое. Вслѣдствіе этого она постаралась найти мѣсто, въ которомъ камней не открылъ бы даже самый опытный экспертъ. Очевидно, миссъ Бертрамъ очень торопилась. Вы видите, она успѣла скрыть только два камня. Дальше: наблюдая за тѣмъ, какъ миссисъ Кенъ повсюду искала пропажу и ничего не находила, я мысленно вычеркивала одинъ возможный тайникъ за другимъ; наконецъ, остались только розы. Я внимательно присмотрѣлась къ нимъ и замѣтила, что лепестки двухъ полураскрытыхъ цвѣтовъ слегка раздавлены. Въ ту же минуту я вспомнила о резинкѣ. Но, если бы я не попросила, м-ръ Эвери, у васъ этихъ розъ, миссъ Бертрамъ взяла бы ихъ или сегодня вечеромъ, или завтра утромъ.

— Боже мой, — произнесъ Вильфридъ,—какъ могла притти въ вашу голову эта догадка? Право, вы родились быть романисткой... — воскликнулъ Вильфридъ, и взглядъ его досказалъ остальное.

ИГРА

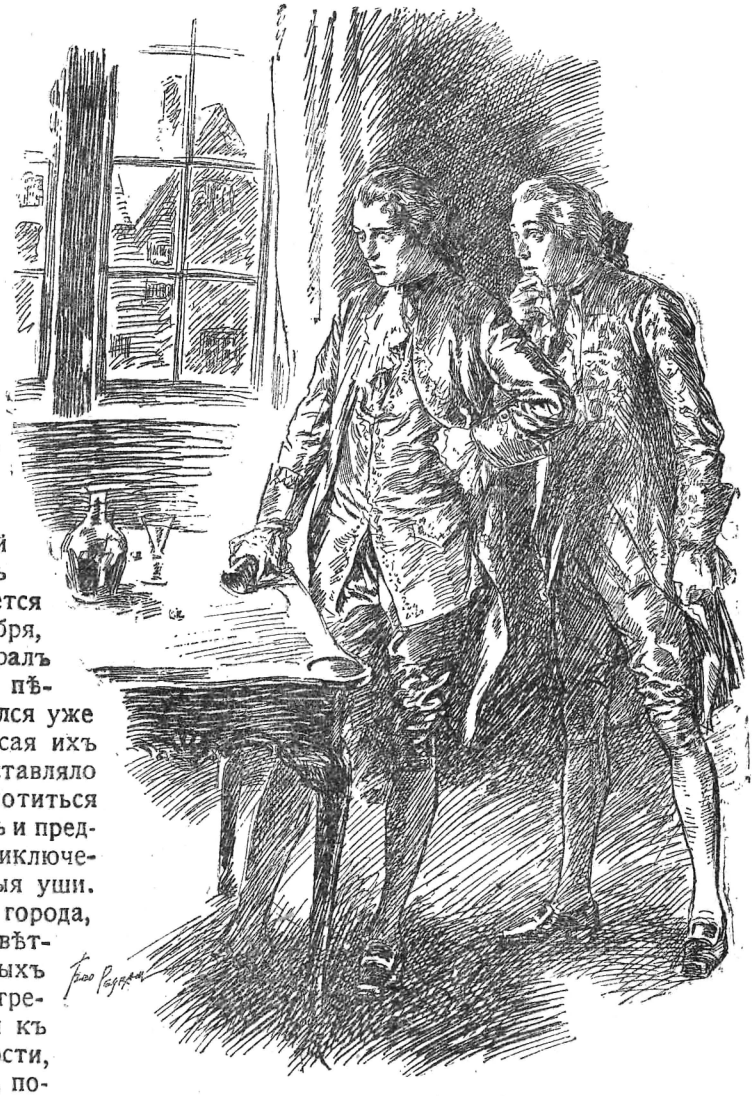
РАЗСКАЗЪ

Е. ТЕРСТОНЪ.

I.

ОПИСАННАЯ здѣсь нами драма разыгралась лѣтъ сто тому назадъ въ Дублинѣ, который въ то время считался одной изъ лучшихъ столицъ въ Европѣ. Дѣйствіе начинается днемъ въ концѣ декабря, когда старый годъ умиралъ подъ звуки похороннаго пѣнія вѣтра, а новый стучался уже въ ворота города, потрясая ихъ отъ нетерпѣнія, что заставляло слабыхъ и больныхъ сплотиться тѣснѣе у огня, а молодыхъ и предпріимчивыхъ искать приключеній, закутавшись по самыя уши.

Въ одномъ изъ домовъ города, осажденнаго зимнимъ вѣтромъ, сидѣло два молодыхъ человѣка, которые не стремились ни къ огню, ни къ улицѣ; они играли въ кости, сидя у ломбернаго стола, потертое сукно котораго указывало, что оно много лѣтъ уже служитъ для игры. Комната, гдѣ они сидѣли, была длинная и высокая; на самомъ отдаленномъ концѣ топился каминъ, и пламя его, смѣшиваясь съ дневнымъ зимнимъ свѣтомъ, придавало розоватый оттѣнокъ красивой рѣзьбѣ и дорогимъ, хотя и вылинявшимъ обоямъ; никто изъ играющихъ не обращалъ вниманія ни на окружающую обстановку, ни на своего собственнаго играющаго съ нимъ партнера. Они жили въ этомъ домѣ съ самаго дѣтства, какъ прожили въ немъ и умерли отецъ ихъ и дѣдъ, и были они братья.



Кости покатились...

Оба они отличались весьма интересной наружностью. Старшій, Роджеръ, красавецъ двадцати шести лѣтъ, былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, съ густыми рыжевато-золотистыми волосами, которые были связаны назади бантомъ, но безъ пудры; младшій, Патрикъ, отличавшійся болѣе тонкими чертами лица и болѣе слабымъ сложеніемъ, ничѣмъ не походилъ на брата, кромѣ глазъ и очер-

танія губъ. Роджеръ въ камзолѣ вишневаго цвѣта производилъ впечатлѣніе кутилы и отчаяннаго повѣсы. Зато Патрикъ въ камзолѣ изъ свѣтло-желтаго глазета, съ мушками на лицѣ и напудренными волосами представлялъ собою полное олицетвореніе знатнаго рода, имя котораго онъ носилъ.

Полчаса продолжали они свою игру, пока, наконецъ, Роджеръ, отодвинувъ нетерпѣливымъ движеніемъ стаканчикъ съ костями, не повернулся къ графину, стоявшему у самаго его локтя. Отблескъ огня въ каминѣ заигралъ на розовомъ рукавѣ его камзола и на графинѣ съ портвейномъ темно-краснаго цвѣта, который онъ наливалъ себѣ въ стаканъ.

— За твое здоровье!—сказалъ онъ, выпивая вино.—Самъ чортъ вмѣшался въ нашу игру сегодня. Чего только ты не выигралъ у меня! И ящикъ съ испанскими монетами, и рыжую лошадь, и картину, изображающую короля Якова! Чортъ съ нею, съ этой игрой! Ты отберешь у меня и самый Глинтрель.

Патрикъ засмѣялся и, вытащивъ табакерку, взялъ понюшку табаку.

— Глинтрель!—сказалъ онъ.—Я и даромъ не взялъ бы Глинтреля.

— Твой отецъ считалъ его самымъ подходящимъ для себя мѣстомъ.

Патрикъ спряталъ обратно табакерку и стряхнулъ съ рукава воображаемыя крупинки табаку.

— Клянусь Богомъ, Роджеръ, слова твои нельзя назвать лестными. Почему, скажи пожалуйста, дворянинъ, сознающій собственное свое достоинство, обязанъ считать для себя хорошимъ все, что было хорошо по мнѣнію его отца?

Онъ чувствовалъ, что слова его звучатъ неискренно, чувствовалъ это больше, чѣмъ его слушатель, а между тѣмъ произнесъ ихъ съ раздраженіемъ. Нѣсколько времени братья сидѣли молча, избѣгая смотрѣть другъ на друга. Роджеръ держалъ пустой стаканъ въ рукѣ, а Патрикъ машинально бросалъ кости.

— Чортъ возьми, — пробормоталъ Патрикъ,—счастье повернулось ко мнѣ спиной. Реваншъ на твоей сторонѣ, Роджеръ! Возвращаю монеты короля Якова и рыжую кобылу въ придачу. Доволенъ ты такимъ предложеніемъ?

Роджеръ вскочилъ съ мѣста, и лицо его покрылось еще болѣе яркимъ, чѣмъ обыкновенно, румянцемъ.

— Я принимаю твои слова, какъ дерзость младшаго брата по отношенію къ старшему.—И онъ повернулся къ окну. — Ты поразительно скоръ на всякія слова. Что касается меня, я дѣла предпочитаю словамъ.

Патрикъ засмѣялся; лицо его вспыхнуло, но краска тутъ же сбѣжала съ него, и оно сдѣлалось блѣднѣе обыкновеннаго.

— Дѣла!—сказалъ онъ. — Что касается дѣлъ, сомнѣваюсь, чтобы ты стремился къ нимъ больше моего. Несмотря на то, что одинъ изъ насъ бѣлокурый, а у другого волоса темные, у насъ съ тобою одинъ и тотъ же отецъ.

Роджеръ оглянулся кругомъ.

— Лучшаго воина, чѣмъ нашъ отецъ, не было во всѣхъ трехъ графствахъ.

— А также большаго забіяки! Благодареніе небу, я былъ любимцемъ матери.

Какой отвѣтъ получилъ бы онъ на эти слова, трудно сказать, но онъ не получилъ его, ибо глаза Роджера упали въ эту минуту на окно, и Патрикъ увидѣлъ, что лицо его приняло сосредоточенное выраженіе и склонилось къ стеклу. Движимый какимъ-то непонятнымъ чувствомъ, онъ въ свою очередь вскочилъ съ мѣста и повернулся къ окну.

— Что такъ заинтересовало тебя, Роджеръ? — спросилъ онъ, стараясь говорить равнодушнымъ тономъ.—Не прибыли ли въ городъ новые актеры странствующей труппы? Или солдаты снова устроили какую-нибудь выходку?—Онъ подошелъ къ окну съ выраженіемъ не то ироніи, не то любопытства и въ свою очередь склонился

къ стеклу, всматриваясь въ виднѣвшуюся изъ окна улицу.

А тамъ между рядами обнаженныхъ отъ листвы деревьевъ тянулись экипажи и повозки, двигались въ разныхъ направленіяхъ разносчики, продавцы балладъ и нищіе, сталкиваясь на каждомъ шагу съ представителями городской молодежи. Но не это притягивало ихъ взоры... Они увидѣли молодую, стройную дѣвушку въ сѣромъ съ голубымъ костюмѣ и съ большой мѣховой муфтой въ рукахъ; истое олицетвореніе граціи, она шла среди толпы, съ любопытствомъ оглядываясь во всѣ стороны. Она шла въ сопровожденіи пожилой лэди, округленная фигура которой и яркія глаза напоминали рѣполова, прыгающаго по лужайкѣ.

— Клянусь честью, это миссъ Бриджета со своей теткой! — сорвалось вдругъ съ языка Роджера.—Умно, нечего сказать, уйти въ такое время изъ дому и прогуливаться чреди черни, когда городъ полонъ воровъ и мошенниковъ!—Онъ сдѣлалъ быстрое движеніе и толкнулъ нечаянно Патрика.

Можно было подумать, что это движеніе привлекло на себя вниманіе молодой дѣвушки; она подняла глаза, и обворожительная улыбка заиграла на ея губахъ.

Роджеръ поклонился ей, и Патрикъ поклонился въ свою очередь. Не успѣла молодая дѣвушка скрыться вмѣстѣ со своей дуэньей, какъ братья повернулись другъ къ другу и съ минуту молча смотрѣли одинъ на другого.

Роджеръ заговорилъ первый.

— Ты, кажется, такъ же скоръ на поклоны, какъ и на слова.

— Леди поклонилась мнѣ.

— Мнѣ, сэръ, прошу извинить.

— Съ твоего позволенія, Роджеръ, поклонъ предназначался мнѣ. Надо быть близорукимъ джентльменомъ, чтобы не замѣтить поклона леди.

Глаза ихъ скрестились, какъ могутъ скрещиваться только мечи и глаза. Искры, которыя вотъ уже годъ горѣли

въ ихъ сердцахъ, превратились сразу въ яркое пламя. Таившаяся въ душѣ ихъ ревность, которая заставила Патрика жить вдали отъ Россага, имѣнія его матери, а Роджера отъ охотничьяго округа Глинтреля, была еще жива и грозила опасными осложненіями.

— Леди выказала мнѣ свою благосклонность.—воскликнулъ Роджеръ, ударяя кулакомъ по ломберному столу,

Патрикъ пожалъ плечами.

— Благосклонность леди бываетъ часто обманчива... Но поклонъ былъ сдѣланъ мнѣ.

Въ тонѣ голоса Патрика слышалось глубокое убѣжденіе.

Роджеръ, человѣкъ запальчивый и во всякое время готовый на ссору, не выносилъ никакихъ противорѣчій. Отойдя отъ стола, онъ зашагалъ въ самый конецъ комнаты и остановился у пылавшаго камина.

— Я не хотѣлъ говорить до сегодняшнаго дня, Патрикъ,—сказалъ онъ,—что отношусь съ большимъ уваженіемъ къ людямъ, которые довольствуются собственными своими дѣлами и не вмѣшиваются въ дѣла своихъ сосѣдей. Но сегодня я измѣнилъ свое мнѣніе. Да будетъ же тебѣ извѣстно, что миссъ Бриджетъ Карденъ моя избранница... Я намѣренъ жениться на ней.

Наступила пауза. Роджеръ тяжело дышалъ и ждалъ отвѣта, но, не получая его, спросилъ:

— Что ты скажешь на это?

Патрикъ медленно прошелся по комнатѣ. Сердце его билось ускореннымъ темпомъ, кровь бурлила въ жилахъ при воспоминаніи о дѣтской ненависти и о давно прошедшихъ порахъ.

— Вотъ что я скажу тебѣ, Роджеръ,—началъ онъ:—я имѣю такое же намѣреніе по отношенію къ леди, о которой ты говоришь.

Роджеръ съ удивленіемъ уставился на него и затѣмъ громко расхохотался.

— Ты? Ты съ твоими книгами и твоими манерами, и твоимъ лицомъ?

Патрикъ вспыхнулъ и поблѣднѣлъ.

— Книги и манеры въ той же мѣрѣ могутъ понравиться леди, какъ собаки и лошади.

Роджеръ съ такою силой ударилъ по доскѣ камина, что лежавшіе на ней пистолеты подпрыгнули.

— Фразы!—крикнулъ онъ.—Фразы! Достаточно съ меня этихъ фразъ! Я жажду простыхъ искреннихъ словъ, какъ говорятъ обыкновенные люди.

Патрикъ улыбнулся, и при свѣтѣ огня видно было, какъ дрогнули его губы.

— Мы желаемъ всегда того, въ чемъ сами совершенны,—сказалъ онъ съ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ, а затѣмъ съ внезапно охватившимъ его бѣшенствомъ продолжалъ: — Простыя, искреннія слова, говоришь ты? Я ничего не имѣю ни противъ обыкновенныхъ словъ, ни противъ обыкновенныхъ шпагъ. Мы достаточно уже наигрались въ прятки... Всю проклятую осень заглядывали въ карманы леди, не замѣчая, изъ какого матеріала они сдѣланы.—Онъ замолчалъ; глаза его горѣли, ноздри дрожали, онъ весь пылалъ гнѣвомъ. — Твоя очередь говорить... я къ твоимъ услугамъ.

Роджеръ, отрезвившійся нѣсколько подъ вліяніемъ гнѣвной вспышки своего брата, взглянулъ на него съ удивленіемъ, но въ слѣдующую минуту вспыхнулъ въ свою очередь.

— Что значитъ такая дерзость съ твоей стороны? — крикнулъ онъ.—О какихъ «карманахъ» ты говоришь? Дѣло тутъ иное. Я познакомился съ леди годъ тому назадъ и съ честными намѣреніями ухаживалъ за ней.

— Какъ и я.

— О, ты собственно и былъ мнѣ помѣхой! Ибо въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда я имѣлъ возможность сдѣлать ей предложеніе, являлась твоя блѣдная физіономія и все мнѣ портила.

— А когда, Роджеръ, мы вдвоемъ бывали съ миссъ Бриджетъ, всѣ ея улыбки, румянецъ на щекахъ...

— Были для меня, сэръ, не для тебя!

— Для меня, братецъ, чортъ тебя возьми!

— Берегись, сэръ!

Роджеръ поднялъ руку; Патрикъ отбросилъ ее въ сторону.

— Потише! Не доводи меня до того, чтобы я забылъ, что ты сынъ моей матери.

Братья съ минуту пристально смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Слушай, Роджеръ! — крикнулъ Патрикъ.—Я люблю миссъ Бриджетъ и хочу чтобы она была моею. Я, правда, младшій сынъ, но тѣмъ не менѣе я одного и того же происхожденія со своимъ братомъ. Фигура у меня стройная, а правая рука ловкая. Что касается остального... пусть кто-нибудь скажетъ, что Россагъ не такое красивое имѣніе, какъ Глинтрель.

— Ты любишь леди?—воскликнулъ Роджеръ, тщательно стараясь сдержать дрожащій отъ злобы голосъ и скрыть пробѣгающій по тѣлу трепетъ. Онъ стоялъ попрежнему у камина и небрежно игралъ пистолетомъ — Любишь миссъ Бриджетъ!

— Да, люблю.

— А я по твоему на второй планъ? Долженъ уступить тебѣ мѣсто и стоять въ сторонкѣ подобно лакею? Нѣтъ, сэръ, ты ошибаешься.

— Нѣтъ, не ошибаюсь.

— Ты хорошо взвѣсилъ всѣ обстоятельства этого дѣла?

Рука Роджера, державшая пистолетъ, дрогнула, а лицо его побагровѣло отъ бѣшенства.

— Взвѣсилъ? Понялъ все, будетъ вѣрнѣе. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ и даже болѣе, какъ мы ухаживаемъ за леди, которая все время вела себя очень сдержанно. Она бывала, правда, то болѣе оживленной, то болѣе холодной, смотря, конечно, по настроенію духа, но теперь кажется мнѣ...— Глаза Патрика были серьезны, а между тѣмъ голосъ его дрожалъ, какъ будто онъ собирался сказать давно уже затаенную мысль,—мнѣ кажется, что мы приводимъ ее въ смущеніе нашимъ обоюднымъ ухаживаніемъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?— спросилъ Роджеръ болѣе спокойнымъ на этотъ разъ голосомъ, отнимая руку отъ пистолета.

— Что я хочу сказать? Не слишкомъ ли много двухъ Трэльсовъ изъ Глинтреля для миссъ Бриджетъ? Не будь, конечно, младшаго брата, который задумалъ проложить себѣ путь къ счастью, мистеръ Роджеръ занялъ бы его мѣсто у алтаря, и не будь мистера Роджера въ вишневомъ камзолѣ, то весьма вѣроятно..,

— Довольно! — загремѣлъ Роджеръ.—Что все это значитъ? Говори прямо! Говори, какъ подобаетъ мужчинѣ.

— Какъ подобаетъ мужчинѣ? Хорошо, Роджеръ!

Патрикъ, казавшійся еще блѣднѣе при свѣтѣ огня, взглянулъ прямо въ лицо брату.—Пора положить конецъ нашей распрѣ. Съ дѣтства мозолилъ я тебѣ глаза, но и твое существованіе было не болѣе драгоцѣннымъ для меня. Теперь, когда мы сдѣлались взрослыми людьми...

— Понимаю тебя!—крикнулъ Роджеръ. — Понимаю! Разъ ты хочешь этого, хочу и я. Болотистая мѣстность за Глинтрелемъ... на тихой зарѣ... Парочка вотъ этихъ діаволовъ.—Онъ взглянулъ на пистолеты.—Я согласенъ съ тобою. Нѣкоторая доза свинцу для побѣжденнаго, а леди тому, кто останется живъ. Самый подходящій для джентльмена способъ рѣшить давнишнюю распрю.

Выслушавъ до конца тираду брата, Патрикъ отвѣчалъ ему холодно и отчеканивая каждое слово.

— Ты понялъ меня, братъ, и все-таки не понялъ. Я не имѣю никакого намѣренія убивать тебя ни въ сумерки, ни на зарѣ.

— А, боишься? Два Трельса слишкомъ много для одной Карденъ, говоришь ты? Не будетъ ли лучше въ такомъ случаѣ заняться вотъ этими двумя?

Онъ протянулъ руку съ пистолетомъ. Патрикъ, не спуская суроваго взгляда съ лица своего брата, притронулся къ пистолету.

— Вполнѣ пригоденъ для нашей цѣли, Роджеръ,—сказалъ онъ;—но съ насъ будетъ достаточно и одного.

— Что ты хочешь сказать?—спросилъ Роджеръ послѣ довольно продолжительной паузы.

— Что я хочу сказать? Вотъ что, мой братъ! Я предлагаю тебѣ утонченную дуэль, о какой тебѣ и во снѣ не снилось. — Патрикъ повернулся и, подойдя къ ломберному столу, взялъ стаканчикъ съ костями.—Мы играли съ тобой, Роджеръ, на большія ставки.

— Играли?

— Да, играли на большія ставки; но были люди, которые играли на еще бо́льшія ставки; они проигрывали въ кости любимыхъ женщинъ.

— Замолчи! Я не позволю злоупотреблять ея именемъ.

— Злоупотреблять? Я перерѣзалъ бы горло всякому, кто осмѣлился бы это сдѣлать. Я ставлю на кости не любовь, а жизнь.

— Ты что это задумалъ, чортъ возьми!

— Что задумалъ? — снова вспыхнулъ Патрикъ. — Куда дѣлось твое воображеніе? Что сталось съ твоей проницательностью? Вздумалъ выбрать полное міазмовъ болото, чтобы дрожать на зарѣ...

— Мы будемъ тамъ лицомъ къ лицу съ тобой.

— Тс! — Патрикъ поставилъ стаканчикъ съ костями.—Тс! Мы и здѣсь лицомъ къ лицу... Прелесть жизни кругомъ насъ и сами боги покровительствуютъ нашей игрѣ. Начнемъ!— Патрикъ снова взялъ стаканчикъ.— Кто выиграетъ, тотъ наслѣдуетъ жизнь, кто проиграетъ, наслѣдуетъ смерть. Итакъ, начинаемъ. Докажи свое мужество!

Роджеръ не трогался съ мѣста.

— Мнѣ это не нравится,—сказалъ онъ.

Патрикъ взглянулъ на него и засмѣялся; смѣхъ его звучалъ холодно, насмѣшливо.

— Испугался?—спросилъ онъ.

Роджеръ отбросилъ въ сторону пистолетъ и быстрыми шагами подошелъ къ столу.

— Ни одинъ человѣкъ не осмѣлится дважды предложить мнѣ этотъ вопросъ. Подай сюда кости! Кто выиграетъ, беретъ все; кто проиграетъ...

— Лишаетъ себя жизни дня черезъ три.

— Черезъ три дня? Пусть будетъ такъ. Дай сюда стаканчикъ!

Но Патрикъ остановилъ его.

— Нѣтъ, мнѣ, по праву, первому.

Онъ отложилъ часть костей, другую положилъ на прежнее мѣсто, затѣмъ выпрямился, поднялъ голову и, встряхнувъ стаканчикъ, бросилъ кости.

— Три!

— Три!

Патрикъ вынулъ изъ кармана кружевной носовой платокъ. «Три!»—повторилъ онъ снова съ полнымъ хладнокровіемъ.—Вышло въ ничью. Судьба намѣрена досыта поглумиться надъ нами.

Роджеръ оттолкнулъ его въ сторону и выхватилъ у него стаканчикъ изъ рукъ. Пылавшее лицо его, порывистыя движенія, ускоренное дыханіе, все указывало на то состояніе, въ которомъ онъ находился. Онъ встряхнулъ стаканчикъ, поднялъ голову и бросилъ кости.

Моментъ критическій! Соперничество было забыто. Братья чувствовали только, какъ сильно бились ихъ сердца.

Кости покатились. Патрикъ склонилъ голову, заглянулъ черезъ плечо брата и медленно выпрямился.

Роджеръ стоялъ, склонивъ голову, и смотрѣлъ... Глаза его встрѣтились съ глазами Патрика, полными ужаса, и онъ громко расхохотался.

— Судьба слѣпа, не правда ли, мой братъ? А, быть можетъ, она справедлива? Не знаю, впрочемъ.

И онъ снова расхохотался. Смѣхъ его звучалъ насмѣшливо, и въ тонѣ его слышалось что-то страшное, неестественное.

Гости за гостями входили въ обширную переднюю огромнаго дома сэра Ричарда Кардена, который находился въ одномъ изъ стариннѣйшихъ кварталовъ Дублина. Въ маленькой галлереѣ, на другомъ концѣ длинной бальной комнаты, музыканты настраивали скрипки, а лакеи вставляли послѣднія восковыя свѣчи.

Тѣмъ временемъ въ одной изъ верхнихъ комнатъ стояла противъ овальнаго зеркала миссъ Бриджетъ Карденъ и съ помощью горничной кончала свой туалетъ.

Миссъ Бриджетъ, семнадцати лѣтъ отъ роду, высокая, стройная, ни въ чемъ не походила на молодую дѣвушку, скрывавшую за муфтой свои улыбки и румянецъ на щекахъ, когда украдкой поглядывала на своихъ двухъ ухаживателей, которые стояли у окна. На щекахъ ея былъ также румянецъ, но онъ не вспыхивалъ, какъ тогда, хотя въ глазахъ ея сіяло затаенное ожиданіе, а движенія были рѣшительны, когда она торопила свою горничную.

— Скорѣе, Анна, скорѣе, — говорила она. — Могу себѣ представить неудовольствіе тетушки, которая принимаетъ гостей одна, поглядывая на дверь карточной комнаты и изощряя свой языкъ въ какой-нибудь остроумной рѣчи. Говоря по правдѣ, она совершенно права. Часъ поздній даже для меня. Скорѣе, Анна, скорѣе! Довольно завитушекъ! Я люблю, чтобы завитушки не сидѣли такъ тѣсно.— Она схватила ручное зеркальце и пристально взглянула на горничную, которая была всего однимъ годомъ старше и была привезена въ городъ исключительно для миссъ Бриджетъ. — О чемъ ты задумалась, Анна? — спросила миссъ Бриджетъ. — Что ты думаешь объ этомъ мірѣ парчи и реверансовъ? Стремилась ли ты когда-нибудь къ тѣмъ удовольствіямъ, которыми наслаждаются люди?

Анна поклонилась ей по своему деревенскому обычаю.

— Не знаю, ма'амъ,—отвѣтила она съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Миссъ Бриджетъ взглянула на себя въ зеркальце и, отложивъ его въ сторону, вздохнула.

— Бываютъ минуты, милая Анна,— сказала она,—когда гладкій путь надоѣдаетъ мнѣ, когда я досадую на красоту, данную мнѣ, и жажду, чтобы какое-нибудь особенное обстоятельство посѣтило меня.

— Что вы, ма'амъ! — воскликнула Анна, и круглые глаза ея широко открылись отъ удивленія.

— Пустое, скажешь ты, — засмѣялась миссъ Бриджетъ.—Почему такъ, милая, честная моя Анна! Къ чему скрывать мнѣ, что я не всегда бываю довольна жизнью.

— Ма'амъ, вы красавица... за вами ухаживаютъ.

— Да, ухаживаютъ! Надѣнь юбку на метлу, и за той будутъ ухаживать въ настоящее время. Мужчины рады всякому предлогу, когда бываютъ не веселы.

— Не всѣ, ма'амъ,—осмѣлилась замѣтить Анна.

Миссъ Бриджетъ вспыхнула и нахмурила брови.

— Подай сюда мой вѣеръ,—сказала она.—Не думаю, чтобы тетушка простила мнѣ такое опозданіе.

Она взяла изъ рукъ Анны вѣеръ и кружевной платокъ.

— Ты видѣлась сегодня съ твоимъ деревенскимъ парнемъ, Анна?

На этотъ разъ вспыхнула Анна. Обѣ дѣвушки, стоявшія другъ противъ друга, представляли собою чудное зрѣлище молодости и волненій юности—деревенская дѣвушка, въ коротенькой юбочкѣ, съ румяными, какъ яблочко, щечками, съ круглыми наивными глазками и ея госпожа, въ платьѣ изъ серебристой тафты, истое олицетвореніе красоты и граціи, начиная съ напудренной головы и до атласныхъ туфелекъ.

— Два часа тому назадъ, ма'амъ, когда онъ приходилъ съ какимъ-то порученіемъ къ сэру Ричарду.

— И провелъ съ тобою цѣлыхъ полчаса, пока мой отецъ писалъ свой отвѣтъ. Не знаешь ли кто его послалъ: мистеръ Роджеръ Трель или мастеръ Патрикъ?

— Не знаю, ма'амъ! Голова Рори была занята другими дѣлами.

— Какими дѣлами?

Анна снова пропѣла по-деревенски.

— О, ма'амъ, я не смѣю сказать. Рори просилъ не говорить.

— О, если такъ...

И миссъ Бриджетъ, зашелестивъ юбками, пошла къ выходу изъ комнаты. Анна съ испуганнымъ видомъ послѣдовала за ней.

— Погодите ма'амъ! Погодите, прошу васъ.

Но миссъ Бриджетъ съ надменнымъ видомъ продолжала идти дальше.

— Джентльмены, ма'амъ, поссорились. Рори былъ въ комнатѣ мистера Патрика, гдѣ готовилъ ему бальный костюмъ, и слышалъ, какъ они шумѣли.

— Поссорились? — спросила миссъ Бриджетъ, которая держалась уже за ручку двери.

— О, ма'амъ, да! Рори не все хорошо понялъ, но они такъ громко говорили, что онъ разслышалъ, несмотря на толстую стѣну, ваше имя, ма'амъ!

Не желая разсердить свою госпожу и опасаясь въ то же время, что зашла слишкомъ далеко, Анна замолчала. Миссъ Бриджетъ, лицо которой пылало отъ стыда и волненія, открыла дверь и, остановившись на порогѣ, оглянулась назадъ и сказала:

— Довольно, милая! Запомни разъ навсегда, что ты никогда не должна упоминать моего имени въ разговорахъ съ грумами и другими слугами.

Мягкій свѣтъ восковыхъ свѣчей и звукъ скрипокъ встрѣтили миссъ Бриджетъ, когда она вышла изъ своей комнаты, оставивъ позади себя Анну, которая, приложивъ къ сердцу маленькую красную ручку, стояла со слезами на глазахъ и смотрѣла ей вслѣдъ. Но миссъ Бриджетъ было не до нея... Вся она была полна какого-

то страннаго предчувствія. Сердце ея трепетало, и бѣлая ручка не разъ порывалась успокоить его біеніе. Миссъ Бриджетъ Карденъ была дѣвушка безукоризненно воспитанная; манеры и движенія ея были образцомъ совершенства, когда она, какъ и подобаетъ дѣвушкѣ высокаго происхожденія, шла спокойная и съ безпечнымъ видомъ держала свой вѣеръ.

Дойдя до спуска съ лѣстницы, она остановилась, чтобы посмотрѣть на зрѣлище, открывавшееся внизу. У открытаго на улицу входа останавливались портшезы, откуда выходили напудренныя дамы, которыхъ встрѣчали въ передней лакеи и провожали ихъ затѣмъ до карточной комнаты, гдѣ принимали своихъ гостей сэръ Ричардъ и его сестра. Молодая дѣвушка почувствовала вдругъ, что вся атмосфера кругомъ нея полна жизни, смѣха, самыхъ яркихъ красокъ и, когда позади нея, съ другого конца коридора, донеслись вдругъ звуки шаговъ, она испугалась, что вотъ сейчасъ появится какая-нибудь человѣческая фигура и набросить тѣнь на блестящее зрѣлище. Она вздрогнула и оглянулась.

— Мистеръ Патрикъ!—воскликнула она.

— Миссъ Бриджетъ!

Патрикъ приложилъ руку къ сердцу и отвѣсилъ такой низкій поклонъ, что съ минуту ничего не было видно, кромѣ верхушки головы. Затѣмъ онъ выпрямился, и тутъ молодая дѣвушка, взглянувъ на него, затаила дыханіе и почувствовала, что кровь холодѣетъ въ ея жилахъ. Лицо Патрика показалось ей смертельно блѣднымъ, а выраженіе глазъ такимъ мрачнымъ, какимъ она никогда еще его не видѣла за всю свою короткую жизнь. Видъ страдальческаго, испуганнаго человѣческаго лица производитъ несравненно болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ крикъ о помощи. Кокетливая миссъ Бриджетъ куда-то исчезла, и ея мѣсто заступила женщина съ чуткимъ сердцемъ и душой. Она протянула руку къ Патрику и уронила на полъ свой вѣеръ

— Что случилось? — воскликнула она. — Вы походите скорѣе на призракъ, чѣмъ на живое существо. Что случилось?

Она говорила отъ всего своего сердца, и сочувствіе ясно читалось въ ея красивыхъ глазахъ. Съ минуту Патрикъ жадно всматривался въ ихъ глубину, затѣмъ, принявъ равнодушный видъ, наклонился, поднялъ вѣеръ и съ поклономъ подалъ его.

— Красивая игрушка, — сказалъ онъ,—и заслуживаетъ болѣе тщательнаго обращенія. Что касается моего наружнаго вида, миссъ Бриджетъ, боюсь, что причиной тому игра въ кости. Глубоко сожалѣю, что мнѣ придется изображать призракъ на пиршествѣ сэра Ричарда; но если глаза мои мрачны, зато ваши сіяютъ за двоихъ.

Онъ снова отвѣсилъ поклонъ и засмѣялся. Смѣхъ его звучалъ неестественно, но миссъ Бриджетъ не обратила на это вниманіе. Она вспыхнула и закусила губы.

— Благодарю, сэръ! Сегодня у насъ, повидимому, вечеръ красивыхъ фразъ. Но мнѣ пора въ карточную комнату, гдѣ меня ждетъ отецъ, чтобы принимать гостей.

— Позвольте въ такомъ случаѣ проводить васъ туда,—сказалъ Патрикъ, предлагая ей руку.

— Много вамъ обязана, сэръ,—она замолчала и взглянула внизъ, въ переднюю, блестѣвшими глазетовыми камзолами и затканными серебромъ платьями,—боюсь, что я не скоро попаду въ карточную комнату. Вонъ, тамъ, внизу, я вижу вашего брата Роджера. Я обѣщала ему первый контрдансъ и мнѣ не хотѣлось бы лишиться такого прекраснаго партнера.

И она, легкая, какъ ласточка, мигомъ спустилась съ лѣстницы, оставивъ Патрика наединѣ съ мрачными мыслями.

Внизу, у самой лѣстницы, стоялъ Роджеръ Трель. Всѣмъ бросалась въ глаза его красивая фигура въ голубомъ камзолѣ, украшенномъ драго-

цѣнными камнями и кружевами, съ темно-русыми волосами, перевязанными сзади широкой черной лентой. Винные пары сверкали въ его глазахъ, горѣли на щекахъ и на языкѣ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ вдругъ миссъ Бриджетъ, только что спустившуюся съ лѣстницы.

— Куда? — спросилъ онъ и, самъ удивляясь своей смѣлости, взялъ ее за руку.

Миссъ Бриджетъ показалось, что пальцы его жгутъ ей руку, и она хотѣла стряхнуть ихъ съ себя, но вспомнивъ, что Патрикъ стоитъ на самомъ верху лѣстницы и все видитъ, она не только не протестовала противъ этого, но остановилась и взглянула прямо въ лицо Роджера.

— Мнѣ, а не вамъ, слѣдуетъ предложить одинъ вопросъ, сэръ! Что заставило васъ удалиться въ переднюю? Неужели тетушка не нашла для васъ дамы на первый кантрдансъ?

Роджеръ взглянулъ на нее и отвѣчалъ хриплымъ голосомъ:

— Я не имѣю никакого желанія танцовать, миссъ Бриджетъ! Я стою здѣсь по другой совсѣмъ причинѣ... Мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ, если позволите.

Въ другое время миссъ Бриджетъ вспыхнула бы и нахмурила брови, но въ данную минуту сердце ея жаждало отплатить за холодную встрѣчу Патрику, который, надо полагать, все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ.

— И я также не имѣю никакого желанія вертѣться и прыгать, какъ безумная, — отвѣчала она, опуская глаза.

Роджеръ, разгоряченный виномъ, склонился къ ней.

— Идемъ же въ Голубую Комнату, — прошепталъ онъ.—Никто сегодня не заглянетъ туда,

Миссъ Бриджетъ колебалась съ минуту, но, вспомнивъ затѣмъ нанесенную ей обиду, положила руку на руку Роджера и, пройдя съ нимъ среди блестящаго общества, миновала карточную комнату и вошла въ узкій коридоръ, куда не заходилъ никто изъ гостей.

Такъ дошли они до «Голубой Комнаты», гдѣ миссъ Бриджетъ, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ своего кавалера, остановилась у камина въ ожиданіи, что онъ ей скажетъ.

Она стояла, повернувшись лицомъ къ камину, но слышала, какъ онъ заперъ дверь, какъ глубоко вздохнулъ и, наконецъ, пройдя черезъ комнату, остановился позади нея. Страхъ охватилъ ее, но она не подала ни малѣйшаго знака тревоги, а вмѣсто этого сама заговорила первая.

— Что же вамъ угодно, сэръ?— спросила она, не оглядываясь назадъ; глаза ея были устремлены на огонь, правая ножка стояла на рѣшеткѣ камина.—Въ чемъ собственно дѣло? Не желаете ли знать мое мнѣніе относительно тѣхъ четырехъ гнѣдыхъ, на которыхъ вы вчера ѣхали по Дрогедской улицѣ, или...

Роджеръ запальчиво перебилъ ее.

— Вы смѣетесь надо мной, миссъ Бриджетъ.

Она испугалась сначала этой запальчивости, но въ слѣдующую минуту собралась съ духомъ и продолжала:

— Ба, мистеръ Роджеръ, у васъ, мужчинъ, бываютъ такія же причуды, какъ и у женщинъ. Я, право, желала быть любезной, и только. Вашей четверкѣ гнѣдыхъ всѣ завидуютъ въ городѣ.

— Весьма возможно... Что касается меня, я посылаю къ чорту и гнѣдыхъ, и вороныхъ.

Удивленная его словами миссъ Бриджетъ повернулась къ нему. Видъ ея лица воспламенилъ огонь въ душѣ Роджера.

— Къ чорту всѣхъ лошадей!—крикнулъ онъ снова.—Въ мірѣ есть болѣе драгоцѣнныя вещи. Вы знаете, что я хочу сказать... Знаете хорошо, хотя глаза ваши такъ же невинны, какъ голубые колокольчики.

— Сэръ!

— Да, знаете... Знаете прекрасно, что вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ мы съ Патрикомъ влюблены... по уши влюблены. Вы знали это до того еще, какъ мы сами узнали объ этомъ. Женщины всегда знаютъ.

Она слушала его, блѣднѣя всякій разъ, когда онъ произносилъ имя своего брата.

— Мастеръ Роджеръ,—сказала она, когда онъ замолчалъ,—не будь вы Трельсъ и хорошій знакомый моего отца, я подумала бы, что вы слишкомъ много выпили вина.

Холодный тонъ ея словъ въ другое время сразу охладилъ бы его жаръ, но теперь онъ прошелъ для него безслѣдно. Вмѣсто отвѣта, онъ положилъ свои руки ей на плечи и заставилъ ее взглянуть себѣ въ глаза.

— Патрикъ любитъ васъ до безумія, и я также. Вы играли съ нами, какъ кошка съ мышью, ровно цѣлый годъ. Но игра теперь пришла къ концу... мышь схватила кошку за горло.—Голосъ Роджера звучалъ хрипло, руки его тяжело давили плечи; моментъ былъ критическій, который могъ бы вызвать слезы и даже обморокъ. Но съ миссъ Бриджетъ не случилось ни того, ни другого. Глаза ея сверкали, когда она встрѣтилась съ глазами Роджера, и съ вызывающимъ видомъ взглянули на него.

— Что вы хотите сказать?—рѣзко спросила она.

— А вотъ что, миссъ Бриджетъ! Мы, Трельсы, не отличаемся долготерпѣніемъ. Сегодня мы съ братомъ взглянули прямо въ глаза смерти.

— Поссорились?

— Да, поссорились.

— Вы, слѣдовательно, деретесь... изъ-за меня?

— Деремся!—Роджеръ расхохотался, и смѣхъ его звучалъ ироніей.—Гдѣ вы живете, миссъ Бриджетъ, что у васъ такіе старомодные взгляды? Всѣ эти драки на шпагахъ представляютъ собою достояніе прошлаго поколѣнія, но мы, джентльмены настоящаго времени, не признаемъ такого простого

рѣшенія дѣла. Мы играли въ кости и нашей ставкой были вы... играли въ кости на нашемъ собственномъ ломберномъ столѣ и въ нашей собственной комнатѣ... Выигравшій получаетъ все, проигравшій долженъ лишить себя жизни по прошествіи трехъ дней. О, вы сдѣлали намъ много зла... вы надѣлили насъ мечомъ и секундантами.

— Вы играли въ кости... и поставили вашу жизнь?

— Васъ,—поправилъ онъ.

— Кто же проигралъ? Кто?

Слова эти невольно сорвались у нея съ языка; она вся побѣлѣла отъ старанія сдержать себя.

— Патрикъ проигралъ?—еле слышно спросила она.

Прошла минута молчанія, и, наконецъ, Роджеръ произнесъ хриплымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Одинъ изъ насъ проигралъ, разумѣется... Мы оба Трельсы... а Трельсы никогда не уклонялись отъ смерти.

— Но онъ не долженъ умереть!—воскликнула миссъ Бриджетъ.—Мы не можемъ допустить этого...

Глаза Роджера были опущены, когда онъ говорилъ, но послѣ словъ миссъ Бриджетъ онъ поднялъ ихъ... Они горѣли лихорадочнымъ огнемъ.

— Намъ и не нужно этого,—едва слышно произнесъ онъ.

Съ минуту онъ смотрѣлъ на нее, затѣмъ продолжалъ:

— Миссъ Бриджетъ, вы знаете Трельсовъ. Честь у нихъ на первомъ планѣ, а не игра въ кости. Проигравшій свою ставку лишитъ себя жизни такъ же вѣрно, какъ если бы его казнили по приговору короля.

— Но вѣдь это ужасно... Это чудовищно!

Онъ снялъ руки съ ея плечъ, а она стояла передъ нимъ блѣдная и безпомощная. Нѣсколько минутъ пожиралъ онъ ее глазами.

— Одно только можетъ спасти его, миссъ Бриджетъ!

Она подняла на него испуганный, растерянный взглядъ.

— Я могу придти къ нему завтра и сказать: «миссъ Бриджетъ перехватила твой пистолетъ... она вышла за меня замужъ».

— Вышла замужъ?

— Да!—Онъ схватилъ ее за руку и притянулъ къ себѣ. — Выходите за меня замужъ, Бриджетъ! Сегодня, не позже! Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать... только это и больше ничего! Часа черезъ два запрягутъ моихъ гнѣдыхъ, и онѣ будутъ ждать насъ у сквера. Мы помчимся со всею скоростью, на какую онѣ способны, и глинтрельскій капелланъ немедленно совершитъ вѣнчальный обрядъ. Что вы скажете на это, Бидди? Что скажете?

Онъ прижалъ ее къ своей груди... Она почувствовала его дыханіе на своей щекѣ и біеніе его сердца.

Передъ глазами миссъ Бриджетъ мелькнулъ образъ Патрика съ его утонченными чертами лица, статной фигурой, темными глазами, которые сверкали стальнымъ блескомъ, и губами, на которыхъ играла то обольстительная, то презрительная улыбка.

— Отвѣтъ, Бидди, поскорѣе!

Голосъ Роджера, словно плетью, ударилъ ее. Она откинула назадъ голову и взглянула на него такимъ взглядомъ, какимъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ бы взглянуть Патрикъ.

— Ровно черезъ часъ ждите меня у маленькой калитки позади дома,— сказала она.—Я воспользуюсь временемъ, когда гости будутъ ужинать, и пройду туда никѣмъ незамѣченная.

— О, моя королева!—воскликнулъ Роджеръ и, склонившись къ ней, хотѣлъ ее поцѣловать.

Но она выскользнула изъ его объятій и съ быстротою стрѣлы вылетѣла изъ комнаты.

III.

Восточный вѣтеръ, весь день свирѣпствовавшій надъ городомъ, нагналъ густыя темныя облака, разразившись къ ночи сильной метелью; снѣгъ сухой и острый, какъ иголки, гналъ пѣшеходовъ домой, заставляя дрожать факельщиковъ и носильщиковъ портшезовъ, которые, поднявъ свои воротники, старались укрыться отъ него въ подъѣздахъ большихъ домовъ.

У маленькой калитки позади дома сэра Ричарда Кардена стоялъ Роджеръ Трель, съ страшнымъ волненіемъ всматриваясь въ темноту. Полчаса тому назадъ покинулъ онъ бальный залъ и вернулся домой, чтобы подбодрить себя новой дозой вина и надѣть плащъ и высокіе сапоги, какіе онъ всегда надѣвалъ для далекаго путешествія.

Рори, одаренный любознательностью своего племени и класса, рѣшился въ качествѣ вѣрнаго слуги высказать свой взглядъ на такое поведеніе, но Роджеръ выругалъ его за это и, вооружившись однимъ изъ пистолетовъ, лежавшихъ на каминѣ, поспѣшно вышелъ изъ дому, не сказавъ ему куда и даже не простившись съ нимъ.

Вино и сильное возбужденіе не давали ему чувствовать холода, когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по аллеѣ, не спуская глазъ съ дверей дома, черезъ которыя ходили обыкновенно слуги. Нетерпѣніе его усиливалось съ каждымъ поворотомъ, что видно было по его шагамъ, по внезапнымъ остановкамъ при неожиданномъ порывѣ вѣтра или при появленіи факельщика, который переходилъ скверъ.

Слухъ нѣсколько разъ обманывалъ его, но ожиданія превратились, наконецъ, въ дѣйствительность. Онъ услышалъ, что кто-то осторожно открываетъ дверь. Въ три прыжка очутился онъ у дверей и схватилъ бѣлую ручку.

— Браво, Бидди! Какъ тебѣ удалось уйти оттуда?

Миссъ Бриджетъ подняла голову и откинула капюшонъ, не обращая вниманія на то, что снѣгъ колетъ ей лицо.

— Прошу, пожалуйста, — сказала она, —провести меня къ экипажу.

Врядъ ли походили эти слова на привѣтствіе невѣсты. Но Роджеръ Трельсъ не обратилъ вниманія не только на слова, но и на ихъ тонъ. Она бы-

ла его радостью, его собственностью, его съ такимъ трудомъ добытымъ сокровищемъ. Какое значеніе могло имѣть для него это капризное настроеніе духа со стороны женщины въ этотъ неожиданный для нея свадебный вечеръ? Онъ властно обнялъ ее рукой.

— Не бойся, милая! Лошади ждутъ насъ съ нетерпѣніемъ.

И онъ повелъ, ее дрожащую отъ холода, но нечувствительную къ его объятіямъ. Такъ прошли они скверъ и вышли на улицу; Роджеръ старался придать себѣ видъ искателя приключеній, который провожалъ даму, скрывавшую свое лицо подъ капюшономъ, накинутымъ на ея голову.

Ни разу за все время не промолвила молодая дѣвушка ни одного слова, ни разу не обернулась назадъ, чтобы взглянуть на отцовскій домъ. Она шла покорно, куда онъ ее велъ, пока не дошла до двора, гдѣ при свѣтѣ факела увидѣла вынырнувшую изъ темноты коляску, таинственнаго кучера на козлахъ и лоснящіеся бока пары лошадей, нетерпѣливо рывшихъ землю копытами.

— Сюда, милая! — шепнулъ ей на ухо Роджеръ и, поднявъ ее на руки, посадилъ въ коляску, куда и самъ послѣдовалъ за нею. Дверцы коляски закрылись, кучеръ хлопнулъ бичомъ, и лошади, громко заржавъ и нѣсколько разъ куснувъ другъ друга, понеслись во весь опоръ.

Никто изъ нихъ не сказалъ ни слова за всю дорогу. Пока они ѣхали по улицѣ, миссъ Бриджетъ сидѣла, откинувшись въ уголъ коляски; но какъ только они выѣхали изъ города и лошади, почувствовавъ открытую мѣстность, понеслись еще быстрѣе, она склонилась впередъ и, сидя въ полоборота къ своему жениху, прильнула лицомъ къ стеклу окна.

Не было ни одного времени года, чтобы дорога въ Глинтрель отличалась особенной красотой, но теперь, когда зима насыпала цѣлыя изгороди сугробовъ и обнажила разбросанныя кое-

гдѣ деревья, видъ казался еще болѣе унылымъ и пустыннымъ. Съ правой и лѣвой стороны тянулась открытая мѣстность, гдѣ не было замѣтно никакихъ признаковъ жизни; даже зайцы и тѣ не попадались имъ по дорогѣ.

Ни одного слова за все время восьмимильнаго переѣзда не произнесли ни миссъ Бриджетъ, ни Роджеръ, пока не показались, наконецъ, ворота Глинтреля съ фамильнымъ гербомъ, наполовину изъѣденнымъ временемъ и непогодой. Но тутъ страсть съ новой силой проснулась въ Роджерѣ, и онъ, схвативъ дѣвушку въ объятія, крѣпко прижалъ къ груди и не выпускалъ все время, пока кучеръ, проѣхавъ черезъ ворота и мимо дома привратника, свернулъ на аллею, ведущую къ подъѣзду дома.

— Привѣтъ тебѣ, мое сердце! Жду пошлины за пропускъ черезъ ворота.

Еще разъ склонился онъ къ ней, чтобы сорвать поцѣлуй, котораго такъ жаждалъ, но дѣвушка со всею силою охватившаго ее испуга оттолкнула его отъ себя.

— Не раньше, чѣмъ священникъ соединитъ насъ узами брака!—воскликнула она.—Пока я принадлежу еще самой себѣ.

— Нѣтъ, ты принадлежишь мнѣ!— И онъ снова склонился къ ней.

Въ эту критическую минуту кучеръ натянулъ возжи, и лошади остановились у подъѣзда сѣраго, непривѣтливаго на видъ дома.

Роджеръ выругался про себя, а затѣмъ громко расхохотался и, выскочивъ изъ коляски, дернулъ ручку звонка.

Внутри дома послышались торопливые шаги, въ окнахъ замелькали огни, и вслѣдъ за этимъ распахнулась тяжелая дверь, откуда выглянуло испуганное лицо стараго слуги.

Роджеръ, ничѣмъ не отвѣтивъ на привѣтствіе послѣдняго, вернулся къ коляскѣ, поднялъ на руки дѣвушку и внесъ ее въ домъ. Опустивъ ее на полъ, онъ окинулъ недовольнымъ взглядомъ пустой каминъ

— Пріятное, клянусь Богомъ, возвращеніе домой! — крикнулъ онъ. — Вотъ какъ ты хозяйничаешь въ Глинтрелѣ во время моего отсутствія! Принеси торфу и дровъ! Затопить каминъ... Подать ужинъ и вино! Да поскорѣй!

Старый слуга исчезъ, не дослушавъ до конца его словъ.

Не прошло, казалось, и полминуты, какъ въ комнату вошли человѣкъ шесть прислуги съ ведрами тлѣющаго торфа, съ виномъ и паштетами, съ зажжеными свѣчами въ канделябрахъ. Превращеніе зала совершились поистинѣ съ театральной быстротой. А Роджеръ тѣмъ временемъ продолжалъ, какъ маятникъ, ходить взадъ и впередъ по залѣ; только, когда ушли всѣ слуги, остановился и, обратившись къ старику, встрѣтившему его у входа, сказалъ:

— А теперь, Тимофей, гдѣ находится его преподобіе? Проводитъ пріятно время въ своихъ аппартаментахъ, тогда какъ Глинтрель приходитъ постепенно въ разрушеніе и запустѣніе? Иди къ нему и разбуди его... разбуди и приведи сюда. У меня есть для него дѣло. Чортъ возьми, онъ, пожалуй, отупѣлъ отъ бездѣятельности.

Старый слуга съ недоумѣніемъ взглянулъ на него, и Роджеръ едва не вспыхнулъ снова, но въ эту минуту миссъ Бриджетъ, которая пришла, наконецъ, въ себя, съ умоляющимъ видомъ протянула къ нему руки.

— Роджеръ, прошу небольшой милости... совсѣмъ небольшой! Дайте мнѣ еще нѣсколько времени, чтобы приготовиться къ этому... этому таинству.

Капюшонъ ея свалился назадъ, обнаживъ прелестную напудренную головку и блѣдное личико. Гнѣвъ Роджера смѣнился страстнымъ волненіемъ.

— Скорѣе веди сюда его преподобіе, Тимофей!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, не спуская глазъ съ дѣвушки. — Скажи ему, чтобы онъ былъ здѣсь ровно черезъ часъ, да

позаботься, чтобы онъ не забылъ своего требника для вѣнчальнаго обряда.

— Бидди, присядь къ столу,—сказалъ онъ, когда старикъ вышелъ изъ комнаты.—Здѣсь все твое. Вотъ вино. Тебѣ нужно согрѣть свои губки; ты скорѣе тогда разрѣшишь мнѣ поцѣловать тебя.

Онъ засмѣялся и налилъ ей вина въ стаканъ.

— Садись же, милая!

Онъ поставилъ стаканъ на столъ и придвинулъ кресло, обитое полинялымъ бархатомъ.

Но миссъ Бриджетъ не двинулась съ мѣста. Темный плащъ ея былъ теперь разстегнутъ, и блескъ ея серебристаго платья казался луннымъ сіяніемъ въ этомъ мрачномъ залѣ. Да и лицо ея свѣтилось голубоватымъ свѣтомъ луны, такъ оно было смертельно блѣдно.

— Роджеръ, — сказала она, — мы должны исповѣдаться, прежде чѣмъ приступить къ совершенію таинства брака. Я исповѣдуюсь вамъ во всемъ, что лежитъ у меня на совѣсти.

Роджеръ засмѣялся и склонился къ ней.

— Лучше мнѣ, разумѣется, чѣмъ священнику. Я не питаю большого пристрастія къ духовному сословію. Жду исповѣди. Твои грѣхи безвинны, я въ этомъ увѣренъ.

Миссъ Бриджетъ оставила безъ вниманія его слова.

— Роджеръ,—продолжала она, не спуская глазъ съ его лица,—не знаю, спросили вы себя или нѣтъ, почему я согласилась на ваше предложеніе... почему я такъ охотно захотѣла спасти вашего брата?

— Изъ человѣколюбія, разумѣется,—отвѣчалъ Роджеръ,—но можетъ быть по какой-нибудь другой причинѣ.—Онъ сказалъ это тихо, протягивая руку, чтобы обнять ее за талію.— Дѣвушки любятъ, чтобы ихъ насильно заставляли дѣлать то, что имъ нравится.

— Что имъ нравится?— Миссъ Бриджетъ произнесла эти слова съ такой

ироніей, что Роджеръ невольно опустилъ руку.—Что имъ нравится? Я выхожу за васъ замужъ потому, что люблю Патрика. Я готова на пытку, на смерть, чтобы спасти его; если для этого необходимо выйти замужъ, я выйду замужъ.

Кровь хлынула къ лицу Роджера.

— Ты любишь Патрика?

— Да... Берите же, если хотите, пустую оболочку безъ души и сердца.

Гордость сомкнула его уста на минуту, но затѣмъ любовь взяла верхъ надъ гордостью. Онъ снова схватилъ ее въ свои объятія и впился въ ея лицо горящимъ взглядомъ.

— Я предоставляю своему брату такія тонкости, какъ души и сердце. Для себя же, миссъ Бриджетъ, я предпочитаю вашу поразительно красивую оболочку...

Въ голосѣ и словахъ его слышался на этотъ разъ весьма опредѣленный оттѣнокъ; ревность и страсть довели его любовь до безумія. Миссъ Бриджетъ громко вскрикнула отъ ужаса. Но страхъ ея замеръ въ слѣдующую минуту... Она и Роджеръ, широко открывъ глаза и, затаивъ дыханіе, сразу повернулись къ двери. Они услышали стукъ копытъ галопирующей лошади и спустя нѣсколько времени стукъ въ двери подъѣзда.

— Что это?—воскликнула миссъ Бриджетъ, задыхаясь отъ волненія.

— Не знаю. Вашъ отецъ, весьма вѣроятно.

— Мой отецъ? Быть не можетъ! А впрочемъ... Моя дѣвушка замѣтила, надо полагать, исчезновеніе моего плаща и подняла тревогу.

Слова ея были прерваны новымъ стукомъ въ двери.

— Сюда!—крикнулъ Роджеръ.—Сюда! Спрячьтесь на минуту за эту портьеру, пока я переговорю съ нимъ.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ потащилъ ее на другой конецъ комнаты.

— Если это мой отецъ, я сама могу переговорить съ нимъ,—воскликнула она, приходя въ себя. Слова ея были заглушены цѣлымъ потокомъ ударовъ

въ дверь. Роджеръ не слушалъ и насильно заставилъ ее спрятаться за портьеру.

* * *

Когда портьера спустилась, миссъ Бриджетъ сразу почувствовала холодъ и сырость каменной стѣны и затхлый запахъ пыли, скопившейся здѣсь въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ.

Удары тѣмъ временемъ продолжали сыпаться на входную дверь. Миссъ Бриджетъ услышала, какъ Роджеръ вышелъ изъ комнаты. Она ждала... ждала, что вотъ сейчасъ раздастся голосъ сэра Ричарда. Но звуки голоса, которые донеслись до ея слуха, заставили всю кровь ея прилить обратно къ сердцу; она почувствовала вдругъ такую слабость, что еле удержалась на ногахъ.

— Тимофей, это ты?—услышала она голосъ Патрика.—Открой поскорѣе... не знаешь ли чего-нибудь о моемъ братѣ? Да открой же... открой! Дѣло спѣшное.

Миссъ Бриджетъ стояла, упираясь руками въ холодную стѣну. Она не разобрала отвѣта Роджера, но услышала, какъ открылась дверь, а затѣмъ—никогда потомъ не могла она того забыть—затѣмъ нѣчто среднее между всхлипываньемъ и вздохомъ безграничнаго облегченія.

— Роджеръ!

— Чортъ возьми! Нашелъ время для визита. Какая нелегкая принесла тебя въ Глинтрель, черезъ порогъ котораго ты не переступалъ даже и днемъ? Чему обязанъ я такимъ великимъ почетомъ?

Но Патрикъ не обратилъ, повидимому, вниманія на тонъ этихъ словъ.

— Я замѣтилъ твое исчезновеніе съ бала,—отвѣчалъ онъ,—и отправился домой, гдѣ узналъ, что ты ушелъ, надѣвъ высокіе сапоги и плащъ и вооружившись пистолетомъ.

Роджеръ расхохотался.

— Чортъ возьми! Ты начинаешь необыкновенно добросовѣстно относиться ко всѣмъ своимъ дѣламъ.

— У тебя гости? — спросилъ Патрикъ, замѣтивъ вдругъ приготовленный ужинъ на столѣ и видимо смущенный этимъ обстоятельствомъ.

Роджеръ засмѣялся, и смѣхъ этотъ заставилъ вспыхнуть миссъ Бриджетъ, хотя она не могла дать себѣ отчета, почему собственно покраснѣла.

— Напрасны, братъ мой, твои подозрѣнія, — отвѣтилъ Роджеръ. — Я ужинаю съ священникомъ. При случаѣ, хотя бы даже для нѣкотораго разнообразія ощущеній, мы всѣ дѣлаемся религіозными.

Онъ говорилъ быстро, небрежно, какъ бы бравируя своимъ положеніемъ, и дѣвушкѣ, стоявшей позади портьеры, показалось почему-то, что братъ Патрикъ сомнѣвается въ его словахъ.

— Роджеръ, — услышала она голосъ Патрика, — не шути со мной. Говори со мной, прошу тебя серьезно. Я примчался сюда со скоростью почтовой лошади, чтобы узнать, къ какому рѣшенію ты пришелъ.

— Я не измѣнялъ своему слову. — Въ голосѣ Роджера прозвучала свирѣпая нотка. — И никакихъ шутокъ съ моей стороны нѣтъ. Слушай, Патрикъ! Я хочу хорошенько угостить тебя. Мое совѣщаніе съ церковью не начиналось еще, но сейчасъ долженъ придти сюда священникъ. Ты пріѣхалъ ко мнѣ въ неположенный для этого часъ, но я прощаю тебя. Отвѣдай, пожалуйста, этого вина, а затѣмъ уѣзжай, пока я не измѣнилъ своего намѣренія.

Послышалось бульканье наливаемаго вина и затѣмъ голосъ Патрика.

— Ты человѣкъ мужественный, — Роджеръ, и это еще больше укрѣпляетъ меня въ моемъ рѣшеніи.

— Провались оно твое рѣшеніе! Пей... пей и уѣзжай!

— Когда я все скажу тебѣ, Роджеръ!

Роджеръ произнесъ какое-то проклятіе.

— Когда ты все скажешь? Никакихъ спичей мнѣ не нужно, слышишь? Мы съ тобой сказали другъ другу все, что могли сказать.

— Не все, мой братъ! Я пріѣхалъ, чтобы сказать, и скажу. Сегодняшняя игра...

— Молчи! — заревѣлъ Роджеръ. — Молчи, говорю тебѣ.

Но Патрикъ не хотѣлъ молчать.

— Наша игра сегодня... — крикнулъ онъ, — я отказываюсь отъ нея, отказываюсь! Слышишь?

Миссъ Бриджетъ, услыша эти слова, прислонилась къ стѣнѣ, чувствуя, что ей дѣлается дурно. Патрикъ, ея герой, ея любовь, Патрикъ, ради котораго она жертвовала своей юностью, свободой, всѣми надеждами жизни — Патрикъ былъ малодушный трусъ, опозоренный измѣнникъ своему слову. Какъ сквозь сонъ услышала она хриплый смѣхъ Роджера:

— Я думалъ до сихъ поръ, что ты настоящій Трельсъ. Никто изъ насъ не хныкалъ надъ смертью... ни своей, ни чужой.

— Никто изъ Трельсовъ не посылалъ своихъ братьевъ на позорную смерть.

— Замолчи, безумецъ! — съ угрозой крикнулъ Роджеръ.

Но Патрикъ такъ же громко отвѣтилъ ему:

— Я не буду молчать! Я былъ безумцемъ сегодня, но здравый смыслъ взялъ верхъ и образумилъ меня. Я не буду трусомъ. Я отказываюсь отъ этой проклятой партіи въ кости. Ты старшій, Роджеръ! Природа сама на твоей сторонѣ. Пользуйся своими шансами... я уступаю тебѣ мѣсто. Дѣлай предложеніе молодой леди; съ моей стороны не будетъ никакой помѣхи Пріобрѣти ея любовь и ты...

Онъ вдругъ замолчалъ и оглянулся въ сторону. Роджеръ взглянулъ туда-же и выронилъ стаканъ изъ рукъ.

Портьера зашевелилась, и изъ-за нея вышла миссъ Бреджитъ.

— Вы играли сегодня въ кости, — сказала она. — Кто изъ васъ выигралъ?

Роджеръ вскрикнулъ и шагнулъ впередъ, но она отстранила его рукой и въ упоръ взглянула въ глаза Патрика.

Она низко присѣла.

— Кто выигралъ? Говорите правду!

— Я выигралъ, Бриджетъ!—тихо отвѣчалъ Патрикъ.

Роджеръ крикнулъ.

— Бидди, выслушай меня!

— Выслушать васъ? — вспыхнула миссъ Бриджетъ.—Васъ? За то, что вы собирались жениться, зная, что оставите вашу жену вдовой? За то, что вы собирались умереть, наслаждаясь тѣмъ, что обманули вашего брата?

Она стояла передъ ними не какъ призракъ въ серебристой одеждѣ, а вся трепещущая жизнью и съ сверкающими глазами.

Въ комнату вошелъ священникъ. Онъ тихо закрылъ за собою дверь и съ недоумѣніемъ взглянулъ на присутствующихъ.

— Роджеръ,— сказалъ онъ,—Тимофей передалъ мнѣ, что я вамъ нуженъ. Надѣюсь, что я пришелъ во-время.

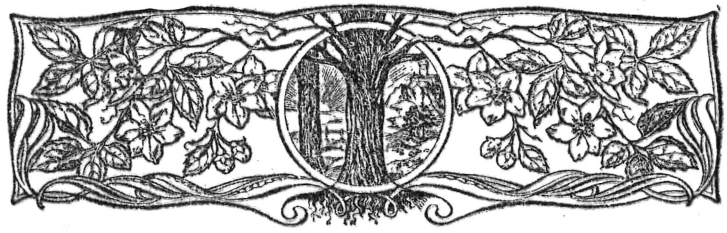
Всѣ трое оглянулись и увидѣли передъ собой престарѣлаго человѣка въ черной одеждѣ, съ сѣдымъ волосами,

сутуловатаго. Въ рукахъ онъ держалъ требникъ. Кроткій взглядъ священника переходилъ съ одного лица на другое.

Онъ взглянулъ сначала на Роджера, затѣмъ на Патрика и, наконецъ, на миссъ Бриджетъ Карденъ. И что-то въ выраженіи лица послѣдней вызвало улыбку на его губахъ, и что-то въ этой улыбкѣ заставило молодую дѣвушку выступить впередъ съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и съ высоко поднятой головой.

— Передъ вами бѣглянка, отецъ мой!—сказала она.—Я дочь сэра Ричарда Кардена изъ графства Уайклоу. Я сегодня вечеромъ покинула его домъ и землю, чтобы вы сейчасъ же обвѣнчали меня съ мистеромъ Патрикомъ Трельсомъ.

Она покраснѣла еще сильнѣе и низко присѣла по принятому тогда обычаю. Затѣмъ съ легкимъ смѣхомъ, похожимъ скорѣе на рыданіе, она взглянула на Патрика и протянула ему руки.



Она опустила конецъ кружевнаго шарфа на его руку...

МЕРТВЫЙ ШТИЛЬ

ТРАГЕДІЯ МОЛЧАЛИВАГО КАПИТАНА

Разсказъ РИЧАРДА ХАМІЕТА.

— Это парусное судно! — заявилъ полковникъ Ансонъ, попыхивая трубочкой въ палубномъ креслѣ парохода.—Да еще старое палубное судно; по оснасткѣ вижу... И паруса старые. Эти какую хочешь бурю выдержатъ... Я въ нихъ знаю толкъ! Старые-то паруса приходилось замѣнять или чинить только тогда, когда какой-нибудь дуракъ, со зла или съ досады, изъ себя выйдетъ да пропоретъ въ нихъ ножомъ прорѣху. Добрый парусъ, бывало, трое насилу подымутъ. А теперь что? Простыньки какія-то для просушки натягиваютъ. Я и самъ когда-то былъ парусникомъ. Я былъ еще мальчикомъ, а теперь, можно сказать, цѣлую жизнь прожилъ. И скажу по совѣсти, что ничего хуже моего перваго плаванія въ качествѣ парусника я не видѣлъ. И все изъ-за штиля!

Въ настоящее время штиль не имѣетъ большого значенія; паровыя суда не боятся даже мертваго штиля: машина работаетъ, и кругомъ такая успокоительная тишина. Ну, а вы посмотрите на то парусное судно: оно навѣрное движется всѣ эти двое сутокъ лишь настолько, насколько его сноситъ теченіемъ. Бьюсь объ закладъ, что оно не дѣлаетъ и полъ-

узла за цѣлую вахту. И вы не повѣрите, какъ удручающе дѣйствуетъ это на человѣка, даже на самаго безстрастнаго. Вѣдь не всякій любитъ прелести одиночества,—это вынуждаетъ человѣка думать, а думы часто приходятъ въ такое время скверныя. Повѣрьте мнѣ: дурныя мысли въ это время человѣку на умъ приходятъ.

Когда на морѣ мертвый штиль, тогда на землѣ всякая чертовщина творится. По крайнѣй мѣрѣ, въ тотъ разъ, въ первое мое плаваніе, это несомнѣнно было такъ. Мнѣ въ ту пору было уже девятнадцать лѣтъ; я былъ рослый и здоровый парень, но настоящій простофиля, ничего не смыслившій въ морскомъ дѣлѣ. У отца моего была большая парусная мастерская, и я еще мальчикомъ научился сшивать и изготовлять паруса; въ парусахъ я зналъ толкъ, но въ судахъ рѣшительно ничего не понималъ. Но такъ какъ отецъ мой такъ же хорошо зналъ море, какъ и парусное дѣло, то мнѣ пришлось бѣжать изъ отцовскаго дома для того, чтобы уйти въ море.

Я началъ съ того, что забрался въ носовую часть трюма паруснаго брига «Амосъ», принадлежавшаго какому-то американцу. Здѣсь было темно, какъ въ колодцѣ, пахло солониной, крысами и боченками со спиртомъ. Я едва могъ дождаться, чтобы, наконецъ, спустя нѣкоторое время по отплытіи, пошли въ трюмъ и нашли меня. Одинъ изъ нашедшихъ меня людей, былъ славный, добродушный парень.

— Ну ладно,—сказалъ онъ—оставайся здѣсь; мы разсчитываемъ зайти въ Сидней, а до того времени тебя, малыша, какъ-нибудь здѣсь прокормимъ.

— Спасибо,—сказалъ я,—но я не хочу здѣсь сидѣть безъ дѣла, хочу выбраться наверхъ и работать, какъ матросъ.

— Но у насъ пресвирѣпый капитанъ. Предупреждаю тебя: съ нимъ плохое житье... Держи ухо востро, не то бѣда!

Но мнѣ было все равно: ничего не могло быть хуже этой душной темной и вонючей дыры между ящиками, тюками и боченками. И по моей просьбѣ меня отвели къ командиру.

Это былъ суровый, непривѣтливый человѣкъ. Но теперь, когда я оглядываюсь назадъ, я вижу въ немъ многое, чего я раньше не видѣлъ и не замѣчалъ въ немъ. Онъ производилъ съ перваго взгляда скорѣе впечатлѣніе ученаго, чѣмъ моряка. Это былъ высокій, худощавый человѣкъ нѣсколько сутуловатый или вѣрнѣе горбившійся въ плечахъ, съ тонкимъ изящнымъ и даже красивымъ лицомъ, когда оно было хорошо выбрито. Но на суднѣ онъ нарочно не брился и обросталъ жесткой, колючей бородой, что придавало ему видъ интеллигентнаго преступника. Этому особенно способствовали его глаза — у нихъ былъ такой ужасный взглядъ, какого я никогда ни у кого больше не видалъ. Линія нижнихъ вѣкъ у него была совершенно прямая, какъ линія горизонта, и когда онъ медленно раскрывалъ глаза, глядя на васъ, получалось впечатлѣніе непріятнаго сѣраго пасмурнаго разсвѣта.

— Такъ это пятый тузъ въ нашей колодѣ?—сказалъ онъ, глядя на меня; я почувствовалъ, что у меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ, и пожалѣлъ, что не остался въ трюмѣ. Этотъ человѣкъ, казалось, былъ способенъ заставить тебя ходить по канату или приказать вздернуть на висѣлицу. Но мое ремесло спасло меня на этотъ разъ.

— Говорятъ, ты смыслишь кое-что въ парусномъ дѣлѣ,—обратился онъ ко мнѣ.—Ну такъ отправляйся къ паруснику и работай тамъ съ нимъ, а въ случай надобности живо наверхъ, когда придется подсобить командѣ. Понялъ?

Я не заставилъ себѣ повторять два раза и поспѣшилъ поскорѣе убраться съ глазъ суроваго командира.

До Монтевидео ничего особеннаго въ нашемъ плаваніи не было, но здѣсь

почти весь нашъ экипажъ разбѣжался во время стоянки, и мы потратили не мало времени, пока набрали новый. Капитанъ нашъ большею частью находился въ это время на берегу, а когда мы, наконецъ, вышли въ море, то онъ сталъ свирѣпствовать, какъ бѣшеный. Никто на него не могъ угодить; наказанія слѣдовали за наказаніями. Къ тому же, и море разбушевалось; въ первую же ночь у насъ снесло двѣ брамъ-стенги и надломило мачту. Командиръ неистовствовалъ.

Повернули назадъ и вернулись обратно въ Монтевидео. Едва успѣли стать на якорь, какъ и этотъ экипажъ весь до послѣдняго человѣка бѣжалъ. Люди кидались вплавь, не дожидаясь даже, чтобы успѣли спустить шлюпки. Прошло не меньше недѣли, прежде чѣмъ мы снова подняли якоря. Всю недѣлю капитанъ оставался на берегу, а когда вернулся на судно, то, глядя на него, можно было сказать безъ ошибки, что онъ все время шибко пилъ. Кромѣ того, мнѣ показалось, что въ немъ было на этотъ разъ что-то странное, какъ будто онъ съ чѣмъ-то внутренно боролся. Помню, ночью онъ стоялъ на кормѣ, всклокоченный, съ волосами, нависшими на лобъ, и разговаривалъ съ рулевымъ, а самъ не спускалъ глазъ съ Монтевидео. Онъ былъ, повидимому, чѣмъ-то разстроенъ, потрясенъ и находился въ нерѣшимости, и это дѣлало его еще болѣе свирѣпымъ. Двѣ снесенныя брамъ-стенги не вразумили его; онъ продолжалъ идти на зло вѣтру и непогодѣ, которая всю эту ночь ревѣла и выла вокругъ насъ. Около двухъ склянокъ, во время утренней вахты, у насъ снесло форъ-марсъ, который съ немалой силой рухнулъ на палубу. Нашъ низкорослый боцманъ, стоявшій тутъ скрестивъ ноги и смотрѣвшій на это разрушеніе, увидѣвъ меня въ дверяхъ парусной каюты, хрипло проворчалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Иди къ командиру и скажи ему, что у насъ форъ-марсъ снесло.

Это порученіе было мнѣ не по вкусу, но я все же пошелъ на корму, едва удерживаясь на ногахъ, потому что судно наше съ трудомъ боролось съ расходившейся бурей, да еще теперь, когда у него снесло марсъ съ передней мачты.

Командиръ сидѣлъ въ каютъ-компаніи совершенно одѣтый и пилъ кофе. Онъ представлялъ собою въ эту минуту довольно жалкую фигуру — въ засаленной фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ, и потертой заношенной курткѣ, облекавшей его длинное костлявое тѣло. Противъ него сидѣлъ его старшій лейтенантъ, — человѣкъ уже старый и уживчивый, какъ морской песъ, привыкшій всегда поджимать хвостъ.

— Форъ-марсъ снесло сэръ, — доложилъ я.

На это командиръ только молча кивнулъ мнѣ головой въ знакъ того, что онъ слышалъ, и поставилъ свою чашку на столъ съ какимъ-то удивительно страннымъ выраженіемъ въ лицѣ. Казалось, будто онъ почувствовалъ какое-то облегченіе.

— Нѣтъ смысла бѣжать отъ того, что суждено, — сказалъ онъ, — все равно не убѣжишь.

Судно кидало изъ стороны въ сторону. Временами оно какъ будто вздрагивало всѣмъ корпусомъ, когда зарывалось слишкомъ глубоко носомъ. Командиръ, видя, что его чашкѣ грозитъ бѣда, поспѣшилъ спасти ее, взявъ со стола, и другой рукой подперъ свой небритый подбородокъ.

— Я говорю, что отъ судьбы не уйдешь, мистеръ, — обратился онъ снова къ своему помощнику, какъ-то особенно грозно крикнувъ эти слова, такъ что тотъ съ испуга даже вскочилъ со своего мѣста.

— Совершенно вѣрно; сэръ — отозвался онъ, а я подумалъ про себя: «Отъ чего это онъ старается уйти? Отъ какой судьбы?»

— Когда море уляжется, — обратился онъ снова къ помощнику, — прикажите перевести судно на другой

гальсъ; мы пойдемъ обратно въ Монтевидео.

И теперь онъ почему-то усмѣхнулся.

Придя снова въ Монтевидео, мы поставили новый форъ-марсъ и наскоро набрали новый, уже третій за это плаваніе экипажъ. На этотъ разъ даже и толстобрюхій парусникъ не захотѣлъ больше плавать на этомъ суднѣ, и когда наступила ночь, навязалъ себѣ на голову свой узелокъ, спустился по якорной цѣпи и отправился вплавь на берегъ. Ночь была лунная, и я долго слѣдилъ, какъ его жирныя бѣлыя плечи ныряли и бѣлѣли между волнъ. И вдругъ я почувствовалъ себя великой персоной. Если командиръ не найметъ другого парусника, такъ все это дѣло останется на моихъ рукахъ, а я съ нимъ справлюсь, я это знаю. Такъ какъ я считался мастеровымъ, то, работая въ продолженіе дня, я всю ночь былъ свободенъ, не стоялъ на вахтѣ, не исполнялъ никакихъ работъ, не участвовалъ ни въ какихъ смѣнахъ и нарядахъ и спалъ по ночамъ, какъ баринъ, безпробуднымъ сномъ. А потому, случилось такъ, что я спалъ крѣпкимъ сномъ, когда мы въ третій разъ вышли въ Монтевидео. Нашъ кокъ,—у насъ былъ новый кокъ, американецъ, родомъ изъ Филадельфіи,—на другой день разсказалъ мнѣ все, что произошло въ эту ночную вахту, когда я спалъ.

А произошло нѣчто совершенно необычайное: нашъ командиръ привезъ съ собой на судно жену. И, какъ увѣрялъ кокъ, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія, такъ какъ нашъ новый «стюартъ» (слуга, буфетчикъ) былъ свидѣтелемъ брачной церемоніи, состоявшейся на берегу. Командиръ совсѣмъ обезумѣлъ; онъ щегольски выбрился и причесался, надѣлъ мундиръ съ иголочки, воткнулъ цвѣтокъ въ петлицу и вообще велъ себя, какъ сумасшедшій—и все это ради этой маленькой женщины.

— Тамъ, на берегу, онъ положительно красивый мужчина,—говорилъ кокъ.—Но я никогда не видѣлъ его на

берегу, и потому мое представленіе о немъ было совершенно иное. Однако, приглядываясь къ нему ближе, я готовъ былъ повѣрить, что онъ могъ быть красивъ и изященъ, потому что, при всей его грубости, въ его манерѣ и движеніяхъ было извѣстное благородство, сказывавшееся и въ походкѣ и въ осанкѣ этого человѣка. Несомнѣнно также, что онъ былъ много выше по образованію, чѣмъ большинство его товарищей по службѣ; я видѣлъ у него въ каютѣ книги, которыя большинству моряковъ были бы не подъ силу. Были у него и беллетристическія книги, которыя онъ читалъ днемъ вслухъ юнгамъ съ цѣлью нагонять на нихъ страхъ; впрочемъ, этотъ человѣкъ умѣлъ нагонять страхъ на всѣхъ насъ, даже читая намъ отрывки изъ библіи.

— И она тоже особа приглядная,—сказалъ кокъ, говоря про жену командира.—А вошла она на палубу, точно на крыльяхъ прилетѣла, до того у нея поступь легкая, плавная и неслышная. Я замѣтилъ, что она даже не протянула впередъ рукъ съ тѣмъ боязливымъ жестомъ, съ какимъ это обыкновенно дѣлаютъ женщины, входя или выходя изъ шлюпки.

Кромѣ того, было въ ней еще нѣчто странное, судя по тому, что говорилъ кокъ. Она, повидимому, знала одного изъ матросовъ, стоявшихъ на вахтѣ у штирборта. Этотъ громаднаго роста черномазый дѣтина, напоминавшій гориллу, явился на судно только наканунѣ вечеромъ. Онъ стоялъ, облокотясь на кабестанъ, когда она проходила мимо. При видѣ его она разомъ остановилась и разсмѣялась какимъ-то страннымъ, почти беззвучнымъ злымъ смѣхомъ, и тотчасъ же оглянулась, желая убѣдиться, что командиръ еще не взошелъ на палубу и находился въ этотъ моментъ за бортомъ. Оглянувшись, она снова разсмѣялась, — разсказывалъ наблюдательный кокъ (увлекавшійся Бульверъ-Литтономъ),—опустила конецъ кружевного шарфа на грубую, волоса-

тую, обнаженную до локтя руку матроса и тихонько провела этимъ концомъ шарфа по его рукѣ. Но тотъ не шевельнулся, не дрогнулъ, только взглядъ его былъ таковъ, что кокъ не умѣлъ подыскать для него надлежащаго опредѣленія, а сказалъ только, что ему стало жутко отъ него; взглядъ, во всякомъ случаѣ, не предвѣщалъ ничего добраго.

Но что было особенно важно, для меня лично, это то, что другого паруснаго мастера у насъ на борту не оказалось, и такимъ образомъ я являлся полнымъ и единственнымъ хозяиномъ мастерской и настоящимъ мастеровымъ человѣкомъ на суднѣ.

Съ недѣлю или немного болѣе, все шло прекрасно. Мы дѣлали по шести узловъ въ часъ; вѣтеръ былъ легкій. Командиръ нашъ былъ спокоенъ и кротокъ, какъ овечка, потому что забавлялся своей новой златокудрой игрушкой. Никто его не узнавалъ; всѣ дѣла онъ возложилъ на своего помощника и большую часть времени проводилъ у себя въ каютѣ. Къ возлюбленной своей онъ относился спокойно и сдержанно.

Молодая женщина, напротивъ, почти все время пребывала на палубѣ, по возможности не заглядывая въ душную командирскую каюту. Она любила сидѣть на солнышкѣ и наблюдать за работой матросовъ, ради которыхъ она распускала свои золотыя кудри по спинѣ и по плечамъ, потому что принадлежала къ числу созданій, кокетничающихъ съ каждымъ живымъ человѣкомъ; эта златокудрая женщина не имѣла жалости ни къ кому изъ этихъ несчастныхъ безмолвныхъ существъ, и, казалось, зло издѣвалась надъ ними.

Ее, повидимому, забавляло то, что всѣ на суднѣ волновались, когда она высовывала изъ-подъ края подола свою щегольски обутую маленькую ножку, или прикладывала къ щекѣ длинную прядь мягкихъ золотистыхъ кудрей.

Мало-по-малу создалось какое-то молчаливое соревнованіе между всѣми

нами—въ томъ, кому она подаритъ лишній безпечно-чарующій взглядъ водянисто-зеленыхъ, какъ будто безучастныхъ и разсѣянныхъ глазъ или же мимолетную улыбку, небрежный кивокъ, усмѣшку, — словомъ всѣ тѣ коварные снаряды, которыми она, какъ скрытая батарея, бомбардировала насъ поочередно съ невозмутимымъ спокойствіемъ. А тѣ изъ насъ, что лазили по вантамъ, старались всячески удивить ее и своею смѣлостью, и ловкостью, и чисто-обезьяньими продѣлками. Даже самую обычную работу мы не могли исполнить безъ какого-нибудь показного фокуса. Все то время у насъ не выходила изъ ума мысль, что она смотритъ на насъ, и надо себя показать молодцами.

И всякій разъ, когда тотъ рослый черномазый матросъ работалъ гдѣ-нибудь въ снастяхъ, она стояла, опершись на перила, и смотрѣла на него своимъ равнодушно-насмѣшливымъ взглядомъ. Это былъ лучшій матросъ своей вахты, и ему всегда приходилось крѣпить снасти; и если онъ бывало за работой затянетъ какой-нибудь припѣвъ, она тотчасъ же передразнитъ его. Онъ напоминалъ большого сердитаго пса, который всегда про себя рычитъ и на людей исподлобья смотритъ; на нее же онъ даже и взглянуть никогда не хотѣлъ; ни съ кѣмъ изъ своей вахты онъ никогда не разговаривалъ. Звали его Рослый Антонъ, но никто на всемъ суднѣ не зналъ его, ни чего-либо о немъ. Только вдругъ какими-то судьбами стали поговаривать о томъ, что записался онъ на судно будто бы именно изъ-за нея.

Она же эта, маленькая златокудрая женщина, не боялась рѣшительно никого — ни даже самого командира, и, повидимому, совершенно не считалась съ нимъ. Я полагаю, что она даже и не подозрѣвала, какимъ горящимъ пламеннымъ центромъ она являлась здѣсь на суднѣ, какою могучей силой она была въ этой томи-

тельно однообразной обстановкѣ. Она была, очевидно, изъ тѣхъ, которые не видятъ ничего дальше гладкой и ровной поверхности воды, никогда не заглядываютъ вглубь и скользятъ равнодушнымъ взглядомъ по всему, что ихъ окружаетъ. Мы же, всѣ до единаго, жадно слѣдили за каждымъ ея мимолетнымъ жестомъ и движеніемъ, говорили только о ней и всѣми силами старались вывѣдать что-нибудь о ней у Рослаго Антона, который несомнѣнно зналъ ее и кое-что изъ ея прошлаго; но это никому не удавалось.

И вотъ въ тихую свѣтлую ночь, во время томительно скучной ночной вахты, кто-то сказалъ о ней нѣчто такое, чего бы не слѣдовало говорить.

Я посмотрѣлъ въ этотъ моментъ на Рослаго Антона. Онъ какъ разъ работалъ у руля, обхвативъ одной рукой кисть другой руки,—и мнѣ показалось, что это замѣчаніе не особенно задѣло его. Съ минуту онъ какъ будто что-то обдумывалъ, затѣмъ разомъ выкинулъ впередъ свою руку такимъ неожиданнымъ порывистымъ движеніемъ, что, казалось, это не стоило ему ни малѣйшаго усилія. Но человѣкъ, которому онъ нанесъ этотъ неожиданный ударъ, разомъ свалился въ кучу, какъ прорвавшійся парусъ, и остался лежать на палубѣ безъ признаковъ жизни; всѣ мы думали, что свѣтъ навсегда выкатился у него изъ глазъ.

— Кто еще посмѣетъ? — грозно прорычалъ Рослый Антонъ.

Но желающихъ его угощенія больше не нашлось, и Рослый Антонъ стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ, безсознательно вертя и играя своимъ большимъ складнымъ ножомъ, въ то время какъ остальные лили воду на безчувственнаго товарища.

— Мертвый штиль наступаетъ,— мрачно вымолвилъ Рослый Антонъ.— Помяните мое слово, это мертвый штиль.

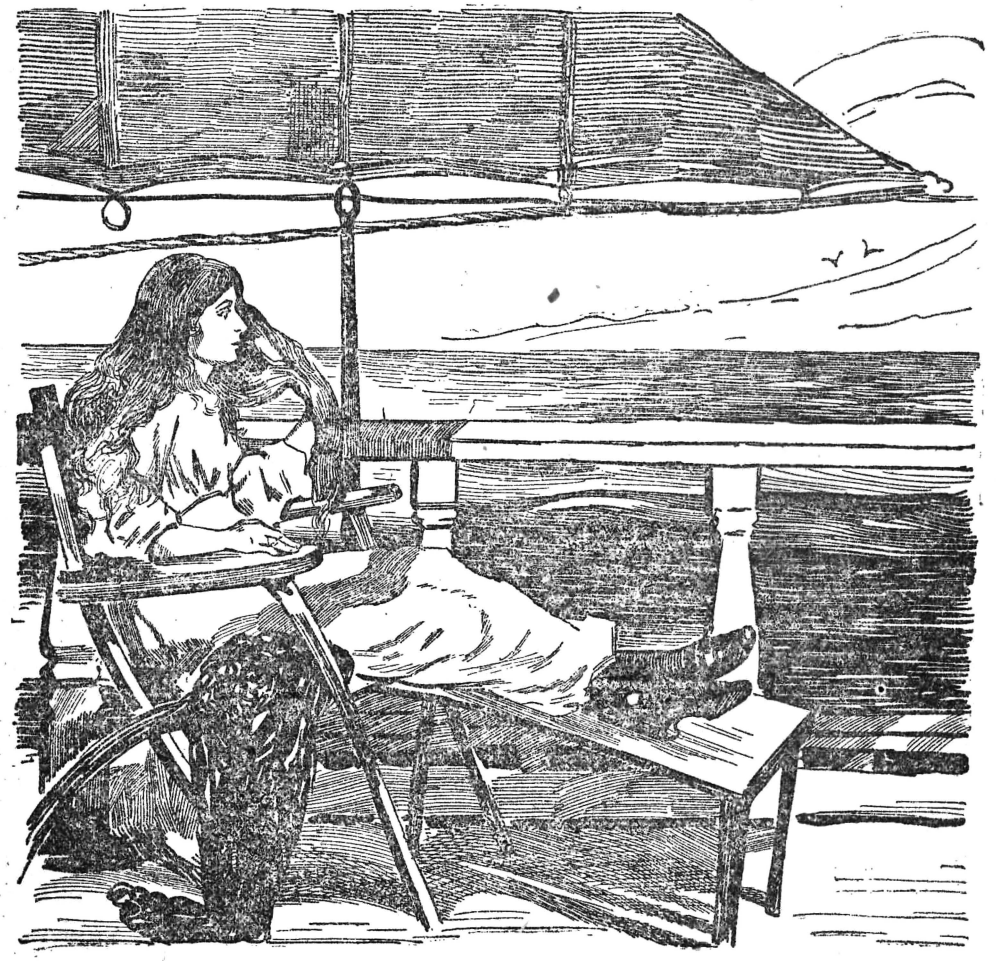
Онъ зналъ, чѣмъ это намъ грозило, и потому и въ голосѣ его, и въ словахъ слышалась какъ бы скрытая угроза.

И мертвый штиль дѣйствительно наступилъ, какъ онъ предрекалъ. Паруса безпомощно повисли на своихъ реяхъ, и кровь словно сгустилась у насъ въ жилахъ. Желѣзныя и другія металлическія части судна раскалились отъ нестерпимаго зноя; солонина въ боченкахъ начала тухнуть, вода въ бакахъ стала загнивать, а настроеніе у людей стало до того портиться, что по прошествіи недѣли у насъ на суднѣ не оставалось ни одного здороваго нерва, ни одного нормальнаго фибра. Помощникъ командира вытащилъ каменныхъ Угодниковъ и Святителей, на обязанности которыхъ лежитъ выручать моряковъ въ подобныхъ бѣдахъ и невзгодахъ; но люди тяжело принимались за молитву; никто не проявлялъ искренняго усердія, у всѣхъ какъ будто мозги отяжелѣли и языкъ не хотѣлъ ворочаться. Они какъ будто утратили даже всякій интересъ къ тому, что происходило на кормѣ.

Только одна жена командира ни въ чемъ не измѣнилась и не утратила интереса ни въ чемъ; точно мертвый штиль былъ ея родной стихіей. Она любила печься на солнцѣ, растянувшись въ складномъ парусиновомъ креслѣ, подъ тентомъ, и, словно любуясь стройными линіями своего тѣла, предавалась лѣнивой нѣгѣ, протянувъ ножки въ сторону безбрежнаго горизонта. Зрачки ея глазъ даже въ эту томительную жару были такъ же проницательны, какъ всегда, особенно когда она смотрѣла на кого-нибудь своимъ насмѣшливымъ прищуреннымъ взглядомъ. Въ ней было что-то напоминающее тигрицу или, вѣрнѣе, пантеру, что-то чисто-кошачье въ ея движеніяхъ и манерѣ, что-то вкрадчивое, нѣжащее, ласкающее и вмѣстѣ коварное. И почти весь день она проводила въ полномъ бездѣйствіи, лѣниво и разсчитанно, какъ мнѣ казалось, играя своими густыми золотыми кудрями, то приглаживая ихъ, то

стягивая ихъ къ подбородку и прикладываясь нѣжной щекой къ ихъ золотистымъ прядямъ, то разсыпая ихъ по спинѣ и плечамъ. Казалось, она была воплощеніемъ этого ужаснаго штиля.

Однажды, когда люди скребли пемзой кормовую палубу съ особымъ усердіемъ, и она долго и упорно смотрѣла на Рослаго Антона, всячески изощряя надъ нимъ свое дьявольское искусство взглядовъ, усмѣшекъ и



Она предавалась лѣнивой нѣгѣ...

Я продѣлалъ прорѣху въ моемъ наметѣ, подъ которымъ я работалъ, и сквозь эту прорѣху въ тентѣ слѣдилъ за ней всякій разъ, когда она выходила на палубу. Это занятіе настолько увлекало меня, что я пропоролъ нѣсколько прорѣхъ въ своемъ тентѣ такъ, чтобы имѣть возможность видѣть ее при любомъ ея положеніи.

ужимокъ, она, наконецъ, низко наклонилась черезъ перила верхней палубы и страннымъ шопотомъ спросила его:

— Ну что же? Ты радъ, что попалъ сюда? Скажи, ты радъ? Да?..— и голосъ ея звучалъ, какъ цѣлый хоръ сладостныхъ сдавленныхъ шопотовъ.

Среди общей давящей тишины, этотъ шопотъ ея звучалъ какъ-то странно

волнующе и дразняще, почти жутко. Но Рослый Антонъ продолжалъ молча скрести пензой палубу. А она склонялась къ нему все ниже и ниже, такъ и висѣла надъ нимъ, какъ хищный коршунъ, распустивъ, точно золотистыя крылья, свои пышные волосы, сверкавшіе золотомъ заката, подъ лучами палящаго солнца, раскрывъ алыя, какъ вишни, губы и томно полузакрывъ свои полные нѣги глаза. Но Рослый Антонъ все водилъ, да водилъ тяжелымъ кускомъ пемзы по дощатой настилкѣ палубы и даже не поднялъ ни разу на нее глазъ. Только я изъ-подъ своего тента видѣлъ, какъ рубаха, словно парусъ, натягивалась на его круто согнутой спинѣ и мѣстами прилипала къ ней.

Трудно сказать, почему командиръ такъ долго не замѣчалъ, что она знала и, повидимому, раньше была знакома съ этимъ черномазымъ парнемъ. Вообще командиръ сталъ совсѣмъ на себя непохожъ, точно намъ его подмѣнили. Онъ сталъ скрытенъ, чуждался общенія съ людьми, сталъ остороженъ и какъ-то притихъ. Теперь онъ ежедневно брился, одѣвался щегольски, точно командиръ военнаго судна, и цѣлый день разгуливалъ по мостику съ подзорной трубой въ рукахъ. Онъ и сейчасъ еще былъ грознымъ хозяиномъ у себя на суднѣ—и всѣ трепетали передъ нимъ, какъ и раньше. Но, продолжая нагонять страхъ, онъ пользовался своею властью гораздо спокойнѣе. А когда онъ смотрѣлъ на жену, его строгіе и свирѣпые глаза становились почти ласковыми; онъ опускалъ вѣки, слабо улыбался и склонялся предупредительно къ ней, если она говорила, стараясь не проронить ни слова.

Они часто подолгу играли въ пикетъ или какую-то другую карточную игру тамъ наверху, на мостикѣ, подъ верхнимъ тентомъ; и она почти всякій разъ обыгрывала его и смѣялась ласковымъ мягкимъ смѣхомъ, слегка подтрунивая надъ нимъ; онъ тоже смѣялся. Такимъ образомъ ко-

мандиръ нашелъ средство сдѣлать плаваніе не только сноснымъ, но даже, быть можетъ, и пріятнымъ для него, да и для насъ, потому что всѣ мы до единаго признавали, въ томъ числѣ и Рослый Антонъ, что это средство — присутствіе среди насъ златокудрой жены командира—дѣлало плаваніе даже при такихъ тяжелыхъ условіяхъ все же терпимымъ.

А между тѣмъ, мы все это время лежали въ дрейфѣ, подъ палящимъ зноемъ мертваго штиля. Стояла именно такая погода, въ которую люди готовы пожрать другъ друга или вцѣпиться другъ другу въ горло. Особенно же дѣйствовала эта погода, бывало, на командира; прежде онъ навѣрное расколотилъ бы головы половинѣ своей команды; но теперь онъ не сходилъ съ мостика, и люди дивились громадной перемѣнѣ, происшедшей въ немъ.

Я, бывало, цѣлыми часами представлялъ себѣ, что могло выйти изъ того, если бы командиръ вдругъ узналъ о томъ, что происходило между его женой и Рослымъ Антономъ. Предположеніе за предположеніемъ рождались у меня въ головѣ относительно того, что грозило бы въ подобномъ случаѣ Антону. Правда, онъ былъ не робкаго десятка, этотъ мрачный и рослый дѣтина, и силицей его тоже наградилъ Господь,—любыхъ трехъ изъ людей команды онъ легко могъ замѣнить въ каждой работѣ; къ тому же, онъ былъ ловокъ и увертливъ, какъ ужъ. Но командиръ нашъ, какъ я прекрасно зналъ, постоянно носилъ при себѣ оружіе.

Повидимому, и Рослый Антонъ зналъ объ этомъ. Однажды онъ остановился въ дверяхъ моей мастерской, сорвавъ съ головы свою лоснящуюся шапку, и, мрачно улыбаясь, обратился ко мнѣ:

— Эй, парусъ! Говорятъ, у тебя есть пистолетъ?

— Пистолетъ есть, но пуль къ нему нѣтъ,—сказалъ я, и при этомъ, признаюсь, былъ отъ души радъ, что у меня ихъ не было.

— Пуль нѣтъ?.. — повторилъ раздумчиво Рослый Антонъ.—Жалко!

И онъ просунулъ палецъ въ одну изъ прорѣхъ намета, подъ которымъ я работалъ, и сталъ смотрѣть тупымъ зловѣщимъ взглядомъ на испещренное свѣтовыми пятнами море, на которомъ тутъ и тамъ ослѣпительно сверкали яркіе блики солнца, точно могильные огни.

— Тамъ, въ носовой части, есть свинецъ, — сказалъ онъ немного погодя, — но нѣтъ пороха... Да, пороха нѣтъ!..—пробормоталъ онъ подъ носъ, сердито теребя себя за черную бородку. И, лѣниво волоча за собой ноги, онъ ушелъ.

Эта томительная, ничѣмъ ненарушимая тишина и палящій зной при полнѣйшемъ отсутствіи движенія, казалось, таили въ себѣ что-то недоброе. На брасахъ голосъ Антона звучалъ, какъ труба Страшнаго Суда; теперь же это было скорѣе какое-то мурлыканіе, едва уловимое, но съ несомнѣнной нотой подавленной силы и гнѣва. И вдругъ меня охватило безотчетное восхищеніе этимъ человѣкомъ; я почувствовалъ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ крупнѣе всѣхъ насъ, какъ личность, и даже крупнѣе самого командира. Онъ былъ мертвенно спокоенъ, но я сознавалъ, что этотъ человѣкъ поставилъ на карту свою жизнь и даже болѣе того—заранѣе простился съ нею, рѣшивъ пожертвовать ею за что-то для него особенно важное. Я зналъ, что все это время у Рослаго Антона была какая-то затаенная мысль, но когда насталъ этотъ мертвый штиль, мысль эта, повидимому, всецѣло овладѣла имъ.

Во время одной изъ очередныхъ вахтъ на долю Рослаго Антона выпала работа сплеснивать бегинъ-шкотъ. Разумѣется, и тутъ дѣло не обошлось безъ дьявольскихъ продѣлокъ этой златокудрой женщины,— она, по обыкновенію, была тутъ какъ тутъ. Командиръ въ это время былъ въ каютѣ, я полагаю, но я видѣлъ, какъ она осторожно передвигала свое палубное кресло все ближе и ближе къ периламъ мостика. Вскорѣ я увидѣлъ, какъ она просунула сквозь рѣшетку перилъ свою маленьку ножку до щиколодки, обтянутой чернымъ шелковымъ чулкомъ. Въ этотъ моментъ Рослый Антонъ пересталъ плеснивать свой канатъ и изо всей силы вогналъ гвоздь въ палубу, очевидно желая сорвать этимъ злобу или досаду, а затѣмъ полуперекатился, растянувшись на палубѣ, чтобы достать рукой до гвоздя. Опершись ладонью о горячія, какъ уголь, доски настилки, онъ собирался подняться на ноги—и вдругъ остановился. Я замѣтилъ, что златокудрая русалка осторожно пропустила руку сквозь перила и уронила на палубу клочокъ аккуратно сложенной бѣлой бумаги,— очевидно, записочку.

Рослый Антонъ быстро схватилъ эту бумажку и тутъ же прочелъ ее, сидя на корточкахъ, затѣмъ скомкалъ и, зажавъ въ кулакѣ, уставился глазами въ жолобъ для стока воды, у котораго виднѣлся кончикъ ея лакированной туфельки. Она стояла неподвижно у самыхъ поручней, и повидимому, безучастно смотрѣла куда-то вдаль. Наконецъ, Рослый Антонъ поднялся на ноги, сердито выдернулъ свой гвоздь изъ палубы и направился на носовую часть судна, поигрывая гвоздемъ на ходу. Солнце въ ту пору стояло въ зенитѣ, и этотъ большой гвоздь сверкалъ на солнцѣ, какъ лезвіе ножа.

Въ этотъ моментъ командиръ вышелъ наверхъ со своимъ секстантомъ и принялся расхаживать взадъ и впередъ, время отъ время устанавливая инструментъ и поглядывая на верхнія снасти. На лицѣ его была какъ бы застывшая улыбка, напоминавшая ту безсознательную, блаженную улыбку, которая иногда долго остается на лицѣ юноши, похитившаго поцѣлуй съ устъ своей возлюбленной. Странно было видѣть эту улыбку на лицѣ нашего командира, всегда столь мрачномъ, строгомъ и суровомъ. Проходя

мимо, онъ наклонился къ стеклу каютъ-компаніи и поднялъ его, при чемъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ. Она, его златокудрая супруга, была въ это время въ каютъ-компаніи и, какъ я полагалъ, вписывала въ маленькую тетрадь его вычисленія и наблюденія, которыя онъ сообщалъ ей нѣсколько нараспѣвъ.

Но вдругъ я увидѣлъ нѣчто такое, отчего у меня пробѣжали мурашки по спинѣ. Наше судно было не совсѣмъ обычной конструкціи; кромѣ кормовой рубки, у насъ была еще одна рубка посрединѣ судна, и на нее былъ перекинутъ мостикъ съ кормовой рубки, а лѣсенка бака выходила какъ разъ за этой средней рубкой. И вотъ, я увидѣлъ голову и плечи Рослаго Антона, постепенно выроставшія изъ люка. Онъ внимательно всматривался въ сторону капитанскаго мостика и кормовой рубки и затѣмъ крупнымъ, но крадущимся шагомъ сталъ пробираться по мостику, перекинутому со средней рубки. На лѣвой рукѣ у него была корзина, въ которую складывались сухари для команды, а въ правой онъ держалъ свой большой складной ножъ, раскрытый и какъ бы наготовѣ, чтобы запустить имъ въ намѣченную точку. Какъ видно, ему до-зарѣза нужны были сухари на этотъ разъ, — такъ что онъ рѣшилъ ни передъ чѣмъ не останавливаться, чтобы добыть ихъ.

Командиръ, находившійся въ этотъ моментъ за рубкой, не могъ его видѣть,—къ счастью для себя, потому что, какъ мнѣ думается, Рослый Антонъ рѣшилъ прикончить его разомъ; но, видя, что онъ можетъ безпрепятственно сойти въ каюту, онъ, очевидно, передумалъ и, остановившись въ дверяхъ капитанской каюты, медленно вложилъ свой ножъ въ старыя кожаныя ножны, висѣвшія у него на поясѣ.

Въ слѣдующій моментъ Рослый Антонъ спустился въ каюту, и въ то же время командиръ выкрикнулъ свое наблюденіе.

Я слышалъ, какъ онъ приказалъ немного ослабить паруса, а рулевому взять правый гальсъ, и послѣ того скрылся за рубкой.

Меня что-то подмывало; я не могъ усидѣть на мѣстѣ; отрѣзавъ лоскутъ парусины, я пошелъ съ нимъ на корму, гдѣ замѣтилъ небольшую прорѣху въ тэнтѣ, которую рѣшилъ теперь заплатать. Взобравшись на поручни, а оттуда на крюсъ-марсъ-стенгу, я сталъ слѣдить за командиромъ. Обыкновенно онъ никогда въ это время не давалъ себѣ труда заглядывать въ каюту, а выкрикивалъ свои наблюденія, не отрывая глазъ отъ горизонта; но возможно было, что на этотъ разъ онъ вздумаетъ заглянуть.

И, дѣйствительно, онъ это сдѣлалъ. Онъ посмотрѣлъ въ каюту и не мелькомъ, а основательно, положивъ секстантъ на нактоузъ (деревянный ящикъ, въ которомъ помѣщается компасъ), оперся своей костлявой рукой на раму свѣтового стекла въ потолкѣ каюты и сталъ смотрѣть внизъ. Онъ не сказалъ ни слова, но его блѣдно-сѣрые застывшіе глаза раскрывались все шире и шире, и я видѣлъ, какъ его длинная тонкая спина, какъ будто, стягивалась къ плечамъ, образуя нѣчто въ родѣ горба, словно у водяной птицы, собирающейся нырнуть. Я ожидалъ, что онъ вотъ-отъ проскочитъ сквозь стекло прямо въ каюту.

Но ничего подобнаго не случилось. Во всей его позѣ было нѣчто почти комичное, что дѣлало ее тѣмъ болѣе жуткой. Я не могъ видѣть того, что что онъ видѣлъ, и никогда и послѣ не узналъ, что именно онъ видѣлъ въ эту минуту, хотя я висѣлъ такъ близко надъ его головой, что ясно видѣлъ, какъ его энергичный, почти квадратный подбородокъ нѣсколько разъ судорожно подернулся, отражаясь на стеклѣ каюты, но сквозь стекло внизъ мнѣ не было видно.

Первымъ его движеніемъ было опустить руку въ карманъ и нащупать въ немъ своими длинными костлявыми пальцами неразлучный съ нимъ ре-

вольверъ. Затѣмъ онъ наклонился еще ниже, а я, затаилъ дыханіе и проткнувъ иглу на половину въ заплату, такъ и замеръ въ этомъ положеніи. Я чувствовалъ, что, если онъ не сдѣлаетъ сейчасъ же какого-нибудь рѣшительнаго шага, я не выдержу дольше этого напряженія и закричу. Но онъ не выстрѣлилъ, а осторожно отодвинулся отъ стекла, и безсильно опустилъ руку вдоль ноги.

— Ударьте восемь склянокъ, мистеръ,—обратился онъ къ помощнику, и затѣмъ не торопясь отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону, беззвучно шевеля губами и глядя куда-то вдаль на сверкавшее, словно позолоченное море. Ни малѣйшаго признака вѣтра нигдѣ кругомъ, словно и море и небо застыли въ раскаленномъ воздухѣ.

Вотъ, наконецъ, вышелъ на палубу рослый Антонъ съ корзиной, доверха полной сухарей, и направился къ баку. Дойдя до рубки, онъ поставилъ свою корзину на рубку и со всей силой запустилъ свой ножъ въ гротъ-мачту. Ножъ вонзился въ нее, какъ пуля, и Рослый Антонъ медленнымъ тяжелымъ шагомъ подошелъ къ гротъ-мачтѣ и выдернулъ изъ нея ножъ не спѣша, а какъ бы раздумывая о чемъ-то. Въ это время старикъ помощникъ капитана отбилъ восемь склянокъ и пошелъ внизъ, а командиръ стоялъ на мостикѣ и подвинчивалъ винтъ у своего секстана.

Это было необычное на суднѣ дѣло. Тутъ не было ничего похожаго на бунтъ или возмущеніе. Рослый Антонъ ни словомъ, ни взглядомъ не пытался взбунтовать команду или возстановить ее противъ командира. Онъ вовсе не говорилъ ни съ кѣмъ изъ людей—онъ рѣшилъ все уладить самъ по себѣ, безъ всякаго вмѣшательства. И, хотя онъ никому не сказалъ ни слова, всѣ мы чувствовали, что смерть носится въ воздухѣ. Люди всѣ до единаго испытывали въ присутствіи Рослаго Антона невольный ужасъ, какъ будто онъ уже совершилъ то страшное дѣло, которое онъ задумалъ. Они только сторонились его, но онъ отлично зналъ, что это значитъ. Онъ рѣшилъ, что это будетъ его послѣднее плаваніе, и по всему было видно, что ему оставалось жить лишь столько, сколько нужно было, чтобы совершить задуманное дѣло. Трудно повѣрить, чтобы человѣкъ такъ спокойно поставилъ свою жизнь на карту, но на этотъ разъ это было дѣйствительно такъ. А, между тѣмъ, шансы были всѣ противъ него, и онъ это зналъ.

Это былъ самый долгій день, какой я запомню во всей своей жизни. Казалось, ему никогда не будетъ конца.

А ночь была еще невыносимѣе, чѣмъ этотъ томительно длинный день. Луна, какъ сейчасъ, расплывалась въ блѣдномъ туманномъ сіяніи, на усѣянномъ звѣздами небѣ; вахтенные разбрелись по палубѣ около рубокъ. Выглянувъ изъ своего оконца, я могъ видѣть, какъ парусъ слегка надувался, напухалъ и колыхался на бизанѣ при плавномъ подъемѣ прилива.

Будучи мастеровымъ человѣкомъ, а не рядовымъ матросомъ, я не спалъ на бакѣ, въ общей казармѣ, а подвѣсилъ свою койку въ парусной мастерской. Это помѣщеніе было тѣсное и душное до невозможности, заваленное сверху до низу громадными штуками парусины, мотками нитокъ, рамами и всякими принадлежностями парусной мастерской. Но зато я имѣлъ свое отдѣльное помѣщеніе и чувствовалъ себя бариномъ.

Въ эту ночь я долго ворочался съ бока на бокъ на койкѣ, строя всевозможныя предположенія, останавливаясь съ беззастѣнчивостью юности, на всевозможныхъ нескромныхъ догадкахъ, невольно напрашивавшихся при мыслѣ о златокудрой сиренѣ въ капитанской каютѣ.

Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то впился мнѣ пальцами въ плечо, и даже во снѣ, я былъ убѣжденъ, что то былъ командиръ. Онъ снился мнѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда

онъ меня разбудилъ. Я вскочилъ, но онъ тотчасъ же судорожнымъ движеніемъ руки зажалъ мнѣ ротъ и принудилъ меня снова откинуться на подушку. Свѣтъ луны, проникая черезъ окно, падалъ прямо ему на лицо, и, взглянувъ на это лицо, я понялъ, что мнѣ слѣдовало молчать. Его холодные блѣдные глаза надъ прямыми блѣдными вѣками, свѣтились внутреннимъ холоднымъ огнемъ, напоминавшимъ фосфорическій блескъ змѣиныхъ глазъ. Эти глаза загипнотизировали меня такъ, что ему не было надобности зажимать мнѣ ротъ. Я не въ состояніи былъ вымолвить ни слова, даже если бы и хотѣлъ.

— Ни звука! — приказалъ онъ. — Захвати свертокъ парусины, иглу и иди за мной на корму.

Тогда я понялъ, что тамъ произошло. Никогда, во всей своей жизни, не переживалъ я болѣе жуткаго момента, чѣмъ въ эти нѣсколько минутъ, когда я, словно во снѣ, на-ощупь разыскивалъ небольшой свертокъ парусины, а эти страшные леденящіе душу глаза командира, словно вампиры, впивались въ меня. Его длинная, тощая фигура склонялась надо мной, покуда я отыскивалъ то, что мнѣ было нужно.

Когда я поднялся на ноги, забравъ все необходимое, онъ пробормоталъ что-то въ родѣ: «Возьми себя въ руки!», произнесенное пренебрежительно досадливымъ тономъ, и пошелъ впередъ.

Я слѣдовалъ за нимъ, волоча за собой парусину, и мысленно спрашивалъ себя: что если намъ сейчасъ встрѣтится Рослый Антонъ? Сейчасъ онъ долженъ былъ стоять на вахтѣ— и едва ли можно было расчитывать, что онъ не догадается, что должно означать мое появленіе со сверткомъ парусины на кормѣ, въ такое время ночи.

Мы шли молча среди этой удушливо жаркой, совершенно безвѣтренной атмосферы, общаго безмолвія и тишины ночи.

Я издали увидѣлъ Рослаго Антона, стоявшаго неподвижно въ тѣни отъ тэнта, облокотясь на кабестанъ, въ глубокомъ раздумьѣ. Командиръ направился къ лѣвой лѣсенкѣ, но когда онъ поровнялся съ правымъ кабестаномъ, Рослый Антонъ вдругъ подался впередъ быстрымъ порывистымъ движеніемъ, и въ рукѣ его сверкнулъ ножъ. Однако, командиръ успѣлъ уже вскочить на лѣстницу съ проворствомъ и ловкостью паука, и ножъ, пущенный въ него изо всей силы, прорѣзавъ темноту ночи, полетѣлъ въ море. Рослый Антонъ смѣло вышелъ на свѣтъ, какъ бы кидая вызовъ смерти, но командиръ выхватившій уже свой револьверъ, спокойно положилъ его обратно въ карманъ.

— Еще успѣется, — пробормоталъ онъ, и, схвативъ меня за руку повыше локтя, втолкнулъ меня въ дверь штурманской рубки.

Затѣмъ онъ заперъ на ключъ обѣ двери, правую и лѣвую, и снялъ съ потолка подвѣшенный тамъ глухой фонарь.

— Иди впередъ! Въ правую каюту,—сказалъ онъ.

Въ этотъ моментъ пробили шесть склянокъ, пробили какъ-то торопливо, и съ бака послышались отвѣтные удары надтреснутаго бокового колокола. А вслѣдъ затѣмъ, я явственно разслышалъ протяжный и пѣвучій крикъ марсового дозорнаго.

— Все спо...кой...но!

Крикъ этотъ замеръ безъ отзвука въ мертвенно неподвижномъ воздухѣ, словно порвался придушенный чѣмъ-то мягкимъ.

Мы вошли въ каюту; окно ея было заткнуто какимъ-то журналомъ или книгой, и пока онъ входилъ и запиралъ и замыкалъ за собою дверь, въ каютѣ было совершенно темно. Когда онъ отошелъ отъ двери, я слышалъ, какъ онъ вздохнулъ тяжело, глубоко и протяжно, мучительно протяжно сквозь плотно стиснутые зубы, и затѣмъ поставилъ свой глухой фонарь на диванъ.

Она лежала съ широко раскрытыми глазами и правая рука ея, обнаженная до плеча, свѣсилась съ края постели; ея золотистыя волосы, которыми она такъ любила играть по цѣлымъ часамъ, были распущены и разсыпались по плечамъ и по подушкѣ. Она лежала вытянувшись, красиво и томно, почти совершенно въ той позѣ, въ какой всѣ мы сотни разъ видѣли ее на палубѣ въ ея парусиновомъ креслѣ. Почти, но не совсѣмъ: теперь она была мертва...

Я не знаю, что онъ съ нею сдѣлалъ, но она была совершенно мертва; никакихъ знаковъ насилія или борьбы не было видно ни на ней, ни въ каютѣ. Мнѣ стало жутко отъ сознанія, что она мертва, и я стоялъ и смотрѣлъ, не двигаясь съ мѣста, не шевелясь, совершенно окаменѣвшій съ глазами, неподвижно устремленными на ея бѣлую обнаженную руку, свѣсившуюся съ края постели, на слегка вздернутую верхнюю губу и смотрѣвшія въ пространство, широко раскрытые глаза. И то, что я видѣлъ, казалось мнѣ невѣроятнымъ; я никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что она мертва— что передо мной трупъ. Я не могу сказать, чтобы я испытывалъ страхъ или ужасъ, нѣтъ, но я чувствовалъ, что мнѣ давило горло, точно спазма, невыразимо острое чувство жалости. Я стоялъ и глоталъ слюну—или слезы, подступившія къ горлу, не знаю... И вдругъ у меня явилось такое чувство, будто эта женщина была моя близкая, родная, любимая, и словно это мое волненіе и жалость раскрывали передъ ней, даже мертвой, всю мою душу.

— Принимайся за работу!—строго, но спокойно и повелительно промолвилъ командиръ, взявъ меня за локоть своими цѣпкими, какъ желѣзныя клещи, пальцами, и толкнувъ меня впередъ.

— Я никогда не дѣлалъ этого дѣла раньше,—сказалъ я почти шопотомъ.

Я весь горѣлъ отъ какого-то страннаго, необъяснимаго волненія. Я смотрѣлъ на нее и не могъ себя увѣрить въ томъ, что она мертва. Но въ слѣдующій моментъ я пришелъ въ себя, почувствовавъ желѣзныя тиски его пальцевъ, снова впивавшіеся въ мою руку; я сдѣлалъ нѣсколько торопливыхъ порывистыхъ движеній, развернулъ свою штуку парусины, надѣлъ наперстокъ и сталъ вдѣвать нитку въ иглу. Но когда я собирался прикоснуться къ ней, командиръ грубо отстранилъ меня, и самъ наклонился надъ ней. Мнѣ показалось, что я уловилъ слабое движеніе ея длинныхъ шелковистыхъ рѣсницъ; но, нѣтъ,— онѣ шелохнулись отъ его дыханія. Онъ тяжело дышалъ, и потъ крупными каплями выступалъ у него на лбу. Онъ долго держалъ фонарь передъ самымъ ея лицомъ, и свѣтъ его падалъ такъ рѣзко, что была минута, когда мнѣ показалось, будто оно вдругъ еще больше поблѣднѣло, и стало еще болѣе мертвенно спокойнымъ. Его черты оставались попрежнему окаменѣлыми, какъ и всегда. Въ нихъ не было видно ни его страшной душевной муки, ни сожалѣнія, ни угрызеній совѣсти?

Наконецъ, онъ приподнялъ ее, бережно, почти любовно, а я обернулъ ее парусиной.

Не могу сказать, сколько времени прошло пока мы положили обратно на кровать этотъ сѣрый парусиновый тюкъ, а также не могу припомнить какого рода мысли проносились у меня въ головѣ въ то время, какъ я сшивалъ парусину. Я едва сознавалъ, что дѣлаю, и механически прогонялъ иглу сквозь парусину. Когда я кончилъ, командиръ коротко приказалъ:

— Ну, а теперь иди въ свою мастерскую и ложись спать.—Онъ не просилъ и не приказывалъ мнѣ молчать и не грозилъ мнѣ ничѣмъ.

Едва передвигая ноги, я поднялся по лѣстницѣ каютъ-кампаніи на палубу. Здѣсь ничего не измѣнилось. Все попрежнему мертвенно тихо и неподвижно; паруса также висѣли безсильно вдоль рей и мачтъ. Кру-

гомъ стояла та же удушливая жара безвѣтренной тропической ночи, словно надъ міромъ тянулось гнетущее, мертвое междувременье, продлившееся до безконечности. Это мертвый штиль породилъ и вызвалъ всю эту страшную драму. Это чувствовалось всѣми; смерть какъ будто носилась въ воздухѣ и подстерегала свои жертвы. Въ бурную погоду ничего подобнаго никогда бы не могло случиться.

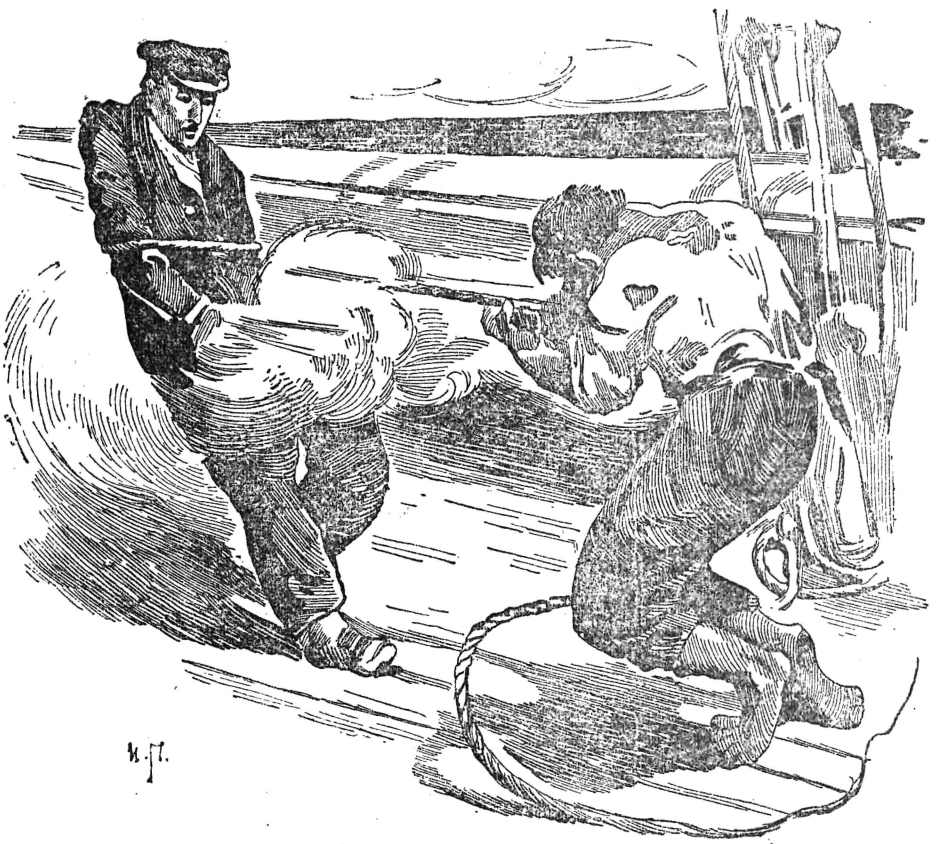
На другой день, ровно въ полдень, мы опустили ее въ море, и она осталась позади, настолько позади, насколько теченіе могло отнести наше судно въ это ужасное затишье. Командиръ взялъ у эконома библію, и, стоя надъ ней, читалъ стихъ за стихомъ голосомъ ровнымъ, какъ корабельный киль, сильнымъ, увѣреннымъ и спокойнымъ. Онъ былъ поистинѣ хозяиномъ на всемъ этомъ обширномъ горизонтѣ; здѣсь онъ былъ и обвинитель, и судья и вершитель своего приговора. Онъ стоялъ на глазахъ у всѣхъ, и читалъ стихъ за стихомъ изъ священнаго писанія благоговѣйно и проникновенно. И хотя не было на суднѣ ни одного человѣка, который не зналъ бы, что онъ убилъ ее, не зналъ этого такъ же вѣрно, какъ зналъ я,—всѣ мы стояли чинно вокругъ безъ шапокъ и слушали его съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ слушали бы всякую другую церковную службу. Когда ему встрѣчались мѣста, говорившія о томъ, что мертвые не возвращаются или, что Господь воздастъ каждому по дѣламъ его, или, вообще, упоминавшія о томъ, что могло относиться и къ его поступку, голосъ его ни разу не дрогнулъ, и онъ ни разу не замялся и ничѣмъ не проявилъ волненія или смущенія. И это не было лицемѣріемъ; ему не было надобности скрывать что-нибудь: все было ясно для всѣхъ,—онъ это зналъ. А теперь онъ исполнялъ тотъ послѣдній долгъ, который исполняютъ всѣ люди, молясь о душѣ усопшаго,—моряки съ особеннымъ усердіемъ. Онъ напутствовалъ ее, какъ напутствовалъ бы каждаго изъ насъ, умершаго въ морѣ. Глаза его были устремлены на сѣрый тюкъ, зашитый въ парусину, неподвижно лежавшій на желтой доскѣ, но руки человѣка, державшаго конецъ этой доски, дрожали, словно отъ непомѣрнаго напряженія, словно на ней лежалъ громадный грузъ, подъ тяжестью котораго слабѣли его члены—и самъ онъ отворачивалъ свое лицо отъ этого сѣраго тюка, будто смотрѣть на него у него не хватало духа.

А человѣкъ, которому досталось держать эту доску, былъ Рослый Антонъ. И пока командиръ читалъ, звучно и нараспѣвъ, какъ настоящій священнослужитель всѣ, какъ будто затихли и замерли; слышалось только тяжелое дыханіе, видѣлись смущенные и безмолвно сочувственные лица людей, дививших ся этой нечеловѣческой силѣ въ одинокой борьбѣ гордой души со всѣмъ окружающимъ и со всѣмъ, что бушевало въ ней самой. Командиръ читалъ мѣрно, не останавливаясь, но каждый разъ, когда онъ дочитывалъ стихъ, онъ поднималъ глаза на Рослаго Антона, какъ бы желая этимъ подчеркнуть, что онъ читаетъ, главнымъ образомъ, для его вразумленія.

Подъ конецъ чтенія Антонъ смѣнился съ кѣмъ-то и, передавъ конецъ доски другому, отошелъ въ сторону. Онъ стоялъ у бизань-мачты, прислонившись къ ней довольно небрежно, и, какъ видно, мало думалъ о молитвѣ. Онъ, повидимому, безцѣльно игралъ канатомъ, и все же мнѣ приходило на мысль, что онъ это дѣлалъ не спроста. Мнѣ казалось удивительнымъ, чтобы этотъ человѣкъ такъ разомъ выдохся, и, запустивъ свой ножъ въ командира безуспѣшно, вдругъ покорился и смирился передъ этимъ сильнымъ и жестокимъ человѣкомъ.

Но онъ не выдохся! Заноза еще сидѣла въ его душѣ, и когда тѣло опустили въ море, я видѣлъ, какъ онъ присѣлъ на корточки, поднялъ и снялъ канатъ съ брасшпиля—и почти

въ тотъ же моментъ громадная, тяжелая петля пролетѣла въ воздухѣ, обхватила плечи командира и сползла ниже, прикрутивъ ему руки къ туловищу. Затянувъ петлю какъ можно туже, Рослый Антонъ сталъ шагъ за шагомъ, перебирая канатъ рука за руку, приближаться къ командиру. канатъ натянулся, какъ струна, онъ выстрѣлилъ два раза. Куртка на немъ загорѣлась, но при второмъ выстрѣлѣ Рослый Антонъ клюнулся впередъ и упалъ лицомъ внизъ на палубу, при чемъ разомъ ослабѣвшій въ его рукахъ канатъ не могъ сдержать тяжести человѣка,—и командиръ груз-



Капитанъ выстрѣлилъ два раза...

Всѣ присутствующіе словно окаменѣли и стояли, не трогаясь съ мѣста. У Антона глаза горѣли безумнымъ восторгомъ торжества побѣды—торжества удовлетворенной, затаенной мести. Лицо его свѣтилось радостной надеждой. Но командиръ съ притятянутыми къ бокамъ руками сумѣлъ засунуть ихъ въ карманы и, не вынимая ихъ, выстрѣлить. Откинувшись всѣмъ корпусомъ назадъ, такъ что но полетѣлъ въ жолобъ для стока воды.

И этимъ все кончилось. Командиръ, еще разъ доказалъ намъ свое всемогущество и свою громадную власть не только надъ людьми, но и надъ собой и даже надъ смертельной опасностью—и всю силу своего убійственнаго хладнокровія, своей выдержки.

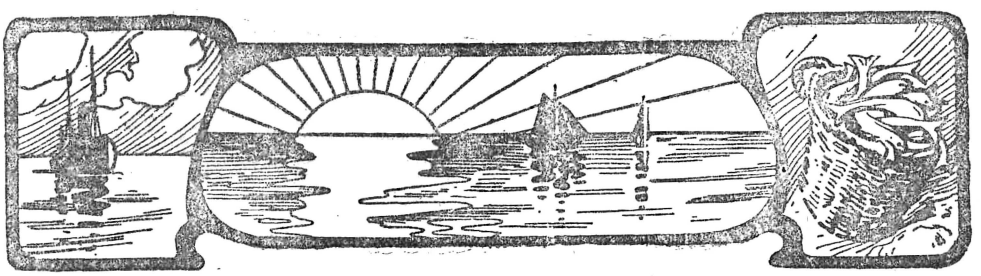
Мертвая тишина царила на суднѣ и на морѣ, и даже въ то время, когда

среди людей проявились насиліе и смерть, это мертвое море и воздухъ оставались попрежнему спокойны.

Такова была роковая развязка этой страшной исторіи: этотъ послѣдній выстрѣлъ и Рослый Антонъ, упавшій скрючившись лицомъ внизъ. Но во всемъ этомъ былъ какъ бы слабый отблескъ ироніи судьбы. Командира высвободили изъ петли; онъ всталъ и, облокотясь на перила штирборта, сталъ внимательно глядѣть вдаль. Во всякое время этому человѣку страшно было заглянуть въ глаза, но теперь это было почти невыносимо,—до того страненъ и ужасенъ былъ его взглядъ. Я издали видѣлъ его длинную тощую фигуру, согнувшуюся надъ поручнями и уставлявшуюся на далекій горизонтъ. Куртка на немъ еще слегка курилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее прожегъ выстрѣлами. Кругомъ стояла та же неподвижная удушливая жара, какъ и до сихъ поръ, и такъ же сонливо плескалась о бортъ вода, когда судно слегка покачивалось и паруса полоскались, безпомощно повиснувъ, какъ подбитыя крылья птицы.

И вдругъ, сквозь эту томительную, нестерпимую жару, сквозь эту мутно-желтую завѣсу мертваго штиля, мой взглядъ уловилъ что-то необъяснимое—какую-то темноватую, какъ будто, прохладную точку или, вѣрнѣе, пятно, на самомъ краю горизонта. Но командиръ еще раньше меня увидѣлъ это. Бодро выпрямившись, принявъ нѣсколько натянутую и торжественную позу, онъ, потирая свои бѣлыя костлявыя руки одна о другую, обратился къ помощнику своимъ обычнымъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, который въ этой мертвой тишинѣ прозвучалъ, какъ удары молота по наковальнѣ:

— Прикажите готовить паруса, мистеръ; начинаетъ свѣжѣть. Вѣтеръ съ кормы...



КТО ОНЪ?

Разсказъ МЕРЖОРИ БАУЭНЪ.

У ОКРАИНЫ дороги показался разбойникъ, скрывавшійся до сихъ поръ въ кустахъ дикаго терна, на вѣтвяхъ котораго тамъ и сямъ между колючками желтѣли нѣжные цвѣточки.

Грубое, отталкивающее лицо его, обезображенное безпутной жизнью и частыми драками, было искажено злобой; онъ поднялъ пистолетъ и быстрымъ взглядомъ окинулъ дорогу, которая въ этомъ мѣстѣ расходилась на-двое: одна изъ нихъ—вверхъ по скату горы на Лондонъ, другая, пониже, шла на Портсмутъ.

На верхушкѣ горы, рѣзко выдѣляясь на фонѣ сѣраго осенняго неба, стояла висѣлица. На ней висѣлъ скелетъ въ цѣпяхъ. Когда глаза разбойника поднялись вверхъ и увидѣли висѣлицу, они ни на секунду не остановились на ней и нисколько не измѣнили своего выраженія. Разбойникъ привыкъ къ такимъ зрѣлищамъ и слишкомъ хорошо зналъ, чѣмъ кончится его жизненное поприще, а потому не считалъ нужнымъ безпокоиться изъ-за страшнаго скелета, висѣвшаго на горѣ. А между тѣмъ годъ тому назадъ кости эти были покрыты мясомъ, тѣломъ и кровью, онѣ были живымъ человѣкомъ, который подобно ему сидѣлъ въ засадѣ у окраины «Чертовой Чаши» и жадно высматривалъ, не покажется ли на дорогѣ какой-нибудь путникъ, ѣдущій въ Лондонъ.

Весь Френдхидъ, а главнымъ образомъ уединенная часть дороги, шедшей вокругъ котловины, извѣстной подъ названіемъ «Чортовой Чаши», пользовался скверной репутаціей, а потому не доставлялъ прибыльной охоты разбойникамъ и грабителямъ большихъ дорогъ. Изъ Портсмута въ Лондонъ отправлялись обыкновенно большими партіями, причемъ всѣ были вооружены съ головы до ногъ; немногіе проѣзжали здѣсь ночью, а еще меньше въ одиночку.

Вотъ о чемъ думалъ разбойникъ, стоя у окраины котловины и всматриваясь въ пыльную дорогу. Предосторожности, принимаемыя путешественниками, сдѣлали и безъ того уже опасную и тревожную жизнь его еще болѣе опасной и тревожной. Немногіе, однако, разбойники бѣжали изъ этихъ мѣстъ, гдѣ все же можно было хорошо спрятаться и время отъ времени получить кое-какой барышъ отъ бѣдныхъ матросовъ, путешествующихъ пѣшкомъ съ небольшимъ запасомъ чужеземныхъ диковинокъ, и отъ робкихъ, безпомощныхъ и одинокихъ крестьянъ. И сколько такихъ путниковъ не дошло до мѣста, закончивъ свое путешествіе у окраины «Чортовой Чаши», сколько на скорую руку выкопанныхъ могилъ скрывалось среди этой густой чащи дикихъ терновниковъ!

Человѣкъ въ истрепанной одеждѣ стоялъ одинъ въ этотъ поздній осенній вечеръ и припоминалъ, гдѣ онъ истратилъ свои гинеи на вино, гдѣ проигралъ въ карты свою пятифунтовую монету. Онъ проклиналъ себя, думая объ этомъ, и еще крѣпче сжималъ въ рукахъ пистолетъ. Онъ не собирался убивать, но его настроеніе духа могло толкнуть его къ убійству.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ находился Портсмутъ, и лицо его исказилось отъ нетерпѣнія и стало походить на лицо злой дворовой собаки. Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Чернаго Гарри», благодаря смуглому цвѣту лица, которое сдѣлалось теперь бронзовымъ отъ вѣтра и загара.

Нигдѣ и никого не было видно.

Черный Гарри вытащилъ изъ кармана рванаго камзола краденые часы и посмотрѣлъ на нихъ.

Было около четырехъ часовъ—время проѣзда лондонскаго дилижанса, пассажиры котораго были всегда вооружены и сопровождались конвоемъ. Добычи здѣсь не предвидѣлось для Чернаго Гарри. Онъ ждалъ другой жертвы.

Добрый пріятель его, хозяинъ таверны «Лачуга», сообщилъ ему о прибытіи богатаго и беззаботнаго чужестранца, который высадился въ Портсмутѣ, возвращаясь домой послѣ многихъ лѣтъ пребыванія за границей.

Джентльменъ этотъ привезъ, говорятъ, много цѣнностей и золота; у него не было слуги, онъ путешествовалъ одинъ, верхомъ на лошади, ибо терпѣть не могъ медлительности и тряски дилижанса. Сегодня онъ собирался отправиться въ Лондонъ.

Черный Гарри даже причмокнулъ губами, когда услышалъ о такой добычѣ, но послѣднее время онъ потерялъ вѣру въ свое счастье. Ему казалось, что у намѣченной имъ жертвы не хватитъ мужества въ послѣднюю минуту, и онъ возьметъ мѣсто въ дилижансѣ или поѣдетъ въ сопровожденіи конвоя и по другому пути.

Въ то время, какъ онъ раздумывалъ объ этомъ, изъ-за поворота дороги показался дилижансъ. Черный Гарри мгновенно отскочилъ обратно въ кусты и сидѣлъ тамъ, притаившись, до тѣхъ поръ, пока тяжелый дилижансъ, нагруженный пассажирами и багажемъ и ѣхавшій въ сопровожденіи вооруженной стражи, не поднялся на гору.

Не успѣлъ онъ скрыться изъ виду, какъ Черный Гарри снова занялъ свой наблюдательный постъ, устремивъ зоркій, внимательный взглядъ на дорогу.

Вдругъ онъ вздохнулъ съ видимымъ чувствомъ облегченія и удовлетворенія и, вынувъ изъ кармана грязный, засаленный кусокъ чернаго крепа, въ которомъ были вырѣзаны двѣ дыры для глазъ, надѣлъ его на лицо и завязалъ сзади. Надвинувъ затѣмъ на глаза шляпу, онъ сѣлъ въ засаду позади верстового столба, указывающаго разстояніе до Лондона.

Проницательные, опытные глаза его замѣтили всадника, подъѣзжавшаго къ тому мѣсту, гдѣ дороги раздѣлялась на-двое.

Черный Гарри ждалъ терпѣливо; тѣло его было неподвижно, но умъ работалъ дѣятельно. На этотъ разъ онъ замышлялъ даже убійство; если путникъ будетъ сопротивляться и звать на помощь, Черный Гарри рѣшилъ пристукнуть его по головѣ или всадить въ него пулю. Въ то время, какъ онъ раздумывалъ, какой способъ будетъ проще и безопаснѣе, всадникъ, обратившій вниманіе на пустынное мѣстоположеніе, пришпорилъ лошадь въ надеждѣ догнать дилижансъ и скоро поровнялся съ верстовымъ столбомъ.

Черный Гарри съ быстротою юности выскочилъ изъ засады и навелъ пистолетъ на всадника

— Спѣшивайся!—крикнулъ, онъ и глаза его съ алчностью устремились на туго набитый чемоданъ, привязанный позади сѣдла.—Спѣшивайся!—съ проклятіемъ повторилъ онъ

— Съ ума вы сошли?— сердито воскликнулъ всадникъ. — Что вамъ нужно?

И съ этими словами онъ спустился на землю.

Черный Гарри сразу пришелъ въ хорошее настроеніе духа при видѣ такой легкой побѣды.

— Съ ума собственно сошли вы,— отвѣчалъ онъ,— если рѣшились ѣхать

безъ провожатаго по окраинѣ «Чортовой Чаши».

Всадникъ пожалъ плечами.

— Я хотѣлъ выѣхать вмѣстѣ съ дилижансомъ,—отвѣчалъ онъ,—но запоздалъ. Мнѣ же сказали, что дорога здѣсь вполнѣ безопасная.

— Сказали? — повторилъ Черный Гарри.

Онъ продолжалъ держать пистолетъ наготовѣ и пристально всматривался въ свою жертву. Передъ нимъ стоялъ молодой человѣкъ весьма пріятной наружности, въ рыжеватомъ парикѣ и простомъ, но изящномъ костюмѣ изъ голубовато-стального сукна; украшенія на костюмѣ были весьма цѣнныя: галстухъ придерживался булавкой съ крупнымъ жемчугомъ, а приподнятый бортъ шляпы—пряжкой изъ самоцвѣтнаго камня. Цвѣтъ лица у него былъ смуглый, глаза черные.

Черный Гарри смотрѣлъ, и ему показалось, что онъ видѣлъ его раньше, но гдѣ—не могъ припомнить; вѣроятно въ Лондонѣ, въ тѣ лучшіе дни. Пристальный взглядъ его вывелъ молодого человѣка изъ терпѣнія.

— Что вамъ, наконецъ, нужно?— спросилъ онъ надменнымъ тономъ.

— Расхрабрился пастушокъ, расхрабрился,—воскликнулъ Черный Гарри.—Что мнѣ нужно? Все, что у васъ есть и вдобавокъ благодарность за то, что я до сихъ поръ не перерѣзалъ вамъ горло и не отправилъ васъ въ тѣ вотъ кусты, гдѣ покоятся люди не хуже васъ.

Путникъ поблѣднѣлъ при этихъ словахъ, но ничѣмъ больше не выдалъ своей тревоги.

— Вы порядочный наглецъ,—сказалъ онъ, поглядывая на дорогу.

Черный Гарри подумалъ, что онъ хочетъ крикнуть кого-нибудь къ себѣ на помощь, и приставилъ ему ко лбу дуло пистолета.

— При первомъ же крикѣ пристрѣлю!—сказалъ онъ.

Глаза путника сверкнули зловѣщимъ огонькомъ, и лицо его приняло выраженіе, сдѣлавшее его еще болѣе знакомымъ Черному Гарри. Путникъ протянулъ руку къ поясу, за которымъ у него торчалъ собственный пистолетъ, но тутъ же опустилъ ее и, пожавъ плечами, громко расхохотался.

— Вы выиграли игру, — сказалъ онъ.—Берите все, я долженъ поплатиться за свое безуміе Я такъ долго пробылъ за границей, что забылъ обычаи Англіи.

Съ угрюмымъ видомъ, но довольно спокойно, вынулъ онъ часы, карманную книжку, кошелекъ и цѣпочку, снялъ шляпу съ головы и отстегнулъ пряжку.

Черный Гарри съ выраженіемъ величайшаго удовольствія наблюдалъ за нимъ.

— Долго пробыли за границей?— спросилъ онъ.—Странно! А мнѣ кажется, я гдѣ-то видѣлъ ваше лицо.

— Врядъ ли, мой другъ!—отвѣчалъ путникъ, снимая булавку съ галстуха.—Я уѣхалъ изъ этой страны, когда былъ мальчикомъ, и высадился въ Портсмутѣ третьяго дня.

— Возвращаетесь домой? — спросилъ Черный Гарри.

— Домой!—повторилъ путникъ, и въ голосѣ его прозвучало что-то странное.—Какое вамъ дѣло до этого?

— А можетъ быть, и есть дѣло,— отвѣчалъ Черный Гарри.—Будьте вѣжливы со мной, и я дамъ вамъ пропускъ до самаго Лондона.

— Знатная сдѣлка! — насмѣшливо сказалъ путникъ.

— Могло быть и похуже. Мнѣ знакомо ваше лицо, и я хочу знать, кто вы такой.

Путникъ съ любопытствомъ взглянулъ на него.

— Меня зовутъ Эдуардъ Сомервилль, — отвѣчалъ онъ. — Я пріѣхалъ изъ Ямайки, гдѣ я скопилъ... скопилъ немного денегъ. Я намѣренъ поселиться въ Старомъ Свѣтѣ. У меня есть кусочекъ земли въ Кентѣ, завѣщанный мнѣ моимъ родственникомъ.

— Кентъ? Я самъ изъ Кента. Есть тамъ родственники?

— Нѣтъ.

— Гдѣ находится ваша земля?

— Вблизи Райя, на границѣ Суссекса.

— Не помню никакихъ Соммервилей,—сказалъ Черный Гарри, отвязывая чемоданъ и снимая его съ сѣдла,— а между тѣмъ я хорошо знаю всѣхъ, кто тамъ живетъ. Много разъ игрывалъ когда-то на тамошнихъ болотахъ. Если вы говорите правду, то мы, пожалуй, вдвоемъ съ вами играли тамъ... Вотъ почему вѣроятно ваше лицо мнѣ знакомо. Странная штука, не правда ли?

— Невѣроятная!

— Что-жъ! Приходилось и мнѣ водиться съ титулованными особами,— сказалъ Черный Гарри.—Въ благодарность за вашъ выдуманный или правдивый отвѣтъ я оставлю вамъ лошадь... На ней ѣхать куда лучше, чѣмъ въ дилижансѣ.

— Да и для васъ безопаснѣе,—отвѣчалъ путникъ.—Она можетъ выдать... легче будетъ выслѣдить васъ... Вы это сами хорошо знаете.

Черный Гарри, не выпуская пистолета изъ рукъ, ногой толкнулъ чемоданъ къ верстовому столбу и положилъ на него пистолетъ, отнятый имъ у путника.

— Подумать только, что въ Кентѣ и въ Райѣ, и въ Ромней-Мерчѣ,—продолжалъ онъ добродушнымъ тономъ,— мы играли съ вами, когда были дѣтьми. Не думали тогда, что можетъ произойти между ними.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ Сомервилль.

— Такъ я и сказалъ! Да если и скажу, то вы не станете умнѣе, какъ и я не сталъ глупѣе, узнавъ, что васъ зовутъ Эдуардомъ Сомервилль, ибо доподлинно знаю, что въ этой части Кента нѣтъ ни одного Сомервилля.

Глубокое убѣжденіе, слышавшееся въ этихъ словахъ, поразило путника.

— Знаете?—пробормоталъ онъ.

— Кто же вы, наконецъ?—продолжалъ Черный Гарри, желавшій во что бы то ни стало установить его тожество.—Нивъ, Куртисъ, Мертинъ, Картеръ?

— Да вы сами кто такой, скажите, ради Бога?—съ волненіемъ воскликнулъ Сомервилль.

— Берръ, можетъ быть?—продолжалъ Черный Гарри.—Здѣсь ихъ было только два; одинъ изъ нихъ умеръ, а другой...

Путникъ перебилъ его.

— Скажите мнѣ, что называется «хохлаткой»?

Оба уставились другъ на друга.

— Хохлаткой? — медленно повторилъ Черный Гарри.—Это небольшой цвѣтокъ... онъ появляется весною... лиловатый цвѣтокъ на гибкомъ стеблѣ... растетъ между буковицей. Этихъ цвѣтовъ много въ Кентѣ и въ Суссексѣ у Ромней-Мерча.

— Ихъ такъ много,—отвѣчилъ Сомервилль,—что мальчики, играя въ разбойниковъ и грабя гнѣзда лысухъ, пользовались ими, какъ сигналами...

Черный Гарри перебилъ его.

— Ей Богу, они это дѣлали! Они прикалывали ихъ себѣ на шапки и клали за обшлага... И паролемъ ихъ было слово...

— «Хохлатка»,—закончилъ Сомервилль.

— Да... да, оно самое.

— А когда цвѣты эти отцвѣтали и... они цвѣтутъ только рано весною... они украшали себя разными примѣтами... изъ лиловыхъ ленточекъ и ниточекъ.

Черный Гарри заглянулъ ему въ лицо.

— Кто же вы такой?—спросилъ онъ.—Который изъ тѣхъ мальчиковъ? Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ, но я знаю, что видѣлъ васъ.

Сомервилль былъ видимо взволнованъ.

— Отвѣчайте мнѣ на одинъ вопросъ, и я отвѣчу на вашъ. Помните Дэвида Берра, вожака мальчиковъ?

— Да.

— Вы сказали, что одинъ изъ Берровъ умеръ, и вы знаете, гдѣ другой. Который же изъ нихъ умеръ?

Черный Гарри засмѣялся.

— Не Джонъ... онъ живъ.

— Франкъ, слѣдовательно... Да?

— Десять лѣтъ тому назадъ или больше.

Путникъ улыбнулся.

— Вамъ сообщили невѣрныя свѣдѣнія. Умеръ вѣроятно Джонъ.

— Нѣтъ, не онъ.

— И Франкъ не умеръ, мой другъ!

— Почему вы говорите такъ увѣренно? Откуда вы это знаете?

— Потому что я и есть Франкъ Берръ. Да, мой другъ, я Франкъ.

— А я Джонъ... и вотъ мы встрѣтились. Я думалъ, что ты умеръ.

Черный Гарри снялъ съ себя маску, и братья взглянули другъ на друга.

— Странная встрѣча, — сказалъ младшій сухо,—невеселая встрѣча. Когда я возвращался въ Англію, я не думалъ, что мой собственный братъ приставитъ при встрѣчѣ со мной дуло пистолета къ моему лбу.

Джонъ угрюмо взглянулъ на него. Онъ опустилъ пистолетъ, но не бросилъ его.

— Какъ ты дошелъ до этого? — спросилъ Франкъ.

— Длинная исторія...

— И весьма, конечно, странная.

— Не страннѣе того, какъ ты сдѣлался изящнымъ джентльменомъ, у котораго есть лошадь и богатый костюмъ, и золото въ карманѣ, и пряжка изъ самоцвѣтнаго камня на шляпѣ.

— Мнѣ повезло,— отвѣчалъ спокойно Франкъ.—Я работалъ и дѣлалъ сбереженія... Сахарная плантація на Ямайкѣ.

— Не вполнѣ ясно. Какъ ты попалъ на Ямайку?

— Я заработалъ свой проѣздъ.

— Но одинъ человѣкъ писалъ мнѣ изъ Лондона, что ты умеръ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Въ чемъ же было дѣло.

Онъ опустилъ пистолетъ, но не бросилъ его...

— По моей просьбѣ... я хотѣлъ умереть для всѣхъ, кто меня зналъ.

— Почему?

Младшій отвѣчалъ съ досадой.

— Потому что въ насъ течетъ скверная кровь... Ты пользуешься худой славой, Китти превратилась въ

бродячую музыкантшу, другая сестра бѣжала въ Лондонъ съ сыномъ эсквайра, и маленькая ферма наша развалилась. Тебѣ извѣстно, Джонъ почему я ушелъ изъ дому.

Старшій былъ видимо смущенъ; взглядъ его безпокойно перебѣгалъ съ его собственной истрепанной одежды на изящный костюмъ младшаго брата.

— Ты поступилъ лучше всѣхъ насъ,—печально сказалъ онъ.—Бѣдная Китти погибла отъ чахотки, Нэнъ умерла въ Брайдуэллѣ; что касается меня,—онъ взглянулъ въ сторону висѣлицы,—то тамъ конецъ моей жизни.

Франкъ съ ужасомъ взглянулъ на него.

— И ты попрежнему хочешь продолжать эту жалкую жизнь? Неужели ты не хочешь подумать о томъ, что кровь брата можетъ отвѣтить на твой призывъ?

Джонъ вздрогнулъ; онъ вспомнилъ, что замышлялъ убійство, когда высматривалъ на дорогѣ поджидаемую имъ жертву.

— Ты всегда былъ умнѣе меня,— отвѣчалъ онъ.—Я не отрицаю своего глубокаго паденія, но у меня также были хорошіе дни, веселые дни.

— И ты не раскаиваешься?

— Раскаиваюсь ли? Забудь меня лучше, Франкъ. Я не опозорю твоего имени, ибо никто не знаетъ, кто я такой. Въ этомъ кроется причина, заставившаяся тебя назваться другимъ именемъ.

— Да, ты причина этого, — отвѣчалъ Франкъ сурово, — и Нэнъ, и Китти.

— Тебѣ нѣтъ никакой надобности стыдиться насъ, — мрачно сказалъ Джонъ.—Носи спокойно честное имя Берровъ и сдѣлай такъ, чтобы всѣ его уважали. Я не буду причиной никакихъ для тебя непріятностей.

Младшій братъ поднялъ руку и съ видомъ отчаянія опустилъ ее. Голова его поникла на грудь... онъ былъ истымъ олицетвореніемъ униженія.

— Веселое возвращеніе на родину,— сказалъ онъ,—веселое возвращеніе, нечего сказать.

Джонъ толкнулъ чемоданъ на середину дороги.

— Возьми его,—сказалъ онъ.

Франкъ грустно улыбнулся.

— Въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ бумагъ, разныхъ воспоминаній и коекакихъ сбереженій. Я въ твоей власти, поступай, какъ хочешь.

Онъ пожалъ плечами. Вмѣсто отвѣта Черный Гарри взялъ чемоданъ и привязалъ его къ сѣдлу.

— Ты знаешь пароль? «Хохлатка». Всѣ, кто носитъ этотъ цвѣтокъ, не грабятъ другъ друга.

Онъ вынулъ изъ кармана вещи, отобранныя у Франка, и возвратилъ ему.

— Вотъ оно доказательство того, Джонъ, что въ тебѣ таится много хорошаго; душа твоя не зачерствѣла еще и не погибла. Возьми эти деньги.

Онъ подалъ ему кошелекъ.

Черный Гарри отстранилъ его отъ себя рукой.

— Это честно нажитыя деньги, оставь ихъ у себя на честное дѣло. Меня же забудь... Вотъ единственная услуга, которой я прошу у тебя.

— Неужели я ничѣмъ не могу помочь тебѣ?

— Ничѣмъ, — отвѣчалъ Джонъ. — Поѣзжай въ Лондонъ, пока не совсѣмъ еще стемнѣло.

Съ минуту стояли они и смотрѣли другъ на друга, затѣмъ Джонъ передалъ Франку пистолетъ.

— Счастливаго пути!—сказалъ онъ коротко.

Младшій братъ молча протянулъ руку. Джонъ не взялъ ее; онъ отвернулся съ смущеніемъ и пошелъ прочь, но затѣмъ остановился и, взглянувъ черезъ плечо, сказалъ:

— Если можешь... помолись иногда за меня.

И съ этими словами поспѣшно нырнулъ въ кусты «Чортовой Чаши».

Франкъ Берръ вскочилъ на сѣдло и, пустивъ лошадь полной рысью

двинулся по направленію къ Лондону и скоро скрылся изъ виду.

Джонъ тѣмъ временемъ спускался среди колючихъ кустовъ, пока не добрался до дна котловины, откуда не было видно висѣлицы. Здѣсь онъ сѣлъ на камень и задумался надъ тѣмъ, какая разница между нимъ и его братомъ. Онъ горько сожалѣлъ въ эту минуту, что не велъ честной жизни и не сумѣлъ заслужить такого уваженія, какъ Франкъ. И ему вдругъ страшно захотѣлось измѣнить свой образъ жизни. Онъ даже мысленно обратился къ Богу и съ ужасомъ припоминалъ нѣкоторыя событія своей безпутной жизни.

Мысли его были нарушены появленіемъ товарища, который осторожно прокрался среди колючихъ кустовъ. Джонъ съ отвращеніемъ взглянулъ на него. Рессетъ Томъ,—такъ звали этого человѣка,—былъ типичнымъ олицетвореніемъ порока.

— Ну?—спросилъ Джонъ.

— Слимъ Дикъ долженъ сейчасъ проѣхать здѣсь,—отвѣчалъ Рессетъ.— Онъ везетъ чемоданъ, набитый золотомъ и брилльянтами... одинъ... надо воспользоваться!

Джонъ заинтересовался его словами. Слимъ Дикъ былъ воръ и плутъ, хитрый и лукавый, достигшій совершенства въ искусствѣ переодѣванія, которому всегда удавалось избѣжать ареста и который успѣшно совершилъ цѣлый рядъ самыхъ смѣлыхъ кражъ со взломами.

— Слимъ Дикъ?—спросилъ Джонъ.

— Сегодня утромъ слышалъ. Весь день наводилъ справки. Онъ здѣсь, въ тавернѣ «Лачуга», путешествуетъ подъ видомъ джентльмена. Всю свою послѣднюю добычу золота и брилльянтовъ везетъ въ маленькомъ чемоданчикѣ. Полицейскіе изъ Боу-Стринга выслѣживаютъ его. Одинъ ѣдетъ, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе. Мы можемъ облегчить его грузъ... а?

Джонъ съ невыразимымъ ужасомъ взглянулъ на него.

— За кого онъ выдаетъ себя?— спросилъ онъ.

— За Эдуарда Сомервилля. Говоритъ, будто пріѣхалъ съ Ямайки.

Джонъ вспомнилъ чемоданъ, который былъ у него въ рукахъ, и часы, и цѣпочку, и кошелекъ, и смущеніе свое передъ братомъ, — передъ братомъ, который оказался Слимомъ Дикомъ.

— Да что съ тобой?—крикнулъ сердито Рессетъ Томъ.—Идемъ, что ли... Надо захватить добычу.

— Онъ уѣхалъ,—стоналъ Джонъ,— уѣхалъ! Франку всегда везло.—Онъ съ смущеніемъ уставился впередъ, а спустя минуту произнесъ съ чувствомъ глубочайшаго униженія:—А я-то просилъ его молиться за меня!

Подъ ред. Цыфиркина.

Рѣшенія задачъ, помѣщенныхъ въ кн. 11-й «Міра Приключеній».

№ 1. Покупка сахарнаго песку.

Развѣшать 32 фунта песку безъ гирь на 5, 17, 3 и 7 фунтовъ весьма нетрудно. Для этого дѣлимъ, помощью вѣсовъ, 32-фунтовый пакетъ на два, одинаковаго вѣса, то-есть сыплемъ песокъ на обѣ чашки, пока вѣсы не уравняются. Теперь мы имѣемъ двѣ партіи песку—въ 16 ф. и въ 16 ф. Дѣлимъ одну изъ нихъ на двѣ равныя, по вѣсу, части; получаемъ 8 ф. и 8 ф. Далѣе, 8-фунтовый пакетъ дѣлимъ снова на двѣ равныя части, и т. д., пока не дойдемъ до фунтовыхъ пакетовъ. Теперь уже нетрудно составить нужныя количества:

5 ф. = 4 ф. + 1 ф.
17 ф. = 16 ф. + 1 ф.
3 ф. = 2 ф. + 1 ф.
7 ф. = 4 ф. + 2 ф. + 1 ф. (или 8 ф.—1 ф.)

№ 2. Распиловка дровъ.

Распиливая 2-аршинныя дрова на 8-вершковыя, пильщикъ дѣлаетъ въ каждомъ полѣнѣ 3 рѣза; при распиловкѣ же аршинныхъ дровъ на 8-вершковыя, онъ дѣлаетъ только 1 рѣзъ. Значитъ—первая распиловка потребуетъ времени, примѣрно, въ 3 раза больше, нежели вторая (а не въ 2 раза, какъ отвѣчаютъ обыкновенно).

№ 3. Двѣ лошади.

Обозначимъ черезъ r радіусъ того круга, который описываетъ въ своемъ бѣгѣ внутренняя лошадь. Тогда длина одного пройденнаго ею круга выразится такъ: $2 \times 3{,}14 \times r$. Радіусъ круга, описываемаго наружною лошадью, равенъ $r + 4$, а длина этого круга $2 \times 3{,}14 \times (r + 4)$. Длина этого круга больше длины перваго на $2 \times 3{,}14 \times (r + 4) - 2 \times 3{,}14 = 2 \times 3{,}14 \times 4 =$ около 25.

Другими словами: какъ бы великъ или малъ ни былъ круговой путь, наружная лошадь, отстоящая отъ внутренней на 4 фута, всегда дѣлаетъ, пробѣжавъ одинъ кругъ, на 25 футовъ больше.

№ 4. Гонораръ Пушкина.

Второй гонораръ больше, какъ видно изъ слѣдующей таблички:

1 коп.	1 руб. 28 коп.
2 коп.	2 руб. 56 коп.
4 коп.	5 руб. 12 коп.
8 коп.	10 руб. 24 коп.
16 коп.	20 руб. 48 коп.
32 коп.	40 руб. 96 коп.
64 коп.	81 руб. 92 коп.

Сложивъ всѣ эти суммы, получимъ 163 руб. 83 коп., т. е. почти втрое больше того 70-рублеваго гонорара, который Пушкинъ получалъ въ дѣйствительности.

№ 5. Какое число?

Это задача - полушутка. Искомое число есть *произведеніе всѣхъ чиселъ*. Оно, конечно, дѣлится на всѣ числа безъ остатка.

№ 6. Который часъ?

Допустимъ, что до 6-ти часовъ осталось x минутъ. Пятьдесятъ минутъ тому назадъ оставалось, слѣдовательно, $x + 50$. Въ то же время послѣ 3-хъ часовъ прошло $180 - (x + 50)$. Мы знаемъ, что это выраженіе вчетверо больше, нежели x, то есть имѣемъ уравненіе

$$180 - (x + 50) = 4x,$$

откуда

$$130 = 5x, \text{ и } x = 26.$$

Слѣдовательно, отвѣтъ задачи таковъ: безъ 26 минутъ шесть.

№ 7. Разрывъ шрапнели.

Если бы силы тяжести не существовало, то всѣ осколки въ 1, 2, 3 и т. д. секундъ успѣли бы отлетѣть на одинаковыя разстоянія и, слѣдовательно, расположились бы на шаровой поверхности. Но существованіе силы тяжести нисколько не измѣняетъ формы этой фигуры, такъ какъ тяжесть заставляетъ всѣ осколки падать съ одинаковой скоростью и, слѣдовательно, *не мѣнять ихъ взаимнаго расположенія*. Поэтому, осколки шрапнели должны и при паденіи сохранить свое расположеніе въ формѣ шаровой поверхности.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1918** г. (29-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

ПРИРОДА и ЛЮДИ

52 №№ еженедѣльн. художественно-литературнаго журн. „Природа и Люди"
Романы, повѣсти, разсказы, общедоступн. очерки по всѣмъ отрасл. знанія и техники.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за 52 №№ журнала „Природа и Люди" съ безпл. прил. по абон. № 1, № 2 или № 3 **32 РУБ.** съ дост. и перес.
Безъ дост. и перес. **30 руб. = Допускается разсрочка:**
Въ два срока: при подпискѣ половина стоимости и къ 1 іюня остальныя.
Въ три срока: при подп. 1/3 стоим., къ 1 апр. еще 1/3 и къ 1 іюня остальныя.

Безплатн. приложенія: абонем. № 1, или № 2, или № 3, по выбору подписчиковъ:

АБОНЕМЕНТЪ № 1.

ЗАПРЕЩЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

12 КНИГЪ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Баратынскаго, Вяземскаго, Аксакова, Огарева, Толстого Л., Щедрина, Тургенева, Полонскаго, Писарева, Лѣскова, Гаршина, Герцена, Соловьева Вл., Некрасова, Толстого Ал., Рылѣева, Никитина, Шевченко, Растопчиной, и мн. др.

Со снимками съ запрещен. цензурою картинъ и рисунк. русск. художниковъ.

12 КНИГЪ ГЕРБЕРТА УЭЛЬСА

АБОНЕМЕНТЪ № 2.

12 КНИГЪ ГЕРБЕРТА УЭЛЬСА

СОБРАНІЕ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСК. РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

12 КНИГЪ МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ

БОГАТО-ИЛЛЮСТРИР. ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРН. НОВИНОКЪ

Романы, повѣсти, разсказы. Новизна, оригинальность, разнообразіе сюжетовъ.

АБОНЕМЕНТЪ № 3.

28 КНИГЪ 5.000 стран. **МАРКА ТВЭНА**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. ОКОЛО 1.400 ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

Всѣ сочиненія Марка Твэна отличаются жизнерадостнымъ, здоровымъ юморомъ, невольно заражающимъ читателя и удержимымъ, веселымъ смѣхомъ. Въ настоящее изданіе сочиненій Марка Твэна вошли не только всѣ его романы, повѣсти и разсказы, но и всѣ его путешествія.

Желающіе могутъ *одновременно* съ подпиской на любой абонементъ, **сверхъ того,** получать за доплату, по своему выбору, **любыя** приложенія изъ другихъ абонем., уплачивая за каждое изъ доплатн. приложеній по 12 руб. Сочиненія Марка Твэна за доплату *не высылаются.*

Разсрочка за доплатн. прилож. допускается: Въ два срока: при подп. полов. стоим. и къ 1 іюня остальныя. Въ три срока: при подпискѣ 1/3 стоим., къ 1 апрѣля еще 1/3 и къ 1 іюня остальныя.

Главная Контора: Петроградъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

«МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ» книга 1-я. Безплатное приложеніе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за 1918 г.

Пятая Государственная тип. Птгр., Стремянная, 12.